

НИЛ ФЕРГЮСОН

Дом от шил дов

МИРОВЫЕ
БАНКИРЫ

1849
1999

Выдающаяся книга по оценке
New York Times

Ниал Фергюсон

**Дом Ротшильдов. Мировые
банкиры. 1849—1999**

«Центрполиграф»

1998

УДК 929
ББК 84(7Сое)

Фергюсон Н.

Дом Ротшильдов. Мировые банкиры. 1849—1999 /
Н. Фергюсон — «Центрполиграф», 1998

ISBN 978-5-227-08653-2

Полуторавековая история самого влиятельного и успешного банкирского клана Ротшильдов предстает перед читателем в обширном историческом труде оксфордского ученого Н. Фергюсона. Этот труд отличает безупречная эрудиция автора, который создал увлекательнейшую биографию династии на основе огромного фактического, ранее неизвестного архивного материала и развенчал при этом напластования бесчисленных легенд, анекдотов и мифов, связанных со знаменитым и по-своему исключительным семейством.

УДК 929
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08653-2

© Фергюсон Н., 1998
© Центрполиграф, 1998

Содержание

Предисловие	9
Часть первая	19
Глава 1	19
Ортодоксы и реформаторы	28
Позиция Лайонела	34
Дизраэли	42
Парламент и пэры	47
«Подлинный триумф»	55
Кембридж	57
Большие выставки и хрустальные дворцы	59
Глава 2	64
Два императора	64
«Креди мобилье»	69
Золотая лихорадка	77
Государственные финансы и Крымская война	82
Контратака	94
Глава 3	102
Финансы «Объединения»	103
От Турина до Сарагосы	109
Наполеон в Ферьере	115
Корни британского нейтралитета	123
Американские войны	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Нил Фергюсон
Дом Ротшильдов. Мировые
банкиры. 1849—1999

Посвящается Локлану

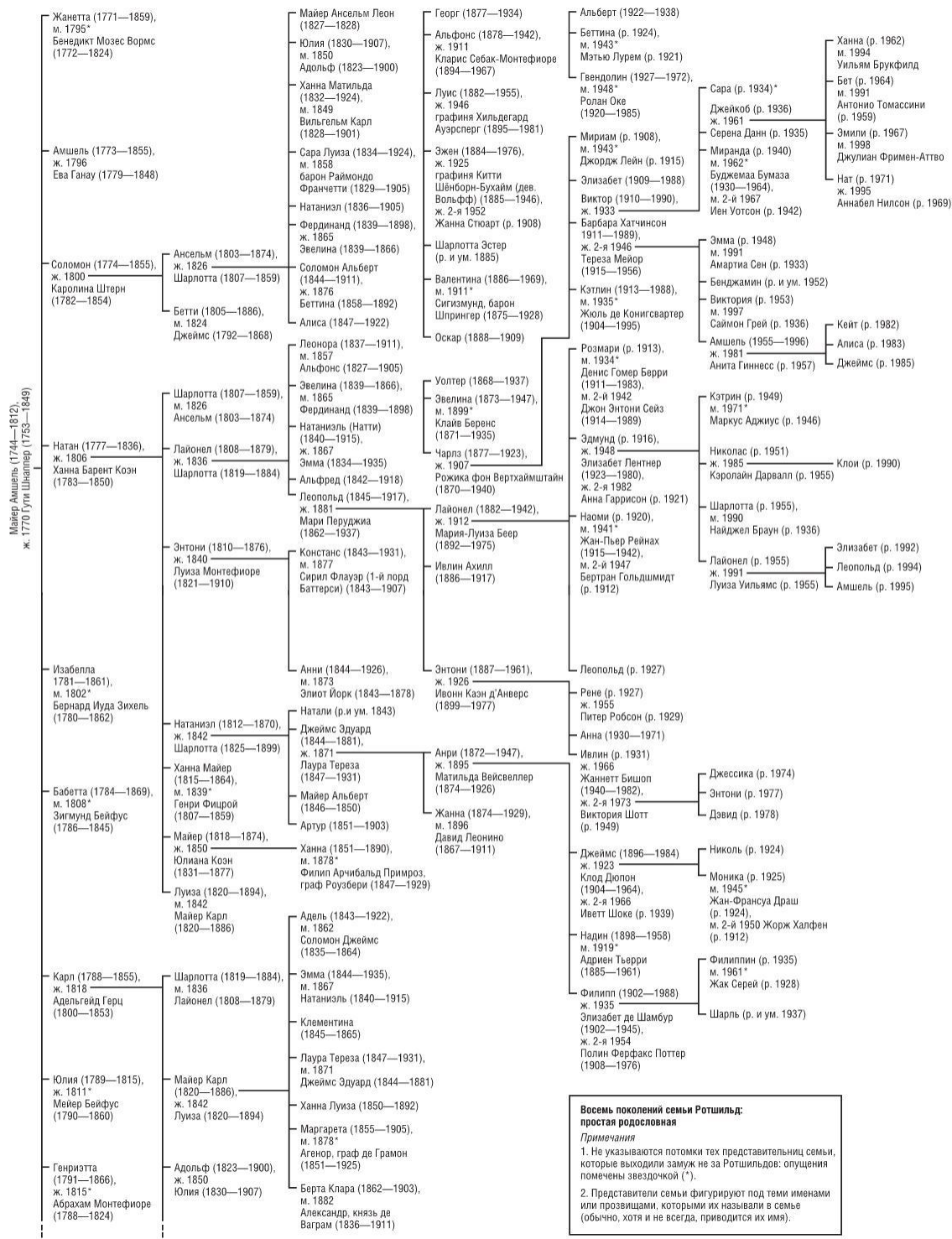
The House of Rothschild: The World's Banker 1849—1999

Copyright © 1998, Niall Ferguson

All rights reserved

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

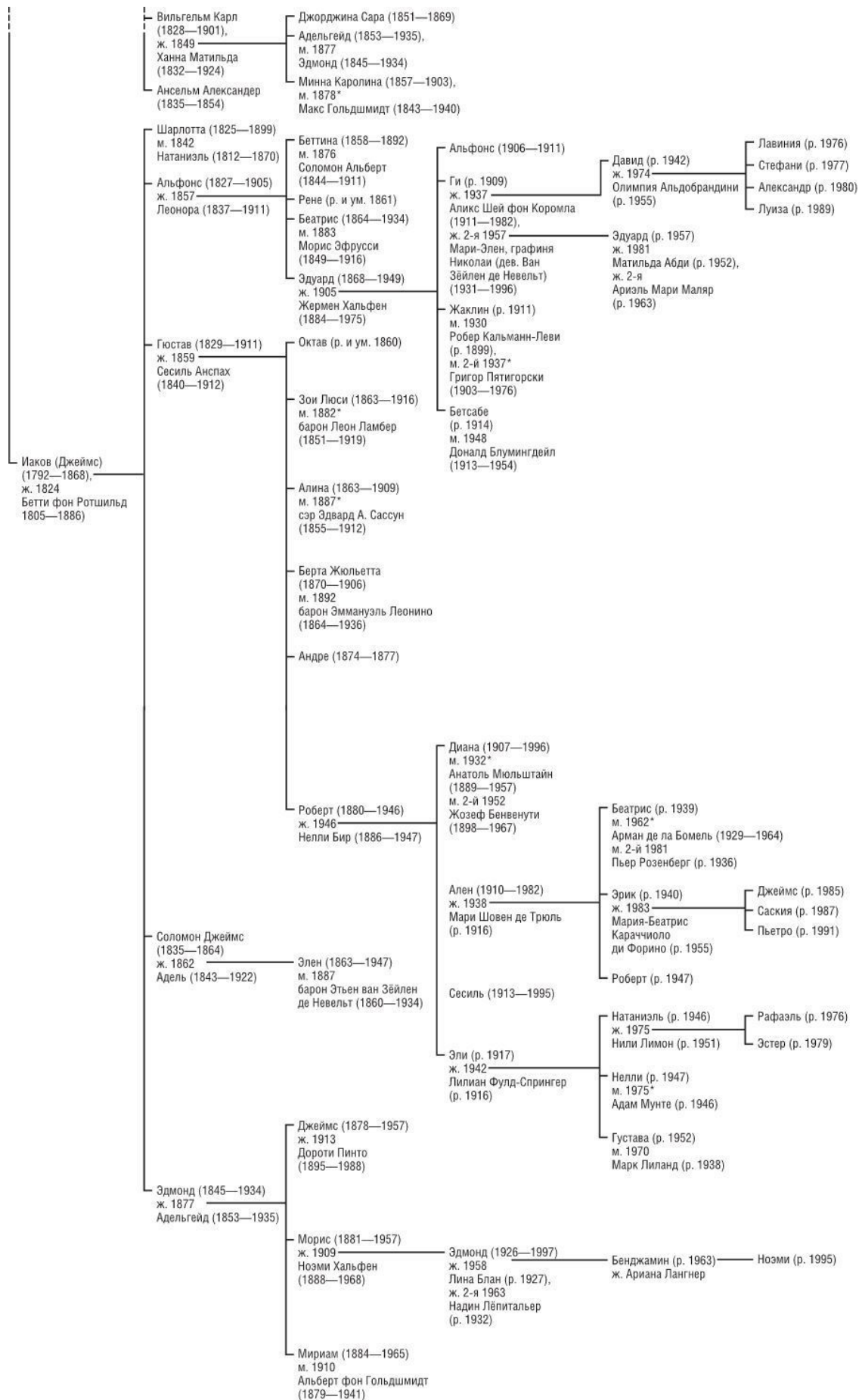

Восемь поколений семьи Ротшильд:
простая родословная

Примечания

1. Не указываются потомки тех представителей семьи, которые выходили замуж не за Ротшильдов: опущения помечены звездочкой (*).

2. Представители семьи фигурируют под теми именами или прозвищами, которыми их называли в семье (обычно, хотя и не всегда, приводится их имя).

Предисловие

Если рассматривать 1789–1848 гг. как «эпоху революций», ее главными выгодоприобретателями явно стали Ротшильды. Конечно, им дорого обошлись политические потрясения 1848–1849 гг. Тогда, как и в 1830 г., из-за революций государственные облигации резко упали в цене, только в гораздо большем масштабе. Для Ротшильдов, которые держали большую долю своего огромного богатства в виде облигаций, подобные события предвещали серьезные потери капитала. Хуже того, Венский и Парижский дома оказались на грани банкротства, из-за чего остальным домам – Лондонскому, Франкфуртскому и Неаполитанскому – пришлось выручать их из беды. Однако Ротшильды пережили и этот величайший из всех финансовых кризисов между 1815 и 1914 гг., а также величайшую революцию. Более того, было бы странной иронией судьбы, если бы они не выжили: в конце концов, если бы не революция, им было бы нечего терять.

Именно первая французская революция, которую называют Великой, революция 1796 г., буквально снесла стены франкфуртского гетто и позволила Ротшильдам начать свое феноменальное, беспрецедентное и с тех пор никем не превзойденное экономическое восхождение. До 1789 г. жизнь Майера Амшеля Ротшильда и его родных ограничивалась дискриминационными законами. Евреи не имели права обрабатывать землю, торговать оружием, специями, вином и хлебом. Им запрещали жить за пределами гетто, а по ночам, по воскресеньям и в дни христианских праздников их там запирали. Они подвергались дискриминационному налогообложению. Как бы усердно ни трудился Майер Амшель, сначала в качестве торговца антикварными монетами, затем – биржевого брокера и торгового банкира, во всех сферах для него по тогдашним законам устанавливались строгие пределы. И лишь когда Великая французская революция перекинулась на юг Германии, ситуация стала меняться. Во Франкфурте не только открыли Юденгассе; с живших в городе евреев сняли многие законодательные ограничения – не в последнюю очередь благодаря финансовому влиянию Майера Амшеля на Карла фон Дальберга, наполеоновского наместника в Рейнской области. После того как французы ушли, франкфуртские власти и многие горожане очень старались вернуть прежнюю систему ограничений, которая касалась прав проживания и общественного положения, но эта система, напоминавшая апартеид, уже не могла быть восстановлена в полном объеме.

Более того, после революционных войн Ротшильды получили такие деловые возможности, о которых они раньше не могли и мечтать. По мере того как нарастали масштаб и стойкость конфликта между Францией и остальной Европой, так же росли и потребности в займах у противоборствующих государств. В то же время разрушение привычных, устоявшихся методов ведения торговли и банковских операций привлекло многих тщеславных любителей риска. Так, Наполеон решил отправить в ссылку курфюрста Гессен-Кассельского, что позволило Майеру Амшелю (одному из «придворных поставщиков» курфюрста с 1769 г.) стать для него основным источником денег. Он собирал проценты по тем активам, которые не попали в руки французов, и заново инвестировал средства для курфюрста. Занятие было опасным: Майер Амшель попал под подозрение французов. Полицейские даже допрашивали его и его близких, хотя они впоследствии и не подвергались преследованиям. Зато и прибыли росли пропорционально риску. Ротшильды быстро овладели искусством скрытности.

Более того, революция и война способствовали восхождению Натана, властного сына Майера Амшеля. Начав с экспорта британских тканей в Манчестере, он стал одним из «столпов» лондонского Сити и финансировал британскую военную экономику. В обычные времена Натан, несомненно, процветал бы как торговец тканями. Он безошибочно опирался на метод снижения цен и роста объемов. К тому же он отличался поразительными энергией, тщеславием и работоспособностью. («Я не читаю книг, – говорил он братьям в 1816 г. – Не играю

в карты. Не хожу в театр. Единственная моя радость – работа».) Но особенно благоприятные условия для отважного и изобретательного новичка возникли из-за войн Великобритании с Францией. Запретив в 1806 г. британский экспорт в континентальную Европу, Наполеон повысил не только риск, но и потенциальную прибыль для тех, кто, подобно Натану, стремился прорвать блокаду. Наивность французских властей, которые охотно позволяли британским слиткам пересекать Ла-Манш, предоставила Натану еще более прибыльную сферу деятельности. В 1808 г. ему удалось перебраться из Манчестера в Лондон, который к тому времени, особенно после оккупации Амстердама Наполеоном, стал поистине всемирным финансовым центром.

«Ловким ходом», позволившим Натану перескочить в первую лигу торговых банкиров, стало использование английских инвестиций курфюрста Гессен-Кассельского для пополнения собственных средств. В 1809 г. Натан добился соответствующих полномочий на новые закупки британских облигаций для курфюрста, и они принесли неплохой доход; за следующие четыре года он купил ценных бумаг более чем на 600 тысяч ф. ст. В мирное время Натан наверняка стал бы крупным инвестиционным менеджером; однако в суматохе войны он сумел распорядиться облигациями курфюрста как собственным капиталом. Сам того не зная, ссыльный курфюрст стал пассивным партнером в новом банкирском доме «Н. М. Ротшильд» (его министр Бударус гораздо охотнее вкладывал средства во Франкфуртский дом). Вот почему в 1813 г. Натану удалось предложить свои услуги правительству Великобритании, у которого отчаянно не хватало средств на финансирование предпоследней кампании Веллингтона против Наполеона. Вот что имел в виду Карл, когда позже говорил, что «старик» – то есть Вильгельм, курфюрст Гессен-Кассельский – «сколотил нам состояние».

Откровенно говоря, скорее им следовало бы благодарить усердие и проницательность их собственного «старика». Именно Майер Амшель в 1810 г. придумал структуру компании, которая почти столетие продержалась в неизменном виде, лишь с самыми минимальными изменениями, связав воедино четыре поколения его потомков по мужской линии. Члены семьи женского пола и их супруги в семейную компанию категорически не допускались. И именно Майер Амшель научил сыновей таким реалистичным правилам ведения бизнеса, как: «Лучше иметь дело с правительством, у которого трудности, чем с тем, на чьей стороне удача»; «Если не можете сделать так, чтобы вас любили, постарайтесь, чтобы вас боялись»; «Если высокопоставленный человек входит в [финансовую] компанию с евреем, он принадлежит евреям». Видимо, помня последний совет, братья стремились осыпать влиятельных политиков и прочих важных персон подарками, выгодными займами, подсказками, как выгодно вложить деньги, и откровенными взятками. Самое главное, Майер Амшель учил сыновей ценить единство. «Амшель, – говорил он старшему сыну в 1812 г., лежа на смертном одре, – держи братьев вместе, и вы станете богатейшими людьми в Германии». Тридцать лет спустя его сыновья повторили отцовские заповеди следующему поколению; к тому времени они стали богатейшими людьми в мире, более того, богатейшей семьей во всей истории.

Операции 1814 и 1815 гг., в ходе которых Натан и его братья собрали огромное количество золота не только для Веллингтона, но и для союзников Великобритании на континенте, стали началом новой эпохи не только финансовой, но и политической истории. Ротшильды растягивали свой кредит до предела; иногда они абсолютно теряли представление о своих активах и задолженностях, ставя на карту все, чем они владели, ради комиссионных вознаграждений со стороны государства, процентных выплат и спекулятивных прибылей на обменном курсе и колебаниях рынка облигаций. Только в 1815 г. Натан провел с правительством Великобритании операций на общую сумму около 10 млн ф. ст., в то время громадную сумму. Лорд Ливерпул может служить классическим примером английского преуменьшения: тогда он назвал Натана «очень полезным другом». Как признавали другие современники, наполеоновских полководцев невозможно было победить без наполеоновских финансов. Людвиг Бёрне по праву называл братьев Ротшильд «финансовыми Бонапартами»; Натан, как признавал Соло-

мон, был их «генералом-главнокомандующим». Хотя во время битвы при Ватерлоо они были на грани краха, – война закончилась гораздо быстрее, чем рассчитывал Натан, – в 1815 г. Ротшильды стали стерлинговыми миллионерами. Почти сразу же после этого Натан осуществил, наверное, самую успешную операцию всей своей жизни: он вложил огромную сумму в британские государственные облигации (консоли), воспользовавшись экономическим подъемом, вызванным послевоенной финансовой стабилизацией. Он забрал прибыль, не дожидаясь, пока рынок достигнет высшей точки. Эта мастерская операция одномоментно принесла Натану более 250 тысяч ф. ст.

1820-е гг. стали временем как политической, так и финансовой реставрации. Многие свергнутые европейские монархи вернулись на свои престолы. Под руководством князя Меттерниха великие европейские державы объединялись для отпора новым революционным импульсам, где бы они ни возникали. Нет сомнений в том, что эту реставрацию оплачивали Ротшильды. Благодаря им у Австрии, Пруссии и России – членов Священного союза, – а также у представителей династии Бурбонов во Франции появилась возможность выпустить облигации под такие проценты, которые раньше могли себе позволить только Великобритания и Голландия. В том, что благодаря Ротшильдам князю Меттерниху стало легче «поддерживать порядок» в Европе, особенно после того, как к реставрации Бурбонов в Неаполе и Испании приложили руку Австрия и Франция, – нет никаких сомнений. Можно смело считать, что в шутке о том, что Ротшильды – «главный союзник Священного союза», имелась большая доля истины. Кроме того, в ту эпоху Ротшильды предоставляли займы избранным частным лицам, в том числе многим высокопоставленным особам: самому Меттерниху, королю Георгу IV и его зятю Леопольду Саксен-Кобургскому, позже ставшему королем Бельгии. Как жаловался Людвиг Бёрне, «Ротшильд стал человеком, который... дает аристократам власть презирать свободу и лишает людей мужества, чтобы противостоять насилию... верховным жрецом страха, на чьем алтаре приносят в жертву свободу, патриотизм, честь и все гражданские добродетели».

Впрочем, к эпохе Реставрации Ротшильды всегда относились двояко. Вряд ли им было по душе возвращение к власти представителей консервативных элит, которые – ярче всего в Германии – стремились снова сделать евреев гражданами второго сорта. Однако Натан был не из тех, кто способен отказаться от выгодной операции по идеологическим соображениям. Действия Священного союза, участники которого выступали против революционных движений в Испании или Италии, не всегда положительно сказывались на делах: война расшатывала рынок облигаций не в последнюю очередь из-за ее губительного влияния на государственный бюджет. Потенциальными новыми клиентами становились новые режимы, возникавшие в таких странах, как Испания, Бразилия или Греция; и опыт подсказывал, что страны, в которых утвердился конституционный монархизм, – гораздо лучшие клиенты, чем абсолютистские режимы. Примечательно, что Ротшильды склонны были давать деньги в займы испанским либералам, но отказались финансировать Фердинанда VII после того, как он вернулся на престол и в стране восстановился абсолютизм. Как заметил Байрон в «Дон-Жуане», Ротшильды имели одинаковую власть над «роялистами и либералами». Гейне пошел еще дальше, назвав Ротшильда революционером наравне с Робеспьером, потому что «Ротшильд... уничтожил власть земли, приведя к верховной власти систему государственных облигаций, тем самым мобилизовав собственность и доход и в то же время наделив деньги привилегиями, которыми раньше обладала земля».

Тому же Гейне принадлежит незабвенная фраза: «Деньги – бог нашего времени, и Ротшильд – их пророк». Несомненно, самым важным вкладом Ротшильдов в экономическую историю было создание поистине международного рынка облигаций. Конечно, потоки капитала пересекали государственные границы и раньше: в XVIII в. голландцы вкладывали деньги в государственные облигации Великобритании, а Бетманы, франкфуртские конкуренты Ротшильдов, в тот же период размещали на рынке крупные партии австрийских облигаций. Но

никогда раньше облигации какого-либо государства не выпускались одновременно на многих рынках на таких привлекательных условиях, как, например, в случае с Пруссией в 1818 г.: облигации были деноминированы в фунтах стерлингов, проценты выплачивались в том месте, где производилась эмиссия, был создан фонд погашения.

Выпуск облигаций был не единственной сферой деятельности Ротшильдов. Помимо всего прочего, они учитывали коммерческие вексели, торговали золотыми слитками, обменивали иностранную валюту, напрямую участвовали в торговле товарами, пробовали свои силы в страховании и даже предлагали частные банковские услуги отдельным представителям элиты. Они играли важную роль на рынках золота и серебра: именно Ротшильды, выступившие как «последнее средство для последнего кредитора в критической ситуации», в 1825 г. не допустили приостановки обмена фунта на золото Английским Банком. Но главным для них был рынок облигаций. Более того, покупка и продажа на различных вторичных рынках облигаций служила почти таким же важным источником прибыли, как собственно эмиссия: покупка-продажа облигаций стала главным видом спекуляции, в которой братья принимали участие.

Именно многонациональный характер подобных операций выделял Ротшильдов среди их конкурентов. В то время как Амшель, старший брат Натана, продолжал возглавлять исходный семейный банкирский дом во Франкфурте, его самый младший брат Джеймс обосновался в Париже. В конце 1820-х гг. Соломон и Карл основали филиалы Франкфуртского дома в Вене и Неаполе. Пять домов образовали уникальную компанию; они совместно выступали в крупных операциях, аккумулировали прибыль и делили расходы. Благодаря регулярной и подробной переписке они могли забыть о разделявшем их расстоянии. Партнеры встречались лишь раз в несколько лет, когда новые обстоятельства вынуждали внести изменения в их договор о сотрудничестве.

Такая многонациональная структура предоставляла Ротшильдам важные преимущества в нескольких отношениях. Во-первых, она позволяла им заниматься арбитражными операциями (одновременной покупкой и продажей ценных бумаг на разных рынках), эксплуатируя разницу в ценах между, скажем, лондонским и парижским рынками. Во-вторых, они могли выручать друг друга в случае финансовых затруднений или затруднений в сфере ликвидности. Никогда, даже в 1848 г., финансовые кризисы не поражали всю Европу одновременно и с одинаковой силой. В 1825 г., когда пострадала Великобритания, Натан выручил Джеймс. В 1830 г., когда обрушился парижский рынок, Натан оплатил брату взаимностью. Если бы Венский дом был независимым учреждением, он несомненно обанкротился бы в 1848 г. Только после того, как остальные дома списали значительные суммы, Ансельм, сын Соломона, сумел восстановить положение.

Стремительно накапливая капитал — они не распределяли прибыли, довольствуясь низкими процентами в своих индивидуальных партнерских долях, — Ротшильды вскоре получили возможность проводить такие операции в беспрецедентном масштабе. Безусловно, они были крупнейшим банком в мире; к 1825 г. они в десять раз превосходили своих ближайших соперников, банк «Братья Бэринг» (Baring Brothers). Это, в свою очередь, позволяло им гибко менять деловую стратегию. После первых лет работы, которые были отмечены большими рисками и высокими прибылями, они могли довольствоваться более низкой рентабельностью, не подрывая своего верховенства на рынке. Более того, компания Ротшильдов оказалась столь долговечной во многом именно благодаря отходу от принципа максимизации прибыли. Время от времени они сталкивались с конкурентами — классическим примером такой конкуренции в эпоху Реставрации стал Жак Лаффит. Конкуренты нагоняли Ротшильдов во время подъемов на рынке благодаря тому, что шли на больший риск, но попадали в беду, когда за периодом подъема неизбежно следовал спад.

Богатство влекло за собой определенный статус. В глазах современников Ротшильды олицетворяли «новые деньги»: они были евреями, они не получили хорошего образования и вос-

питания – однако за несколько лет они скопили активов в виде ценных бумаг, которые стоили гораздо больше многих аристократических поместий. Внешне эти выскочки как будто жаждали получить признание со стороны так называемой «старой элиты». Как будто желая изгнать воспоминания о тех днях, когда (по воспоминаниям Карла) «мы все спали в одной комнатухе на чердаке», они покупали самые красивые особняки в таких местах, как Пикадилли в Лондоне и улица Лаффита в Париже. Позже они приобрели первые загородные усадьбы в Ганнерсбери, Ферьере и Шиллерсдорфе. Они заполняли свои дома картинами голландских художников XVII в. и французской мебелью XVIII в. Они устраивали пышные званые ужины и великолепные балы. Они добивались титулов и других почестей: простой Якоб (Иаков) Ротшильд превратился в барона Джеймса де Ротшильда, генерального консула Австрии в Париже, кавалера ордена Почетного легиона. Своих сыновей они воспитывали как джентльменов, прививая им вкус к таким видам досуга, о которых в гетто не слыхивали: верховая езда, охота, изящные искусства. Их дочерям давал уроки фортепьяно сам Шопен. Литераторы – особенно Дизраэли, Гейне, Бальзак – искали покровительства у этих новых Медичи, хотя позже карикатурно изображали их в своих произведениях.

Однако, общаясь между собой, Ротшильды относились к собственному подъему по общественной лестнице довольно цинично. Титулы и почести были «частью шумихи»; они помогали братьям получить доступ в коридоры власти. Званые ужины и балы были для них неприятной обязанностью, которая служила той же цели: почти все мероприятия играли роль спецобслуживания, оказываемого особо важным клиентам, как бы мы сказали сейчас, «корпоративного гостеприимства». Даже «облагораживание» следующих поколений было поверхностным: настоящее образование их сыновья по-прежнему получали «в конторе».

Самой важной оговоркой, связанной с ассимиляцией Ротшильдов, оставалась религия. В отличие от многих других богатых европейских евреев, перешедших в христианство в 1820-х гг., Ротшильды неукоснительно придерживались веры своих предков. Хотя степень их религиозности была разной, – например, Амшель строго соблюдал все обряды, Джеймс относился к ним поверхностно, – братья сходились в том, что их всемирный успех тесно связан с их иудаизмом. Как выразился Джеймс, религия означала «все... от нее зависят наша удача и наше счастье». В 1839 г., когда Ханна Майер, дочь Натана, перешла в христианство, чтобы выйти замуж за Генри Фицроя, от нее отвернулись почти все родственники, включая родную мать.

Следствием убеждения Ротшильдов, что верность иудаизму является важной составной частью их земного успеха, стал тот интерес, какой они проявляли к судьбе своих «беднейших единоверцев». Их обязательства по отношению к еврейской общине в широком смысле слова не сводились лишь к традиционным благотворительным взносам и включали в себя систематическое политическое лоббирование за еврейскую эмансипацию. Традиция, начатая Майером Амшелем в эпоху Наполеоновских войн, по которой деньги Ротшильдов способствовали защите гражданских и политических прав евреев, продолжалась более или менее непрерывно в течение столетия. В 1840 г., когда евреев, проживавших в Дамаске, ложно обвинили в «ритуальном убийстве», Ротшильды организовали успешную кампанию для того, чтобы покончить с преследованиями. Тот случай стал лишь самым ярким из многих. Займы, которые Ротшильды предоставляли папе римскому, также использовались в качестве рычага влияния для улучшения участи евреев, проживавших на территории Папской области. Как ни странно, усилия английских Ротшильдов ближе к дому оказались не столь успешными. Натан и его жена Ханна уже в 1829 г. принимали участие в кампании против недопущения евреев в парламент. Через семь лет Натан умер, а проблема так и не была решена. Кампанию по эмансипации евреев, проживавших в Англии, суждено было возглавить Лайонелу, сыну Натана.

И все же нельзя безоговорочно отождествлять Ротшильдов с более широкими слоями еврейского населения. От остальных европейских евреев их отделяло не только богатство. Родословная Ротшильдов также отличается своеобразием. Дело в том, что среди Ротшильдов

была широко распространена эндогамия – они были сторонниками браков не просто с единоверцами, но и с членами собственной семьи, с близкими родственниками. Им казалось, что Ротшильду подходит только другой Ротшильд: из 21 брака, заключенного детьми и внуками Майера Амшеля в период 1824–1877 гг., не менее чем в 15 супругами становились его прямые потомки. Типичным примером может служить женитьба Лайонела, сына Натана, на Шарлотте, дочери Карла, в 1836 г. Брак был устроен родственниками и оказался не очень счастливым. Главным обоснованием для такой стратегии было укрепление связей в пределах семейной финансовой компании. План достиг своей цели, хотя на современный взгляд родословное древо того периода выглядит сомнительным с точки зрения генетического риска. Браки между кузенами способствовали тому, что фамильное состояние не расплылось. Подобно строгому правилу, согласно которому дочери и зятья не допускались к священным grossбухам компании, и повторению завета Майера Амшеля, чтобы братья хранили единство, родственные браки стали одним из средств, не давших Ротшильдам прийти в упадок по образцу Будденброков из романа Томаса Манна. Конечно, примерно так же рассуждали и другие династии. Браки между кузенами были относительно широко распространены в еврейских коммерческих семьях. Обычай был свойственен не только евреям: браки между кузенами практиковали и жившие в Великобритании квакеры. Более того, даже в европейских королевских фамилиях браки между кузенами призваны были скреплять политические связи. Однако у Ротшильдов эндогамия была распространена до такой степени, с какой не могли соперничать даже представители династии Саксен-Кобургов. Именно поэтому Гейне называл Ротшильдов «исключительной семьей». Более того, другие евреи постепенно начали относиться к Ротшильдам как к своего рода еврейской королевской фамилии: их называли «королями евреев», а также «евреями королей».

Революция 1830 г. выявила две важные вещи. Во-первых, Ротшильды не были привязаны к Священному союзу; они, напротив, охотно предлагали свои финансовые услуги либеральным и даже революционным режимам. Более того, как только Джеймс оправился после первого тяжелого потрясения, вызванного революцией, он понял, что ему проще вести дела с «буржуазной монархией» Луи-Филиппа. Таким же близким по духу оказалось и молодое государство Бельгия, особенно после того, как бельгийцы (подобно грекам) согласились принять в качестве монарха «ручного» немецкого принца, который к тому же был клиентом Ротшильдов, и подчинились предписаниям, выработанным совместно великими державами. Во-вторых, Ротшильды стремились к тому, чтобы великие державы достигали подобных соглашений, и считали, что и в этой области очень действенны финансовые рычаги влияния.

Начало революции породило общее падение в цене французских рентных бумаг (бессрочных облигаций, которые во Франции играли ту же роль, что и консоли в Великобритании). Падение ренты застало Джеймса врасплох; его баланс тут же стал убыточным. Но главным фактором в 1830-е гг. стал страх. Именно он больше всего способствовал неустойчивости европейских финансовых рынков и отсрочил восстановление ренты даже после того, как учредили более или менее стабильную конституционную монархию. Все боялись, что французская революция, как и в 1790-е гг., выльется в большую европейскую войну. В тот период именно страх более всего другого стал причиной крайне пагубного влияния на финансы даже в тех странах, которые не затронула революция.

В начале 1830-х гг. несколько раз возникала опасность войны из-за Бельгии, Польши или Италии. Ротшильды к тому времени обладали настолько широкими связями, что были способны выступать в роли миротворцев в каждом случае. Многие ведущие европейские государственные деятели пользовались уникальными возможностями частной системы сообщения Ротшильдов – она зависела главным образом от собственных курьеров, которые возили письма в разные места. Почтовая служба Ротшильдов служила своего рода тогдашней экспресс-доставкой и предоставляла семье одну из форм власти, которую давали знания. Джеймс виделся с

Луи-Филиппом, выслушивал его точку зрения, писал о ней Соломону, который отправлялся к Меттерниху и передавал важные сведения. Затем процесс повторялся в обратном порядке; ответ Меттерниха доходил до Луи-Филиппа посредством не менее двух Ротшильдов. Естественно, бывало и так, что «передающие звенья» могли в процессе передачи слегка изменять информацию; однако чаще благодаря полученным важным новостям Ротшильды получали возможность корректировать действия на фондовых биржах, прежде чем передавать сведения дальше.

В то же время главенство Ротшильдов на международном рынке облигаций давало им и власть другого рода. Из-за того что любое государство, которое всерьез планировало начать войну, нуждалось для этой цели в деньгах, Ротшильды рано поняли, что в случае необходимости могут накладывать вето: нет мира – нет денег. Или, как выразился в декабре 1830 г. австрийский дипломат князь Прокеш фон Остен, «это все вопрос цели и средств, и то, что говорит Ротшильд, имеет решающее значение, а он не даст денег на войну».

Система не всегда работала безупречно. Хотя современникам приятно было сознавать, что Ротшильды способны поддерживать мир в Европе, просто пригрозив урезать кредит, на самом деле имелись и другие причины, объяснявшие, почему в 1830-е гг. не началась война. И все же в определенные времена Ротшильдам удавалось демонстрировать политическую власть финансовыми средствами. Так, недвусмысленный отказ Соломона поддержать новый заем в 1832 г. если не победил, то по крайней мере ослабил воинственность Меттерниха. А такие молодые государства, как Греция и Бельгия, были буквально обязаны Ротшильдам своим рождением: семья разместила для них займы под гарантии великих держав.

Таким образом, к 1836 г., когда безвременно, после тяжелой болезни, умер Натан, Ротшильды основали огромную компанию, располагающую поистине неисчерпаемыми средствами и географическим охватом. Их влияние распространялось не только на Европу; они опирались на многочисленные агентства и филиалы, созданные не только на других европейских рынках, но и во всем мире. Сведения стекались к ним со всех сторон: от Вайсвайлера в Мадриде до Гассера в Санкт-Петербурге и Белмонта в Нью-Йорке. Их власть завораживала современников, не в последнюю очередь из-за их недавнего столь скромного положения. Один американский очевидец изобразил пятерых братьев, которые «стоят выше королей, поднимаются выше императоров и держат весь континент у себя в руках»: «Ротшильды управляют христианским миром... Ни одно правительство не действует без их совета... Барон Ротшильд... держит ключи мира или войны». Такую картину можно назвать преувеличением, но не фантазией. И в то же время их огромная и влиятельная организация по сути оставалась семейным предприятием. Ею управляли как частной – более того, строго секретной – компанией, а главным делом партнеров стало распоряжение собственным капиталом семьи.

И когда в компанию вступило третье поколение, предпринимательская энергия не сокралась, хотя отношения между пятью домами стали чуть менее конфедеративными. В некотором смысле Джеймс начал с того, чем закончил Натан; он стал *primus inter pares* – первым среди равных. Он тоже был человеком властным, авторитарным, неутомимо преданным делу, стремился зарабатывать не только на учете и переучете векселей и арбитражных сделках (скупке и продаже ценных бумаг), но и крупными эмиссиями облигаций, которые приносили самые большие прибыли. Благодаря его долгожительству дух франкфуртского гетто сохранялся в компании вплоть до 1860-х гг. Однако Джеймс никогда не мог главенствовать над остальными домами так же, как Натан. Хотя один из сыновей Натана – Нат – нехотя стал помощником Джеймса в Париже, остальные племянники никогда не находились под его пятой. Таким же способным и преуспевающим, как Натан, оказался его сын Лайонел, хотя там, где Натан взрывался, Лайонел действовал *sotto voce* (вполголоса). Сын Соломона Ансельм тоже отличался сильной волей. Джеймс не мог по-настоящему управлять и своими старшими братьями; в осо-

бенности Соломон склонен был больше обращать внимания на интересы австрийского правительства и других венских банков, чем хотелось бы его партнерам.

В каком-то смысле переход от монархии к олигархии в пределах семьи оказался выгодным: он позволил Ротшильдам откликаться на новые финансовые возможности середины XIX столетия более гибко, чем мог допускать Натан. Например, Соломону, Джеймсу и Амшелю удалось сыграть ведущую роль в финансировании железных дорог в Австрии, Франции и Германии, в то время как их брат, живший в Англии, в этой сфере зиял своим отсутствием.

Натан склонен был и в 1830-е гг. работать так же, как он привык работать в предыдущее десятилетие. После того как стабилизировались финансы крупных европейских государств, он начал искать новых клиентов в более дальних пределах: в Испании, Португалии и Соединенных Штатах. Но одно дело стать «хозяином финансов» в Бельгии; повторить тот же процесс на Пиренейском полуострове или в Америке – совсем другое дело. Политическая нестабильность и в Испании, и в Португалии привела к досадным дефолтам по выпущенным Ротшильдами облигациям. В Соединенных Штатах препятствием стала децентрализация фискальных и монетных учреждений. Ротшильды надеялись вести дела с федеральным правительством, однако оно «спустило» возможность иностранных займов на уровень штатов. Кроме того, Ротшильды надеялись, что Банк Соединенных Штатов (БСШ) со временем станет аналогом Английского банка. Однако БСШ в 1839 г. обанкротился из-за политических интриг и ненадлежащего финансового управления. То, что Ротшильдам не удалось надежно закрепиться в Соединенных Штатах – они не доверяли назначенному ими же самими агенту на Уолл-стрит, – стало единственной крупной стратегической ошибкой в их истории.

Подобные превратности на знакомом поле государственных финансов логически подводили их к необходимости диверсификации. Так, решение приобрести контроль над европейским рынком ртути отчасти стало ответом на риски государственного дефолта. Контролируя такой солидный актив, как Альмаденское ртутное месторождение, которое тогда считалось крупнейшим в мире, Ротшильды могли финансировать правительство Испании с минимальным риском, ссужая деньги против партий ртути. Участие в разработке месторождения оправдывалось вдвойне благодаря применению ртути в аффинаже серебра. Ротшильды, к тому времени уже приобретшие опыт в операциях с золотом и другими драгоценными металлами, распространили сферу своих интересов и на чеканку монет.

Однако самые большие надежды сулила такая новая отрасль деятельности, как финансирование железных дорог. В большинстве европейских стран государство играло довольно заметную роль в железнодорожном строительстве. Государство либо напрямую финансировало строительство (как в России и Бельгии), либо субсидировало его (как во Франции и некоторых государствах Германии). Поэтому выпуск акций или облигаций для железнодорожных компаний не слишком отличался от выпуска государственных облигаций – кроме того, что железнодорожные акции были гораздо неустойчивее. Вначале Ротшильды стремились играть в процессе чисто финансовую роль. Но им неизбежно приходилось принимать более плотное участие в процессе из-за больших зазоров между эмиссией ценных бумаг той или иной железнодорожной компании и фактическим открытием движения на линии, не говоря уже о выплате дивидендов по акциям. К 1840-м гг. братья Лайонела, Энтони и Нат, тратили довольно много времени, стараясь соблюсти интересы своего дяди Джеймса при сооружении французских железных дорог. Представители третьего поколения не склонны были рисковать так же, как их предшественники. Об этом свидетельствуют письма Ната, в которых он сурово критикует «любовь» Джеймса к таким линиям, как Северная или Ломбардская железная дорога. После железнодорожных катастроф (например, у Фампу в 1846 г.) Нат решил, что его страхи реализовались. И все же в конечном итоге Джеймс оказался прав: доходы с капитала на акции континентальных железных дорог на протяжении всего XIX в. стали главной причиной того,

что Французский дом вскоре перерос Английский. К середине столетия Ротшильдам удалось построить весьма рентабельную сеть железных дорог, покрывшую всю Европу.

Впрочем, в одном отношении опасения Ната подтвердились. В отличие от управления государственными долгами управление железными дорогами напрямую и ощутимо затрагивало жизнь обычных людей. И вот из-за своей причастности к железным дорогам Ротшильды подверглись беспрецедентной общественной критике. Радикальные литераторы, как поначалу и их собратья социалистического толка, начали изображать их в новом и зловещем свете: эксплуататорами «простого народа», которые стремятся получать доходы и прибыль за счет налогоплательщиков и обычных пассажиров. Нападкам в прессе Ротшильды подвергались и раньше. Однако в 1820—1830-е гг. их в основном обвиняли в том, что они финансируют политическую реакцию; конкуренты обвиняли их в мошенничестве. В 1840-е гг. враждебность к богатству слилась с враждебностью по отношению к евреям: антикапитализм и антисемитизм дополняли друг друга. Ротшильды оказались идеальной мишенью.

Наряду с подстрекательскими выпадами в прессе экономический спад середины 1840-х гг. стал предвестником политической нестабильности. В отличие от 1830 г. революцию 1848 г. можно было предсказать задолго до ее начала. Ротшильдов трудно обвинять в слепоте, однако они недооценили масштабов кризиса. Противоречие заключалось в том, что в период экономического застоя увеличивался государственный дефицит из-за сокращения налоговых поступлений; в краткосрочном плане это означало для Ротшильдов новые операции, против чего они не могли устоять. И Соломон, и Джеймс буквально накануне восстания разместили крупные займы. После того как из Парижа революция распространилась на восток, облигации промышленных предприятий и железных дорог, выпущенные Соломоном, стало просто невозможно продать, и так же невозможно стало выполнить его обязательства по контракту перед Австрией. Джеймс избежал бури только потому, что сумел внести серьезные изменения в самый последний договор займа с новым правительством, наивным в финансовом отношении.

Благодаря своей многонациональной структуре, огромным средствам и превосходным политическим связям Ротшильдам удалось пережить восстания 1848—1849 гг. В тех условиях, когда убытки несли почти все, их относительное положение, возможно, даже слегка укрепилось. Однако восстановление экономики европейских стран и (неслучайное) возвращение политической стабильности породили новые проблемы.

Во-первых, одним из малозаметных достижений революции стало то, что бюрократы в разных странах уже не так противились замыслам создания акционерных компаний и компаний с ограниченной ответственностью. После того как образовывать такие компании стало проще, начало расти количество новых участников финансовой отрасли. Братья Перейра начинали как энтузиасты-железнодорожники; они обладали технической сметкой, но у них не хватало денег для реализации собственных идей – отсюда их подчиненное отношение к Ротшильдам в 1830-е гг. В 1850-е гг. они сумели вырваться на свободу, когда, собирая капитал «Креди мобилъе», привлекли средства многочисленных мелких вкладчиков.

Можно сравнить трудности, которые символизировали братья Перейра, с переменой в отношении между государственными финансами и рынком облигаций. В 1850-е гг. во многих странах были предприняты первые серьезные попытки продавать облигации по открытой подписке, без посредничества банков – в других случаях банки выступали скорее как гаранты, а не покупали новые облигации сразу же. Кроме того, государства стали эксплуатировать растущую конкуренцию между частными и акционерными банками, чтобы снизить комиссионные. Хотя Ротшильды по-прежнему занимали главенствующее положение на рынке облигаций, они перестали быть монополистами. Еще больше ослабило их развитие телеграфа, положив конец периоду, когда их курьеры могли доставлять важные для рынка новости раньше конкурентов.

И все же самую важную угрозу для финансовой гегемонии Ротшильдов представляла политика. Триумф Луи Наполеона Бонапарта во Франции снова вселил неуверенность в евро-

пейскую дипломатию. Вплоть до 1870 г. все боялись, что он захочет превзойти своего дядю. В то же время правила международной игры слегка изменились благодаря тому, что многие политики, особенно Палмерстон, Кавур и Бисмарк, склонны были ставить национальное своекорыстие выше международного «равновесия» и возлагали доверие не столько на международные конференции, сколько на пушки. По сравнению с относительно мирными 33 годами (1815–1848) следующие 33 года были отмечены чередой войн в Европе, не говоря уже об Америке. Ротшильды оказались бессильны предотвратить эти войны, несмотря на все их усилия.

В мае 1848 г. Шарлотта де Ротшильд подтвердила, что верит «в светлое европейское и ротшильдовское будущее». Ее уверенность в затухании французской революционной эпохи имела под собой достаточно оснований. Во второй половине XIX в. угрозы для монархии и буржуазной экономики в самом деле сократились. Но «светлое ротшильдовское будущее», как оказалось, зависело от способности семьи справиться с новыми задачами. Самыми серьезными из них стали национализм и социализм – особенно в тех случаях, когда они сочетались друг с другом.

Часть первая

Дяди и племянники

Глава 1

Сон Шарлотты (1849–1858)

Я легла спать в 5 и проснулась около 6; мне приснилось, что огромный вампир жадно сосет мою кровь... Очевидно, когда объявили результаты голосования, последовали громкие восторженные одобрительные крики... во всей палате [лордов]. Конечно, мы не заслуживаем столько ненависти.

Шарлотта де Ротшильд, май 1849 г.

Хотя Ротшильдам удалось в финансовом отношении пережить бурю, можно считать, что 1848 г. все же стал для них роковым переломным моментом – но по причинам, не связанным ни с экономикой, ни с политикой. В годы, последовавшие непосредственно за революцией, подверглась испытанию сама структура семьи и компании. Читая их письма, легко забыть о том, что четверо оставшихся сыновей Майера Амшеля были к тому времени уже стариками. В 1850 г. Амшелю было 77, Соломону – 76, а больному Карлу – 68 лет. Их мать, родившаяся в 1753 г., прожила так долго, что увидела, как на национальной ассамблее, которая собралась в ее родном городе, королю Пруссии предложили корону объединенной Германии. Более того, как сообщалось в «Таймс», к 1840-м гг. Гутле Ротшильд стала кем-то вроде символа: «Почтенная мадам Ротшильд из Франкфурта, приближающаяся к своему столетнему юбилею, на прошлой неделе испытывала легкое недомогание и дружески укоряла своего лечащего врача в связи с тем, что его предписания не действуют. «Чего же вы хотите, мадам? – оправдывался врач. – К сожалению, сделать вас моложе мы не можем». – «Вы ошибаетесь, доктор, – ответила остроумная дама, – я не прошу сделать меня моложе. Я желаю стать старше».

Появились и карикатуры, посвященные этой теме: на одной, озаглавленной «99-я годовщина бабушки», изображен Джеймс (Гутле на заднем плане), который говорит группе доброжелателей: «Господа, когда она дойдет до номинала, я пожертвую государству небольшую сумму в 100 тысяч гульденов» (см. ил. 1.1). Согласно еще одной версии того же анекдота, врач уверяет ее, что она «доживет до ста». – «О чем вы говорите? – возмущается Гутле. – Если Господь может принять меня по курсу 81, за 100 он меня не возьмет!»

Современникам нравилось, что Гутле упорно отказывалась переезжать из старого дома «Под зеленым щитом» на бывшей Юденгассе; ее решительность предполагала, что корни феноменального экономического успеха Ротшильдов заключены в своего рода еврейском аскетизме. Людвиг Бёрне еще в 1827 г. рассыпался в похвалах в ее адрес: «Смотрите, она живет в том маленьком доме... и, несмотря на всемирное владычество, каким обладают ее царственные сыновья, не испытывает никакого желания покинуть свой маленький родовой замок в еврейском квартале». 16 лет спустя, посетив Франкфурт, Шарль Гревиль был изумлен, увидев, как «старая мать Ротшильдов» выходит из «того же темного и полуразрушенного особняка... ничуть не лучшего, чем соседние дома», на «еврейской улице»: «На этой узкой мрачной улице, перед этим жалким домом стояла красивая коляска, обитая синим шелком; дверцу распахнул лакей в синей ливрее. Вот открылась дверь дома, и стало видно, как по темной узкой лестнице спускается старая женщина; ее поддерживала под руку внучка, баронесса Шарль Ротшильд, чья карета также ждала в конце улицы. Два лакея и несколько горничных помогли старушке сесть

в коляску; несколько обитателей улицы собрались напротив, чтобы насладиться зрелищем. Я в жизни не видел более любопытного и разительного контраста, чем платья дам, и старой, и молодой, их экипажи и ливреи, и убогое место, в котором упорно живет эта старуха»¹.

И вот 7 мая 1849 г. Гутле скончалась на 96-м году жизни, в окружении оставшихся в живых сыновей.

В тот период семью Ротшильд постигла настоящая череда смертей. За год до Гутле скончалась Ева, жена Амшеля. В 1850 г. умерли вдова Натана Ханна, а также – к огромному огорчению парижских Ротшильдов – ее младший внук Майер Альберт, второй сын Ната. В 1853 г. умерла Адельгейд, жена Карла. Через год та же участь постигла Каролину, жену Соломона. Нетрудно представить, как подействовали эти события на старших представителей второго поколения. Майер Карл отмечал, как «глубоко поразила» Амшеля смерть матери: «Это огромная потеря [для него]... и я не могу передать, сколько ужасных часов провели мы за последнее время... Дядя А. не выходит из комнаты, но ему уже лучше после первого удара, когда мы в самом деле боялись за него». Он стал лишь слегка «спокойнее», когда семья собралась во Франкфурте на похороны Гутле. Более того, в преклонном возрасте Амшель и его брат Соломон выглядели совершенно несчастными. Они все меньше и меньше времени проводили в «конторе» и все больше – в саду у Амшеля.

1.1. Неизвестный автор. 99-я годовщина бабушки. *Fliegende Blätter* (ок. 1848)

Новому делегату от Пруссии в парламенте восстановленного Германского союза, деятельному и ультраконсервативному юнкеру по имени Отто фон Бисмарк, Амшель казался жалким стариком. Конечно, «в денежном выражении» Ротшильд оставался «самым почтенным» человеком в местном обществе, как писал Бисмарк жене вскоре после приезда во Франкфурт. Но «заберите у *всех них* деньги и жалованье, и увидите, насколько непримечательны» он и остальные граждане Франкфурта на самом деле. Вновь прибывший во Франкфурт Бисмарк получил от Амшеля приглашение на ужин и ответил в типичной для него отталкивающей

¹ По словам Гревилля, Гутле часто выезжала на подобные экскурсии и «постоянно ездила в оперу или театр». Она явно вела не такой аскетический образ жизни, как нравилось думать Бёрне и другим.

манере (Амшель послал приглашение за десять дней до события, дабы убедиться в том, что его примут), написав, что придет, «если будет еще жив». Такой ответ «настолько встревожил» Амшеля, что он пересказывал его всем знакомым: «Почему он пишет «если будет жив», зачем ему умирать, ведь он так молод и крепок!» Дипломат-юнкер, личные средства которого были весьма ограниченными, а жалование – скудным, придя в гости, испытал изумление, смешанное с отвращением, увидев «обилие серебра, золотые вилки и ложки, свежие персики и виноград, превосходные вина», которыми его угощали на ужине у Амшеля. Он не сдержал презрения, когда старик после еды горделиво хвастал своим любимым садом: «Он мне нравится, потому что он – настоящий старый еврей-махинатор и никем другим не притворяется; к тому же он ортодоксальный иудей и отказывается за ужином притронуться к чему-либо, кроме кошерной еды. «Иоганн, возьмите хлеба для оленей», – приказал он слуге, когда собрался показать мне свой парк, в котором он держит ручных оленей. «Герр барон, это растение обошлось мне в две тысячи гульденов, честно, в две тысячи гульденов наличными. Можете взять его за тысячу; или, если хотите взять его в подарок, мой слуга доставит его вам домой. Я очень высоко фасценю, герр барон, вы красивый человек, вы умный человек». Он низкорослый, худой и тщедушный и довольно седой. Самый старший в роду, но он несчастен в своем дворце, бездетный вдовец. Его обкрадывают слуги и презирают офранцузенные и англизированные племянники и племянницы, которые унаследуют его богатство без всякой любви и благодарности»².

Как верно предсказывал Бисмарк, именно последний вопрос – кто унаследует их богатство – очень занимал старших Ротшильдов, которые по этой причине по многу часов обдумывали свои завещания. За много лет до того, в 1814 г., Амшель пошутил, что разница между богатым немецким евреем и богатым польским евреем заключается в том, что последний «умрет, когда находится в убытке, в то время как богатый немецкий еврей умирает, только когда у него много денег». Сорок лет спустя Амшель начал соответствовать собственному описанию, так как его доля в семейной компании составляла почти 2 млн ф. ст. Но кому достанется его состояние? Лишенный сына, на которого он так долго рассчитывал, Амшель сравнивал достоинства двенадцати племянников, особенно тех, кто обосновался во Франкфурте (главным образом сыновей Карла, Майера Карла и Вильгельма Карла). В конце концов его долю в компании разделили таким образом, что четверть досталась Джеймсу, четверть Ансельму, четверть четырем сыновьям Натана и последняя четверть – трем сыновьям Карла.

У Соломона наследник, конечно, имелся; его дочь, которую он также хорошо обеспечил, жила в Париже; но, – может быть, из-за резких слов, которыми они обменялись в Вене в разгар революционного кризиса, – ему не хотелось делать Ансельма своим единственным наследником. Он включил в завещание сложные условия, по которым почти все его личное состояние переходило напрямую к его внукам. Сначала он как будто собирался оставить почти все свое состояние (1,75 млн ф. ст.) детям своей дочери Бетти (по 425 тысяч ф. ст. мальчикам и всего 50 тысяч ф. ст. Шарлотте, которой он уже подарил 50 тысяч ф. ст. после того, как она вышла замуж за Ната), оставив Ансельму и его сыновьям лишь три своих дома и всего 8 тысяч ф. ст. их замужней сестре Ханне Матильде. Даже парижский отель, как он говорил Ансельму, перейдет «тебе и твоим сыновьям... повторяю, тебе и твоим сыновьям. Я думал об этом и включил условие [по которому отель остается в их владении на протяжении] ста лет. Никакие зятья и дочери не имеют на него права». Отчасти это была своекорыстная стратегия, чтобы оказать максимальное посмертное влияние, примерно как поступил Майер Амшель в 1812 г.;

² Позже Амшель предложил сдать Бисмарку дом на Бокенгеймер-Ландштрассе, хотя Бисмарк отказался, справедливо рассудив, что Амшель пытается втереться к нему в доверие. По словам другого реакционера, короля Ганноверского, Амшель делал то же самое «всякий раз, как во Франкфурт приезжал какой-либо иностранный принц, министр или выдающийся человек». За ужинами он окружал гостей «пышностью и изобилием, демонстрируя различные предметы роскоши, и ужасно смешил собравшихся, подробно рассказывая, где купил рыбу или мясо, и сообщая, сколько он потратил по такому случаю... что выдавало выскочку-парвеню, ограниченного ростовщика и дисконтера».

более того, мысль об исключении наследников по женской линии он унаследовал от своего отца. Но Соломон, в отличие от отца, решил, что его долю в семейной компании в конечном счете унаследует только один из его внуков. Такое распоряжение стало новым поворотом в семье, где до тех пор ко всем наследникам мужского пола относились более или менее одинаково. В последнем дополнении к своему завещанию, датированном 1853 г., он все же приписал, что оставляет выбор наследника за Ансельмом. При этом он особо выделил (как оказалось, безуспешно) своего старшего внука Натаниэля. В конечном счете все планы Соломона свелись к нулю; на практике его состояние досталось именно Ансельму, который впоследствии решил, который из сыновей станет его преемником. Бисмарк оказался прав и в том, что младшие Ротшильды высмеивали своих старых дядюшек. Особый ужас внушали им визиты к неизменно «грустному и суровому» дяде Карлу. Если в 1855 г., когда Соломон, Карл и Амшель скончались один за другим в течение всего девяти месяцев, кто-то из племянников и горевал, никаких записей об этом не сохранилось.

Через смерти в семье Ротшильд последовала за резким потрясением в финансовых делах. Как было показано выше, партнеры не забыли о том, какие огромные суммы им пришлось списать, чтобы спасти Венский дом от краха. Особенную злопамятность проявили представители Лондонского дома; им казалось, будто подтвердились их худшие опасения, связанные со склонностью дядюшек к риску. К сожалению, компания была устроена так, что убытки того вида, какие понес Соломон, распространялись на всех; его *личную* долю в общем капитале фирмы не сократили пропорционально понесенным всеми убыткам. Наверное, этим объясняется, почему в послереволюционный период центробежные силы угрожали разорвать связи, которые ковал Майер Амшель почти за сорок лет до того, желая сплотить сыновей и внуков. Более всего лондонские партнеры стремились «освободиться» от обязательств перед четырьмя домами континентальной Европы, которые так дорого обошлись им после революции. Как выразился Нат в июле 1848 г., он и его братья хотели «прийти к некоторому соглашению, чтобы каждый дом мог находиться в независимом положении». Ничего удивительного, что перспектива «коммерческого и финансового конгресса» наполняла Шарлотту таким ужасом. Впервые идея конгресса стала известна в августе 1848 г.: «Дядя А. ослаблен и тоскует, потеряв жену, дядя Соломон – из-за потери денег, дядя Джеймс – из-за неустойчивого положения во Франции, мой отец [Карл] нервничает, мой муж, хотя и великолепен, упрям, когда настаивает на своем».

В январе 1849 г., когда Джеймс отправился навестить братьев и племянников во Франкфурт, Бетти всерьез ожидала, что конгресс «изменит основания наших домов и, по примеру Лондонского дома, дарует взаимную свободу от солидарности, несовместимой с политическими движениями...». Типичной для напряженных отношений между Парижем и Лондоном можно назвать ссору, которая произошла позже в том же году, когда Джеймс узнал, что Майер «приказал» одному из братьев Давидсон «не посылать золота во Францию», – он считал, что таким образом «англичане» утверждают свое превосходство, что, по его мнению, было невыносимым. В самом Париже шли постоянные трения между Натом и Джеймсом. Первый всегда проявлял гораздо больше осторожности, чем его дядя; к тому же из-за революции у него почти пропало желание и дальше заниматься делами. «Советую вам быть вдвойне осторожными в делах в целом», – увещевал он братьев в разгар кризиса.

«Ну, а я воспыал таким отвращением к бизнесу, что мне бы особенно хотелось больше не заниматься никакими сделками... Что же касается международной обстановки и революций, которые вспыхивали за минуту и когда их меньше всего ожидали, я считаю откровенным безумием бросаться по шее в горячую воду из желания заработать немного денег. Наши добрые дядюшки так нелепо любят дело ради самого дела... им невыносима мысль о том, что кто-нибудь другой проведет «их» операцию... они хватаются за все что угодно, если им кажется, что этого хочет кто-то другой. Я со своей стороны вполне уверен: нет никакого риска в том,

что Бэринг предоставит ссуду [под испанскую ртуть], и если он предпочитает так поступать, будь что будет, будьте довольны и воспринимайте все *легко*».

Бетти понимала смысл подобных действий. Как она заметила, «нашему доброму дядюшке [Амшелю] невыносимо уменьшение нашего состояния, и в своем желании восстановить его в прежнем размере он недолго думая может снова погрузить нас в водоворот рискованных афер». Но Джеймс все больше досадовал на малодушие Ната. Шарлотта подозревала, что Джеймс будет очень рад, если племянник отойдет от дел, так как тогда у него появится повод шире привлечь к работе компании своих старших сыновей, Альфонса и Гюстава, которые впервые начали фигурировать в переписке в 1846 г.

Как выразилась Бетти, «прежние братские союзнические узы» на время казались «близкими к разрыву».

Семейный разлад возникал и по другим причинам. Еще до революции 1848 г. представители Франкфуртского дома жаловались на высокомерное отношение к ним со стороны Лондонского дома. Ансельм считал, что «очень неприятно быть самым скромным слугой, исполнять твой приказ, даже не зная из испанской переписки, как движутся дела. Весьма справедливо, что мы не ценим заботы и что с незапамятного времени [так!] другие дома оттесняют нас во второй ряд». Судя по письму, Ансельм считал, что он, будучи самым старшим представителем следующего поколения, станет преемником Амшеля во Франкфурте. Все изменил крах Венского дома, так как Ансельму поручили принять на себя обязанности отца в Австрии на постоянной основе. И Карлу хотелось, чтобы его преемником в Италии стал его старший сын Майер Карл. Однако бездетный Амшель еще больше хотел, чтобы Майер Карл после него возглавил Франкфуртский дом. В Неаполь он предлагал послать его младшего и не такого способного брата Адольфа. Как заметил Джеймс, такие споры шли не только между пожилыми братьями, но и между их сыновьями и племянниками; очевидно, всем им хотелось управлять Франкфуртским домом, поскольку он по-прежнему управлял филиалами в Вене и Неаполе: «У Ансельма разногласия с Майером Карлом. У Майера Карла разногласия с Адольфом». Хотя Шарлотта явно на стороне старшего брата, в ее дневнике содержатся подробности вражды, которую порождало такое соперничество: «Майер Карл... человек зрелый; он... человек светский и гражданин мира. Он в расцвете сил и находится на вершине своей... несравненной власти. Благодаря своим обаянию, живости и остроумию он, безусловно, заслуживает большей популярности, чем Ансельм. Более того, во Франкфурте он желанный гость, и его повсюду любят, гораздо больше, чем любили, любят и будут любить моего деверя. Сомневаюсь, что он обладает широтой и глубиной познаний, приобретенных Ансельмом; я не в том положении, чтобы оценивать его опыт и манеру вести дела или судить о здравости его суждений по важным вопросам; я не знаю, хорошо ли он пишет и говорит. Но... Ансельм в высшей степени снисходительно относится к моему брату, что совершенно неоправданно: можно обыскать не одно королевство и не найти второго такого же одаренного молодого человека. Может быть, он не обладает способностями, необходимыми для научной и исследовательской работы... Однако мне кажется, что как банкир и человек светский, как рафинированный и образованный представитель европейского общества (а он непринужденно себя чувствует в обществе людей всех национальностей и всех классов) он не имеет себе равных. Несправедливо и недостойно Ансельма относиться к нему с таким презрением».

Наконец, важно помнить, какую злость испытывали в Лондоне и Париже по отношению к Венскому дому после фиаско 1848 г. Временами Джеймс говорил так, словно он без всякого сожаления оборвал бы все связи с Веной. «Вена меня совершенно не интересует, — писал он в Лондон в декабре 1849 г. — В то время как там другие спекулируют против правительства, нашим родственникам в Вене не хватает на это ума... и, к сожалению, они никудышные дельцы. Они всегда считают, что ведут дела на благо государства».

Однако в конце концов в 1852 г. договор о сотрудничестве обновили, внося в него довольно мало изменений по сравнению с договором 1844 г., и в следующие два десятилетия продолжали функционировать не менее успешно. Почему? Лучшее всего выживание домов Ротшильдов как многонациональной компании объясняет жизненно важная роль, какую сыграл Джеймс в преодолении конфликта поколений и новом укреплении связей все более разобщенных ветвей семьи. Как заметила Шарлотта в 1849 г., когда она увидела дядю во Франкфурте, Джеймс вышел из кризиса 1848 г., не утратив жажды жизни и деловой хватки: «Редко доводится видеть такого пронизательного в практических делах человека, столь светского и практичного, столь активного и неутомимого психически и физически. Когда я вспоминаю, что он вырос на Юденгассе и в детстве и юности был лишен преимуществ высокой культуры, он вызывает у меня несказанное изумление и восхищение. Он умеет веселиться и получать от всего удовольствие. Каждый день он пишет по два или три письма и диктует не меньше шести, читает все французские, немецкие и английские газеты, принимает ванну, в течение часа дремлет утром и на протяжении трех или четырех часов играет в вист».

И таким был распорядок дня Джеймса вне Парижа. Тот Джеймс, с которым познакомился молодой биржевой маклер Фейдо на улице Лаффита, казался такой же силой природы, каким он был в дни Гейне; более того, с возрастом Джеймс становился все более устрашающим.

Тем не менее, несмотря на всю его юношескую энергию, Джеймс был так же глубоко пропитан духом семьи, как и его отец. Еще до 1848 г. он тревожился, замечая признаки разлада между пятью домами. Разногласия относительно счетов, предупреждал он Лайонела в апреле 1847 г., ведут «к такому положению дел, что в конце каждый действует для себя, что порождает массу неприятностей». «Я принимаю близко к сердцу только доброе имя, счастье и единство семьи, — писал он, возражая на привычные увещевания Майера Амшеля, — а мы сохраняем единство именно в результате наших деловых операций. Если рассылать и получать счета каждый день, тогда все останется единым, по воле Всевышнего». К той же теме Джеймс возвращался со страстной настойчивостью летом 1850 г. Письмо такой важности заслуживает того, чтобы привести из него длинную цитату: «Легче что-то сломать, чем потом починить снова. У нас достаточно детей, чтобы продолжать дело еще сто лет, поэтому мы не должны идти друг против друга... Мы не должны заблуждаться: тот день, когда [одна отдельная] компания прекратит свое существование — когда мы потеряем то единство и сотрудничество в делах, которые в глазах всего мира придают нам истинную силу, — в тот день остальные также прекратят свое существование, и каждый из нас пойдет своей дорогой... тогда добрый старый Амшель скажет: «У меня 2 миллиона фунтов в деле, [но сейчас] я их забираю», и как мы сможем ему помешать? Как только больше не будет большинства [в принятии решений], он может соединиться с каким-нибудь Гольдшмидтом и сказать: «Я буду вкладывать деньги куда захочу», — а нам останется лишь укорять себя. Кроме того, я верю, милый Лайонел, что мы с тобой, у кого только и есть влияние во Франкфурте, должны стремиться к тому, чтобы восстановить мир между всеми [партнерами]... Что случится, если мы не будем осторожны? Вместо того чтобы передать капитал, который приближается к 3 миллионам фунтов, нашим детям, он попадет в руки посторонних, чужаков... Я спрашиваю тебя, не сошли ли мы с ума? Ты скажешь, что я старею и лишь хочу увеличить проценты по моему капиталу. Но, во-первых, все наши средства, хвала небесам, гораздо надежнее, чем когда мы заключали последнее соглашение о сотрудничестве, и, во-вторых, как я говорил тебе в тот день, когда приехал сюда, ты найдешь во мне верного дядю, который сделает все, что в его силах, чтобы прийти к необходимому компромиссу. Поэтому я считаю, что мы должны придерживаться таких доводов и сделать все возможное — пойти на любые жертвы с обеих сторон, — чтобы сохранять единство, которое, благодарение Всевышнему, хранило нас от всех последних несчастий, и каждый из нас должен подумать, что он может сделать для достижения этой цели».

О том же самом Джеймс твердил на протяжении 1850 и 1851 гг. «Уверяю тебя, – писал он Шарлотте, жене Лайонела, которую считал своей союзницей, – что семья – это все: семья – единственный источник счастья, которым мы, с Божьей помощью, обладаем, это наша привязанность [друг к другу], это наше единство».

Поэтому договор о сотрудничестве 1852 г. следует рассматривать в свете стремления Джеймса к единству – не ослабления связей между домами, но сохранения их путем компромисса, в соответствии с которым английские партнеры отказались от требования полной независимости в обмен на более высокие ставки доходности по их капиталу. Уже в 1850 г. Джеймс очертил условия такого компромисса; выражаясь словами Ната, он предложил, «чтобы подняли ставку доходности по капиталу для нас», естественно, при том условии, что Лондонский дом оказывался рентабельнее остальных. Конечно, свою роль сыграло и процитированное выше письмо Джеймса к Лайонелу;

наконец, в 1852 г. партнеры пришли к соглашению. Британские партнеры получали целый ряд «подсластителей»: им не только позволили изъять 260 тысяч 250 ф. ст. из их доли в капитале компании, но и процентная ставка по их доле (теперь составлявшей 20 % от общей суммы) возросла до 3,5 %, по сравнению с 3 % Джеймса, 2,625 % Карла и 2,5 % Амшеля и Соломона. Вдобавок были ослаблены правила, предусматривавшие ранее совместное ведение дел: отныне даже большинством голосов нельзя было заставить одного из партнеров куда-либо поехать против его желания, а инвестиции в недвижимое имущество больше не должны были финансироваться из коллективных фондов. Взамен на эти уступки английские партнеры согласились на новую систему сотрудничества. В параграфе 12 договора утверждалось, что «для сохранения открытого и братского сотрудничества и продвижения общих, взаимных деловых интересов» партнеры обязаны держать друг друга в курсе любых операций на сумму, превышающую 10 млн гульденов (около 830 тысяч ф. ст.), и предлагать участие в размере до 10 % на взаимовыгодной основе. В остальном условия всех предыдущих договоров, которых не коснулись изменения, предусмотренные последним договором, оставались в силе, в том числе, например, порядок общего ведения бухгалтерских книг. Несомненно, новый договор свидетельствует о некоторой децентрализации. Но, учитывая, что альтернативой (которая всерьез обсуждалась весь следующий год) была полная ликвидация коллективного предприятия, договор 1852 г. можно считать победой Джеймса.

В договоре 1852 г. не определялся порядок наследования во Франкфурте (кроме того, что из списка наследников вычеркнули Адольфа): отныне правом подписи от имени Франкфуртского дома обладали Ансельм, Майер Карл и Вильгельм Карл. Кроме того, договор наделял Альфонса и Гюстава правом подписи от имени Парижского дома. Только после смерти братьев Джеймса в 1855 г. возникла новая структура компании (см. табл. 1 а). Несмотря на условия его завещания, вся доля Соломона в коллективном капитале перешла к Ансельму (по неясным причинам Джеймс пытался оспорить завещание в интересах своей жены, правда, без особого энтузиазма). Долю Карла разделили поровну между его сыновьями после вычета 1/7 части, которая перешла к его дочери Шарлотте. Наконец, что имело решающее значение, долю Амшеля разделили таким образом, что Джеймсу и Ансельму досталось по 1/4 – столько же, сколько и сыновьям Натана и сыновьям Карла. В результате Ансельм, Джеймс и английские партнеры получили почти равную власть, влияние же сыновей Карла сократилось. Их влияние еще больше сократилось после решения поставить Адольфа во главе Неаполитанского дома, а Франкфуртский дом оставить Майеру Карлу и его набожному брату Вильгельму Карлу.

Таблица 1 а

Личные доли в совместном капитале Ротшильдов, 1852 и 1855 годы

1852	ф. ст.	ф. ст.	%	1855	ф. ст.	ф. ст.	%
Лайонел	464 770 75	1 859 083 00	20,05	Лайонел	685 536 86	2 742 147 44	25,80
Энтони	464 770 75			Энтони	685 536 86		
Нат	464 770 75			Нат	685 536 86		
Майер	464 770 75			Майер	685 536 86		
Амшель		1 859 083 00	20,05			2 742 147 44	25,80
Соломон		1 859 083 00	20,05	Ансельм		2 727 987 43	25,67
Джеймс		1 847 083 00	19,92	Джеймс			
Карл		1 847 083 00	19,92	М. Карл	805 540 66	2 416 621 99	22,74
				Адольф	805 540 66		
				В. Карл	805 540 66		
Итого		9 271 415 00	100,00	Итого	10 628 904 28		100,00

Примечание. Цифры за 1855 г. приблизительны (в отсутствие цифр Франкфуртского, Венского и Парижского домов) и выведены на основании цифр для Неаполя и Лондона. В 1852–1855 гг. капитал Неаполитанского дома вырос на 13,5 %, капитал Лондонского дома – на 22,8 %; я применил средние цифры (18 %).

Источники: CPNDСM, 637/1/7/115—120, Societäts-Übereinkunft, 31 октября 1852 г., между Амшелем, Соломоном, Карлом, Джеймсом, Лайонелом, Энтони, Натом и Майером; AN 132 AQ 3/1, без даты, около декабря 1855 г., где перераспределены доли Амшеля и Карла.

На практике данный компромисс выразился и в том, что после 1852 г. Джеймс стал гораздо почтительнее относиться к воле своих племянников, чем раньше. Нью-Корт больше не получал приказаний от Джеймса, что подтверждает значительное сокращение переписки между Лондоном и Парижем после 1848 г. Джеймс все чаще ограничивался лишь приписками к письмам Ната и часто заключал свои предложения касательно операций – как если бы напоминал себе, что больше не является первым среди равных, – красноречивой фразой: «Милые племянники, поступайте, как сочтете нужным». Несомненно, Лайонелу это было приятно. Однако компромисс 1852 г. означал, что система сотрудничества между пятью домами, существовавшая до 1848 г., по сути возобновилась при весьма скромной степени децентрализации. Отчеты Парижского и Лондонского домов раскрывают некоторую степень взаимозависимости, меньшую, чем в 1820-е гг., однако еще весьма значительную. Приведу всего один пример: 17,4 % активов Парижского дома в декабре 1851 г. составляли деньги, которые были должны ему другие дома Ротшильдов, главным образом Лондонский.

Более того, предположение лондонских партнеров, что их дом будет более рентабельным, чем другие, оказалось самонадеянным. Хотя в делах Неаполитанского и Франкфуртского домов наблюдался застой (по причинам, которые по большей части не зависели от Адольфа и Майера Карла), после 1852 г. больше всех преуспевал Джеймс. Он так успешно преумножил прибыль от континентальных железных дорог, что к концу его жизни капитал Парижского дома значительно превосходил капитал партнеров. И Ансельм неожиданно проявил недюжинные таланты, восстанавливая жизнеспособность пошатнувшегося Венского дома. Лондонские партнеры поняли, что и им небесполезно участвовать в операциях континентальных домов. Таким образом, новая система знаменовала собой новую эпоху равенства в статусе между Лондонским и Парижским домами. Венский дом возродился к жизни, а влияние Франкфуртского и Неаполитанского домов сократилось.

Как и в прошлом, Ротшильды поддерживали целостность семейной компании не только посредством договоров о сотрудничестве и завещаний. Решающую роль по-прежнему играла эндогамия. В период 1848–1877 гг. внутри семьи заключили не менее девяти браков, конечной целью которых было укрепление связей между различными ее ветвями. В 1849 г. третий сын Карла, Вильгельм Карл, женился на Ханне Матильде, второй дочери своего кузена Ансельма;

год спустя его брат Адольф женился на сестре Ханны Матильды, Юлии; а в 1857 г. старший сын Джеймса Альфонс женился на Леоноре, дочери своего кузена Лайонела. Свадьба состоялась в Ганнерсбери. Перечислять здесь остальные браки утомительно³. Если даже члены семьи вступали в браки не с другими Ротшильдами, они женились и выходили замуж в своем кругу еврейской «родни»⁴. В 1850 г. Майер женился на Юлиане Коэн, победив соперника, Джозефа Монтефиоре, а его племянник Гюстав в 1859 г. женился на Сесиль Анспах. Если бы Вильгельм Карл не женился на девушке из семьи Ротшильд, он женился бы на девице Шнаппер, родственнице по линии его бабушки Гутле.

Устройство таких брачных союзов было, на протяжении жизни почти двух поколений, главным занятием женщин из семьи Ротшильд. Шарлотта не делала из этого секрета. Как она с радостью писала, узнав о помолвке своего брата Вильгельма Карла с Ханной Матильдой: «Мои добрые родители наверняка обрадуются, что он не выбрал девушку со стороны. Для нас, евреев, и особенно для нас, Ротшильдов, лучше не вступать в контакт с другими семьями, так как это всегда ведет к неприятностям и стоит денег». Предположение о том, что набожный жених или невеста-музыкантша сделали спонтанный выбор, в данном случае нелепо. Кузина Шарлотты Бетти рассматривала этот брак совсем в другом свете, сообщая сыну, что «бедная Матильда с большим сожалением согласилась выйти за Вилли». Теперь она «с поистине ангельской кротостью готовилась принести в жертву самые дорогие иллюзии своего юного сердца. Необходимо сказать, что перспектива стать спутницей Вилли на всю жизнь вряд ли соблазнит молодую женщину, получившую такое воспитание и одаренную столь изысканным умом». Оставалось решить, на ком женятся сыновья Бетти, Альфонс и Гюстав. Похоже, что Ханна Матильда отдала свое сердце последнему, в то время как ее сестра Юлия надеялась выйти за Альфонса. Но, немного подразнив сына на эту тему, Бетти сообщала: «Папа, будучи человеком откровенным и честным... заговорил о женитьбе, не ходя вокруг да около. Он выразил сожаление бедной матери... и вывел ее из заблуждения, что желание успеха способно подсказать неверное решение, и он просил ее в ее же интересах и ради счастья ее дочери поискать ей другого жениха».

Шарлотту новость обрадовала: она планировала такой же двойной брак между сыновьями Бетти и своими дочерьми Леонорой и Эвелиной. В своем дневнике она хладнокровно взвешивала сравнительные достоинства потенциальных зятьев:

«Гюстав – превосходный молодой человек. У него доброе и самое горячее сердце; он глубоко предан своим родителям, братьям, сестрам и родственникам. У него хорошо развито чувство долга, а его послушание может служить примером всем молодым людям его поколения. Талантлив он или нет, при всем моем желании сказать не могу. Он получил все преимущества и выгоды хорошего образования, но, как он сам уверяет, он глуп, легко пугается и не способен связать десяти слов в обществе незнакомцев. Говорят, что он приобрел значительные навыки в математике, но в данном вопросе я невежественна и не могу о нем судить.

Его брат Альфонс сочетает в себе необычайную энергию и жизнеспособность нашего дядюшки [Джеймса] и способность Бетти к языкам. Он много читает, умеет слушать, наблюдателен; он запоминает все, что узнает. Он без труда может беседовать на злободневные темы, без педантизма, но всегда по делу, с умом и занято, говоря обо всем самым приятным образом. На его мнение нельзя положиться, поскольку он никогда не выражает никаких мнений;

³ В 1862 г. сын Джеймса, Соломон Джеймс, женился на Адели, дочери Майера Карла. В 1865 г. сын Ансельма, Фердинанд, женился на дочери Лайонела Эвелине. В 1867 г. сын Лайонела Натаниэль («Натти») женился на Эмме, дочери Майера Карла. В 1871 г. сын Ната, Джеймс Эдуард, женился на Лауре-Терезе, дочери Майера Карла. В 1876 г. младший сын Ансельма, Соломон Альберт («Сальберт»), женился на Беттине, дочери Альфонса. Наконец, в 1877 г. младший сын Джеймса, Эдмонд, женился на Адельгейд, дочери Вильгельма Карла.

⁴ Исключением стала дочь Ансельма, Сара Луиза, которая в 1858 г. вышла замуж за тосканского аристократа, барона Раймондо Франкетти.

более того, никаких мнений у него нет; но слушать его одно удовольствие, потому что он хладнокровно рассуждает самым занимательным и живым тоном.

Г-жа Дизраэли считает Гюстава красивым; не уверена, что я с ней согласна. Только он один из потомков Джеймса может называться миловидным – у него большие, мягкие, зелено-ватоголубые глаза. В детстве у него, как и у всех Ротшильдов, глаза были слабыми, но сейчас от детских болезней не осталось и следа, если не считать своеобразного взгляда, который можно назвать даже томным. У него красиво очерченные брови; лоб высокий и чистый; у него густые темно-русые шелковистые волосы; нос у него не восточный; у него большой рот, который, однако, нельзя похвалить из-за его выражения, в лучшем случае добродушного, которое не свидетельствует ни о понимании, ни о глубине чувства. Гюстав строен, с хорошей выправкой, а его манеры достойны высшего общества. Я хотела бы видеть его профиль у алтаря».

Она добилась лишь половины успеха: девять лет спустя она увидела у алтаря профиль Альфонса рядом со своей дочерью Леонорой. Более того, к тому времени она пересмотрела свое мнение о женихе. Теперь он казался ей «человеком, который лет десять или пятнадцать катался вокруг света, – он совершенно пресыщен, не умеет ни восхищаться, ни любить, – и тем не менее требует от своей невесты полной преданности, рабской преданности». Тем не менее, заключала она, «так лучше – мужчина, чьи страсти улеглись, чьи чувства утратили всю свежесть, всю глубину, скорее окажется надежным мужем, и жена, возможно, обретет счастье в исполнении супружеского долга. Ее разочарование будет горьким, но недолгим». Во всяком случае, ее дочь добилась «большой значимости и определенного положения в мире; и ей не захочется спускаться с того места, которое кажется ей тронем Р., чтобы стать невестой человека более скромного»⁵. Несомненно, такие чувства основывались на личном опыте Шарлотты и позволяют многое понять в таких внутрисемейных браках по расчету.

Не следует, однако, преувеличивать степень, до какой родительский выбор был решающим. То, что Шарлотте не удалось женить на своей дочери брата Альфонса, предполагает, что родители уже не в той степени могли навязывать свою волю детям, как раньше. Дочери Ансельма Юлии также удалось отклонить ухаживания кузена Вильгельма Карла, а также более дальнего родственника Натаниэля Монтефиоре. Вместе с тем ее окончательный «выбор» Адольфа был предопределен ее отцом и будущим свекром, которые несколько месяцев обсуждали и составляли брачный контракт; и хотя предметом таких переговоров, в числе прочего, служили суммы, которые предназначались лично будущей новобрачной, чтобы предоставить ей некоторую финансовую независимость, не следует ошибочно считать такие меры неким зачаточным феминизмом⁶. Существовали пределы, в которых Ротшильды готовы были влиять на дочерей, что стало очевидно, когда старый Амшель вскоре после смерти жены провозгласил, что хочет жениться во второй раз не на ком ином, как на своей внучатой племяннице Юлии, у которой было много женихов (тогда ей не было и двадцати лет). Другие члены семьи – поддержанные его врачами – сомкнули ряды и дружно воспротивились его замыслу. Правда, неизвестно, что больше заботило родственников – опасения за его здоровье или счастье молодой дамы: так, Джеймс беспокоился, что, если предложение Амшеля не отвергнут сразу и резко, он может изъять свой капитал из компании и жениться на посторонней.

Ортодоксы и реформаторы

Как подчеркивала Шарлотта, эндогамия по-прежнему отчасти была связана с религией Ротшильдов. В семье по-прежнему считалось, что сыновья и дочери не должны вступать в

⁵ Возможно, ее опасения подтвердил во многом формальный медовый месяц, вызвавший враждебные отклики в прессе.

⁶ Так, Нат и его жена пожелали передать 10 тысяч ф. ст. в консолях дочери Ансельма Ханне Матильде по случаю ее брака с Вильгельмом Карлом.

брак с иноверцами (даже если они в социальном отношении настолько выше их единоверцев, что тоже не могут жениться или выходить замуж за пределами семьи). Степень религиозности Ротшильдов в тот период нельзя недооценивать: наоборот, она стала выше, чем была в 1820-е – 1830-е гг., что стало еще одним важным источником семейного единства после 1848 г. Джеймс по-прежнему был наименее строг в своем отношении к ритуалам. «Желаю вам хорошего Шаббата, – писал он племянникам и сыну в 1847 г. – Надеюсь, вы хорошо проведете время и хорошо поохотитесь. Хорошо ли вы едите, пьете и спите, как того желает ваш любящий дядюшка и отец?» Как подтверждает само существование такого письма, он не видел ничего дурного в том, чтобы в Шаббат сидеть за письменным столом. Кроме того, они с Карлом не слишком регулярно посещали синагогу (чего нельзя сказать об их женах).

Вместе с тем Джеймс оставался таким же убежденным поборником иудаизма в семье, каким был в дни отступничества Ханна Майер. Хотя он чуть не забыл, на какой день приходится праздник Пасхи в 1850 г., тем не менее он готов был отменить деловую поездку в Лондон, чтобы читать пасхальные молитвы. В 1860 г. он радовался, получив новую книгу франкфуртского раввина Леопольда Штайна, хотя неизвестно, какое пожертвование он послал Штайну. Его жена Бетти тоже не была чрезмерно религиозной, но и она, как ее муж, считала, что соблюдение религиозных обрядов важно с общественной, если не с духовной, точки зрения. Узнав, что ее сын Альфонс посетил синагогу в Нью-Йорке, она написала ему, что «не может нарадоваться», добавив: «Как хорошо, сынок, не только из религиозного чувства, но и из патриотизма, который в нашем высоком положении служит стимулом для тех, кто может забыть о нем, и поощрением для тех, кто остается твердым приверженцем веры. Таким образом, ты примиряешь тех, кто, возможно, обвиняет нас, пусть даже они придерживаются таких же взглядов, как и мы, и заботишься о том, чтобы тебя высоко ценили те, кто придерживается других убеждений».

Вместе с тем она была неподдельно удивлена, узнав, что Альфонс пошел в синагогу по собственной воле.

Единственным ортодоксом в младшем поколении оставался Вильгельм Карл. Как его дядя Амшель, он поддерживал кампанию, направленную против реформаторских тенденций франкфуртской общины. Он высказался за создание новой религиозной общины для ортодоксальных иудеев, пожертвовав львиную долю средств на строительство новой синагоги на Шютценштрассе. Вместе с тем он был против откровенного раскола, за который выступал новый раввин общины, Самсон Рафаэль Хирш, – он хотел, чтобы его последователи совершенно отделились от основной франкфуртской общины. Хотя Вильгельм Карл был ортодоксом, он, подобно многим Ротшильдам, считал, что разнообразие ритуалов не должно подрывать единства еврейской общины.

Его английские кузены также продолжали считать себя «добрыми иудеями»; они соблюдали религиозные праздники и избегали работать в Шаббат. Когда Энтони приезжал в Париж, Джеймс дразнил его из-за того, что тот повсюду возит с собой молитвенные книги. Набожность Энтони подтвердилась, когда он, как положено, постился на Йом-Кипур в 1849 г., несмотря на страхи (не подтвердившиеся), что это нежелательно с медицинской точки зрения, поскольку тогда в Париже свирепствовала холера. Характерно, что им с Лайонелом пришлось привезти Нату мацу, когда тот находился в Париже во время еврейской Пасхи. Даже будучи в отпуске в Брайтоне, Лайонел и его семья праздновали Йом-Кипур, постясь и молясь в Судный день. Впрочем, четверо лондонских братьев не были ортодоксами в том же смысле, в каком был Вильгельм Карл. В 1851 г. Дизраэли, не подумав, послал Шарлотте и Лайонелу большой кусок оленины, подаренный ему герцогом Портлендом: «Я не знал, что с этим делать... После того как высокопоставленные гости разошлись, мне... в голову пришла удачная мысль послать мясо мадам Ротшильд (поскольку мы так часто ужинали у них, а они у нас – ни разу)... мне и в голову

не пришло, что это нечистое мясо, что, к сожалению, оказалось правдой. Однако, поскольку я упомянул дарителя, а лордов они любят... думаю, они это проглотят»⁷.

Судя по всему, Дизраэли оказался прав, хотя едва ли Шарлотта и Лайонел съели оленину из любви к аристократии; просто семья Лайонела, как и семья Джеймса, не строго придерживалась кашрута. Более того, Майер так любил оленину, что защищал охоту на оленей в политической речи в Фолкстоне в 1866 г.⁸

В более общих религиозных вопросах английские братья склонялись к реформизму, распространенному в Англии. Когда в 1853 г. была предпринята попытка лишить прихожан склонной к реформизму синагоги западного Лондона мест в совете директоров, потому что они поссорились с консервативным главным раввином, Лайонел высказался против того, что он назвал «папизмом». Он заявил, что «питает глубокое уважение к духовным властям... но не намерен терпеть их руководство, словно руководство католического священника. Они, возможно и несомненно, очень ученые люди, но они не имеют права спрашивать у него, празднует ли он тот или иной праздник один день или два дня» — в этом проявлялось важное отличие реформаторов от ортодоксов. Возможно, именно его взглядами объясняется тот факт, что годом ранее реформаторская община во Франкфурте обратилась к Лайонелу за помощью в своей борьбе против главенствующей ортодоксальной общины.

Жены оказывались более склонными к реформам. Наверное, это объясняется тем, что традиционная служба в синагоге была мужским делом: есть доказательства, что женщины из семьи Ротшильд почти или совсем не знали древнееврейского языка. Например, жена Энтони Луиза считала, что необходимо модернизировать иудейские формы богослужения именно потому, что службы в синагоге не выдерживают сравнения с церковными службами. «Жаль, что нельзя пойти в церковь и послушать хорошую проповедь!» — воскликнула она в 1847 г., раздосадованная тем, что не понимала языка, на котором велись богослужения. Впрочем, она вовсе не стремилась к отступничеству. Скорее, она считала, что ее детей следует «лучше учить, чтобы они могли присоединяться к своим братьям на публичной службе». Поэтому ее дочерей Констанс и Энни воспитывали в сочетании иудаизма и англиканства. По субботам после короткой домашней службы она давала дочерям уроки Библии. Остаток дня она проводила за чтением иудейской и неиудейской религиозной литературы, в то время как ее дочери изучали такие предметы, как, например, «Историю и литературу израэлитов». Традиции праздника Йом-Кипур соблюдались неукоснительно, как записала Констанс в своем дневнике в 1861 г. Однако субботние «проповеди», которые ее мать опубликовала в 1857 г., с главами, посвященными «Правдивости», «Миру в доме» и «Благотворительности», содержали много такого, что вполне могло появиться в англиканском сборнике проповедей того времени: «Господи, Ты наполняешь меня счастьем, Ты удостоил меня своим благословением, намного больше, чем тысячи Твоих созданий, и я не знаю, как достаточно отблагодарить Тебя. Могу лишь молить Тебя сделать меня милосердной и чуткой к тем, кто страдает и находится в нужде, не дать мне быть эгоистичной и думать лишь о своих удовольствиях. Помести в сердце мое, о, Боже, желание и склонность накормить голодных, одеть раздетых и утешить страждущих, пока есть у меня на то силы и средства, чтобы я таким образом стала не такой незаслуживающей всей Твоей щедрой доброты ко мне и не такой недостойной Твоих милостей и милостивой защиты, Господи! Аминь».

Нет ничего удивительного в том, что дочери Луизы, воспитанные в таком духе, предпочитали синагоге Вестминстерское аббатство. Что еще более необычно, Шарлотта, которая выросла в гораздо более ортодоксальной атмосфере во Франкфурте, скорее всего, испытывала

⁷ Оленина может считаться кошерной, но только не когда олень был убит на охоте, как явно было в этом случае.

⁸ После ужина у Лайонела в 1859 г. Маколей писал, что «свинина во всех видах была запрещена»; вместо нее подавали «садовых овсянок (птицу) а-ля Талейран... птицу запивали «Йоханнисбергом», который оказался выше всяческих похвал».

те же склонности. Письма к ее сыну Лео показывают, что она часто посещала нееврейские церковные службы и учреждения. Она не видела причин, по которым не могла не принимать участия в делах англиканской церкви в качестве землевладелицы. В 1866 г. она присутствовала на проповеди епископа Оксфордского на освящении церкви в Аконе (возле Ганнерс-бери), признавшись, что проповедь ее «буквально заворожала», хотя на нее произвела гораздо меньше впечатления проповедь епископа Лондонского по случаю освящения церкви в Илинге. В последнем она была не одинока: жена Майера Юлиана проявляла столь пристальный интерес к делам одного прихода неподалеку от поместья Ментмор, что вынудила приходского священника подать в отставку⁹. Кроме того, Шарлотту привлекал модный мир англокатоликов; она посетила (на протяжении всего одного года) католический базар, освящение Дома сестер-назаретанок архиепископом Мэннингом, службу в часовне кармелиток в Кенсингтоне и еще одну – в Доме сестер милосердия. В каждом случае ее приглашали приятельницы-католички: леди Лотиан и леди Линдхерст.

Шарлотта постоянно сравнивала то, что она видела, с аналогичными иудейскими мероприятиями, и, хотя сравнения не всегда оказывались неблагоприятными по отношению к ее единоверцам, она часто относилась к ним довольно критически. Так, посетив награждение лучших выпускников в «Бесплатной еврейской школе», она была «болезненно поражена контрастом между теми, кто награждал еврейских детей, и прелатами, меценатами, друзьями и гостями, которые присутствовали на сходном мероприятии в [католической] благотворительной организации... Доктор Адлер [возможно, сын главного раввина Германн, первосвященник Бэйсуотерской синагоги], произнеся несколько слов, поспешил прочь, как будто в здании свирепствовала чума, а м-р Грин [раввин А. Л. Грин из Центральной синагоги, также ведавший социальным обеспечением школы] сбежал через боковую дверь, не сказав никому ни слова... Не было ни единого гостя, ни мужчины, ни женщины; большой зал был заставлен пустыми стульями, и мне было так неловко занимать обширное пространство, что я вынуждена была удалиться в угол рядом с классом пения... Что бы ни говорили о коленопреклоненных и показательно-пышных церемониях католиков, их дела, их добрые дела благородны и возвышенны, а среди нас в самом деле не хватает сердечности».

В свете этого не кажется удивительным, что к Ротшильдам за финансовой помощью обращались и христианские учреждения. Их просьбы часто не оставались без ответа: так, в 1871 г. один католический священник убедил Шарлотту пожертвовать 50 ф. ст. его школе в Брентфорде.

Судя по всему, Ротшильды проявляли свою религиозность в основном через благотворительность. Традиционные формы филантропии среди мужчин оказались особенно долговечными. Ансельм в Вене начинал каждый рабочий день в 9.30 утра с того, что прочитывал все прошения, лично определяя, какие суммы выделить каждому из просителей; и даже когда он ходил на ежедневную прогулку в зоопарк Шенбрунна, его сопровождал банковский клерк, который раздавал монеты встречным нищим. Во Франкфурте, хотя «секретарем по делам нищих» у Вильгельма Карла служил Якоб Розенхайм, все решения по-прежнему принимал Вильгельм Карл лично. По воспоминаниям сына Розенхайма, «каждый вечер, иногда даже в восемь или девять часов, отец шел к барону в его кабинет на Фаргассе, а иногда и ездил в Грюнебург, чтобы лично представить ему список петиций, тщательно составленный моей матерью, – в среднем их бывало от 20 до 30, – пришедших со всего еврейского мира... личные просьбы о помощи, письма от самых уважаемых раввинов во всех странах, еврейских школ и благотворительных учреждений на Востоке и Западе. В каждом отдельном случае барон лично решал, какая сумма кажется ему подходящей. Время от времени он также с удовлетворением

⁹ «Надеюсь, – писала Шарлотта, – что разногласия можно уладить, так как в наше время религиозных волнений ссоры между христианскими священниками и евреями – покровителями приходов были бы весьма нежелательны».

прочитывал благодарственные письма. Прежде чем представить ту или иную просьбу барону, нужно было проверить сведения о каждом просителе у того или иного надежного раввина, которого знал барон; такие доверенные лица имелись у него... во всех уголках мира. Все полученные сведения регистрировались и заносились дословно в особую книгу».

Педантичность в каждом случае производит большое впечатление. Однако наступил момент, когда из-за количества просьб о помощи больше невозможно было распоряжаться ими по-старому, особенно после того, как начало расти количество бедных еврейских иммигрантов из Восточной Европы. Странно было бы ожидать, что человек вроде Лайонела, который оперировал миллионами, лично будет распределять взносы по сотне фунтов вроде тех, что он пожертвовал в 1850 г. «в фонд сооружения домов призрения для неимущих иностранцев»; или примерно такую же сумму, которую его дядя Амшель просил его пожертвовать на школу для еврейских девочек во Франкфурте два года спустя. Поэтому большую часть такой работы приходилось делегировать. В Лондоне в качестве «раздающего милостыню» вызвался служить Ашер, врач из Шотландии, который после 1866 г. служил секретарем Большой синагоги. По сведениям из одного источника, он стал доверенным лицом Лайонела, практически «управляющим благотворительным отделом» в Нью-Корте. И Фейдо упоминает о существовании в Париже «особого отдела... несколько сотрудников которого были заняты исключительно приемом просьб о помощи, их изучением и сбором сведений об истинном положении просителей». Благотворительность превращалась в неприятную обязанность, почти неотличимую от более однообразных аспектов банковского дела. После 1859 г. некоторая часть такой работы передавалась новому совету попечителей по оказанию помощи еврейским беднякам, по крайней мере, координировалась им. Так, в 1868 г. некий Эмануэль Сперлинг, отец четверых детей и «человек весьма достойный, судя по рекомендации», изъявил желание «открыть лавку, с какой целью он получил небольшое вспомоществование»; Софи Бендхайм, дочери дальнего родственника семьи Давидсон, просила деньги на приданое дочери. Впрочем, такая деятельность никогда не подменяла филантропические дела семьи и компании.

В силу своего положения женщины из семьи Ротшильд занимались благотворительностью более активно; более того, филантропия до некоторой степени стала их работой, к которой они подходили столь же скрупулезно, как их мужья – к работе в банке. Со времен Натана одним из любимых благотворительных учреждений стала для Ротшильдов «Бесплатная еврейская школа»; в 1850-е – 1860-е гг. Шарлотта и Луиза начали помогать ей не только деньгами, но и личным участием. Кстати, Энтони, муж Луизы, в 1847 г. стал президентом попечительского совета. В 1848 г., впервые посетив школу, Луиза нашла ее «превосходным учреждением», которое дает «бесплатное образование» примерно «девятистам бедным детям, взятым из самых низших классов». Правда, качество образования оказалось не на высоте. Шарлотта не питала надежд на успех «маленьких учеников с Белл-Лейн», которых она описала сыну как «неописуемо бедных, грязных – и неотесанных». «Приходишь в уныние, когда пытаешься усовершенствовать этих кавказских¹⁰ арабов, – писала она в 1865 г., – без всякой надежды увидеть у них истинный прогресс». Ее еженедельные посещения школы на Белл-Лейн были «далеко не приятными», поскольку «низшие классы нашей общины невообразимо грязны... и в плохую погоду ходят в обносках». С другой стороны, она находила «невозможным... общаться с бедными, грязными маленькими детьми и не интересоваться... их успехами и общим исправлением нравов». В 1870-е гг. ее усилиями – в том числе она помогла Мэтью Арнольду орга-

¹⁰ Характерная черта писем Шарлотты – она часто использует слово «кавказский» в значении «еврейский». Термин вошел в обиход в XVIII в. стараниями анатома, антрополога и естествоиспытателя Иоганна Фридриха Блументбаха, который на основании краниометрических исследований выделял пять человеческих рас. Так как остальные расы, по его классификации, были монголоидной, негроидной, американской и малайской, в кавказскую он включал представителей всех европейских и ближневосточных народов.

низовать инспекцию – и усилиями ее зятя Энтони удалось преобразить школу. Количество учеников утроилось, ежегодный бюджет вырос в 20 раз, а число учителей возросло в 25 раз.

В число образовательных учреждений, которыми занимались женщины из семьи Ротшильд, входили Еврейский колледж, основанный в 1855 г., субботние школы Ассоциации по распространению религиозных знаний, а также окружные еврейские школы, организованные в южном Лондоне Юлианой, женой Майера, в 1867 г. Кроме того, как и в прошлом, кое-что делалось для помощи больным. Вдобавок к тому, что она была членом Благотворительного еврейского женского общества взаимопомощи и Женской благотворительной организации, Луиза учредила Еврейский дом для выздоравливающих, еду для которого готовили на специальной кухне на Артиллери-Лейн, – средства для кухни предоставляла Шарлотта. Вдобавок Шарлотта учредила Дом для пожилых неизлечимых больных, реорганизовала Лондонский благотворительный родильный дом и была президентом Благотворительного женского общества взаимопомощи и Швейной гильдии родильного дома Ист-Энда. Кроме того, существовали основанные Ротшильдами дневные ясли для еврейских младенцев в лондонском Уайтчепеле и Дом для евреев-глухонемых на Уолмер-Роуд в районе Ноттинг-Хилл. Наконец, Шарлотта изъявила желание принять участие в новом попечительском совете. Так, в 1861 г. она передала раввину Грину средства на покупку десяти швейных машин, которые можно было сдавать в аренду или продавать бедным женщинам-иммигранткам, желающим зарабатывать на жизнь шитьем. Позже она жертвовала по 100–200 ф. ст. в год основанной Грином «Мастерской для девочек».

В своей речи на ее поминальной службе в 1884 г. Германн Адлер вспоминал, что главной темой изданных Шарлоттой «Молитв и медитаций» и «Обращений к детям» (первоначально составленных для «Бесплатной школы для девочек») было, «что те, кто страдает и нуждается в помощи, должны быть ближе к нам и нашему сочувствию... что богатые должны встречаться с бедными, жертвуя не только золото, но и время, которое является жизнью». Этому она посвящала свою жизнь. Он передал собравшимся ее слова, произнесенные на смертном одре: «Помните о бедных...» При этом она в первую очередь имела в виду бедняков евреев. Однако Адлер не упомянул о том различии, какое Шарлотта в течение всей ее сознательной жизни делала между благотворительными «дарами» и пожертвованиями строго религиозного характера. В 1864 г. у нее состоялся важный разговор с раввином Грином, когда он «просил новый свиток Торы для своей синагоги. Он приводил в пример религиозных людей прошлого, наделенных большой щедростью, и людей суеверных, которые, хотя не были ни очень богатыми, ни либеральными, приносили в храм дары из чувства благоговения и ужаса; но это суеверие уничтожила цивилизация, и религиозные евреи перестали проявлять щедрость – в то время как щедрые израильтяне позволяют своему богатству утекать по светским каналам... По-моему, он прав... я скорее готова дать двадцать фунтов на школу, чем потратить их на *сефер*...».

Иными словами, искренняя забота о материальных нуждах еврейской общины иногда сопровождалась критическим отношением к иудаизму как организованной форме вероисповедания. Стоит также упомянуть, что с ростом иммиграции из стран Восточной Европы в рядах еврейской элиты появились первые признаки беспокойства. В 1856 г. Шарлотта организовала «Любительский концерт в помощь Фонду кассы взаимопомощи еврейской эмиграции», на котором выступали ее дети, Эвелина и Альфред, а Луиза была членом комитета общества. Нетрудно догадаться, какой была цель этой организации.

Как будет показано далее, чем больше бедных евреев приезжали в Англию из стран Восточной и Центральной Европы, тем больше члены еврейской элиты хотели, чтобы они эмигрировали в другие места.

Наверное, самую разительную перемену в отношении Ротшильдов к благотворительности в тот период можно проследить у Джеймса. Возможно, его отношение стало ответом на события 1840-х гг., когда выяснились две вещи: размер антиеврейских настроений во французском обществе в целом и размер его собственной личной непопулярности среди парижских

бедняков. До 1848 г. Джеймс из всех пятерых сыновей Майера Амшеля меньше всех принимал публичное участие в жизни еврейской общины. Хотя он заступался за евреев Дамаска в ходе дебатов с Тьером в 1840 г., для парижских евреев он делал сравнительно мало. Все изменилось после революции. В 1850 г. Джеймс сообщил Парижской консистории, что хочет создать еврейскую больницу по адресу: улица Пикпюс, 76. Новая больница должна была заменить несостоятельный «Дом призрения для бедных израэлитов Парижа», основанный в 1841 г. Двумя годами позже, 20 декабря 1852 г., больница – просторное новое здание, построенное по проекту Жана-Александра Тьерри – была официально открыта, после чего открытие «Юниверс Израэлит» описывали как «одну из величайших [церемоний], какие происходили в иудейской среде». На открытии присутствовали министр общественных работ, директор департамента религии и префект округа Сена. Примерно в то же время Джеймс сделал значительный взнос в новую Римско-византийскую синагогу, построенную Тьерри для Парижской консистории на улице Нотр-Дам-де-Назарет. Кроме того, он внес значительные суммы на постройку двух приютов на улице Розье и улице Лямблярди (последний позже назвали в честь Соломона и Каролины).

Наряду с такими благотворительными делами Ротшильды все больше принимали участие в жизни французской еврейской общины. В 1850 г. Альфонс стал членом Центральной консистории; двумя годами позже Гюстава выбрали в Парижскую консисторию, а в 1856 г. он стал ее президентом. После 1858 г. консистория размещала свои средства в банке братьев Ротшильд. Похоже, что неловкое положение Джеймса в качестве политического «аутсайдера» при Наполеоне III придало ему уверенности и позволило стать светским лидером еврейской общины, то есть принять роль, которую в других местах уже играли его братья и племянники. Однако он заботился и о том, чтобы распределять часть денег вне зависимости от веры. Так, его усилиями на улице Риволи открылась суповая кухня, которая работала почти бесперебойно.

Наверное, ничто лучше не иллюстрирует степень участия Ротшильдов в делах своих бедных собратьев, чем количество и размер пожертвований, которые члены семьи внесли на новую больницу в Иерусалиме, учрежденную в 1850-е гг. Альбертом Коном. Имена не менее 11 Ротшильдов появляются в тогдашнем списке благотворителей самой больницы и связанных с ней учреждений. Так, Шарлотта учредила неподалеку от больницы «промышленную школу», в адрес которой ежегодно посылала чек; Ансельм основал небольшой банк; Бетти посылала одежду для беременных, а также заплатила всего 122 850 пиастров на «добровольные взносы». В списке жертвователей можно найти представителей всех пяти ветвей семьи, что напоминает: хотя большая часть благотворительной работы велась на национальном – или скорее городском – уровне, Ротшильды продолжали чувствовать свою ответственность по отношению к еврейской общине в более широком, «всемирном» масштабе¹¹.

Позиция Лайонела

Ни одна история семьи Ротшильд не будет полной без обсуждения решающей роли Лайонела, который добился для иудеев права быть членами парламента и входить в палату общин. Однако важно не рассматривать данный конкретный вопрос в отрыве от общей целенаправленной кампании вигов. Главным препятствием, из-за которого евреи не могли попасть в парламент, занять места в палате общин, стал текст присяги, в котором содержались слова о верности «истинной христианской вере». Впрочем, присяга была лишь одним из многих барьеров,

¹¹ Их усилия не везде встречали понимание. По мнению «Таймс», «синагога в этом городе [Иерусалиме], чьи прихожане славятся глубоким отвращением ко всем новшествам и к прогрессу в целом, предала анафеме всех евреев, которые примут участие, либо как спонсоры, либо как сборщики, в подписке, открытой сейчас в Европе, с целью... учреждения в Иерусалиме... крупных больниц и школ для взрослых и детей обоих полов. Среди персон, преданных анафеме, есть главы различных ветвей компании Ротшильдов, которые пожертвовали на это благотворительное дело 100 тысяч ф. ст.».

с которыми сталкивались представители семьи Ротшильд в 1840-е – 1850-е гг.¹² Таковую же важную роль для них играли препятствия к зачислению в Оксфорд и учебе в Кембридже.

Вдобавок существовали общественные учреждения, куда евреев раньше никогда не принимали, хотя официально и не отказывали им в приеме; попасть туда оказалось столь же важно, сколь и устранить официальные юридические преграды. Учитывая структуру политики Великобритании в XIX в., место в палате общин само по себе обладало лишь ограниченной ценностью. Не менее важной была работа в местных органах власти, которая иногда служила необходимой предпосылкой для избрания в парламент. Более того, с социальной точки зрения местные органы власти отличались в зависимости от округа – городского или сельского. Дело в том, что многие самые важные политические решения принимались не в Вестминстере, а «в деревне» – в закрытых кругах, в которые входили владельцы аристократических загородных усадеб, где политическая элита проводила большую часть года. Даже в городах парламент был совсем не единственным политическим форумом: член парламента, который не являлся одновременно членом одного или нескольких лондонских клубов, сосредоточенных вокруг Пикадилли и Пэлл-Мэлл, не мог вести полномасштабную политическую жизнь. Помимо всего прочего, допуск в палату общин не открывал для евреев автоматически двери палаты лордов.

Зачем Ротшильды так упорно стремились попасть в британские правящие круги? Чисто практического объяснения (они хотели усилить свое политическое влияние, чтобы максимизировать рычаг давления на правительство) будет недостаточно. Конечно, к тому времени в палате общин уже заседали представители многих нееврейских семей лондонского Сити (особенно следует отметить Бэрингов). Но к 1840-м гг. Ротшильды прочно утвердились в Сити в положении превосходящего других частного банка. Несмотря на то что после смерти Натана отношения с Английским Банком приближались к точке замерзания, не было оснований сомневаться, что в те редкие случаи, когда правительству Великобритании требовалось занять деньги, оно обратится к Ротшильдам. Более того, получив доступ в палату общин, Ротшильды, по всей видимости, почти не пользовались ее возможностями – по крайней мере, как места для дебатов. Гораздо более убедительным кажется довод, что Лайонел, на которого оказывала большое влияние его мать, принципиально стремился добиться для евреев привилегий, в которых им до тех пор отказывали. Родственники в континентальной Европе не уставали поощрять Лайонела в его попытках закрепиться в парламенте. Так, Джеймс считал, что племянник ведет символическую битву от имени *всех* евреев. Он сравнивал его достижения с тем, чего 40 лет назад добивался Майер Амшель во Франкфурте. Конечно, не следует заблуждаться по поводу природы либерализма Лайонела, хотя в то время большинство политиков (включая лорда Джона Рассела) склонны были навесить на него ярлык виги (то есть либерала). Не только «еврейский вопрос» развел Лайонела и его братьев с партией тори, но и куда более важное громкое дело 1840-х гг., вопрос о свободной торговле, который стали идентифицировать с либералами в свете бунта тори против Пия в 1846 г.

И вот один из больших парадоксов 1848 г.: в то время, когда либералы на континенте поносили Ротшильдов как столпов реакции, в Великобритании они играли ведущую роль в исконной либеральной кампании за равенство перед законом. В конце концов еврейская эмансипация стала одним из достижений франкфуртского парламента, хотя в самом Франкфурте в 1852 г. многие ее положения отменили. Это вынуждена была признать даже Бетти, сторонница Орлеанского дома и противница революции: «Мы, евреи, не должны... жаловаться на это великое движение и перемещение интересов.

Эмансипация повсюду сбила оковы Средних веков и вернула париям фанатизма и нетерпимости права человечности и равенства. С этим мы должны себя поздравить...»

¹² По закону 1707 г. избирателей могли заставить принести ту же присягу, хотя закон соблюдался не строго.

Однако и здесь не обойтись без оговорок. Во-первых, некоторые элементы революционного движения были откровенно антиеврейскими; более того, насилие против евреев стало одним из явлений, из-за которых революционные события 1848–1849 гг. вызывали у Ротшильдов самое большое отвращение. Во-вторых, в некотором смысле главным являлся вопрос о статусе Ротшильдов *внутри* британской еврейской общины. Несомненно, мощным стимулом служило соперничество с другими представителями еврейской элиты – особенно Давидом Соломонсом. В действительности для большинства бедных евреев в Великобритании (и еще более того в континентальной Европе) мысль о представительстве в парламенте была столь же далека, сколь и мысль об обучении в Кембридже. Несмотря на всю риторику коллективной борьбы за права евреев, Ротшильды до определенной степени преследовали собственные интересы – точнее, их собственные притязания стать «королевской семьей» среди представителей иудейской веры.

В свете последующих событий удивительно, что в 1839 г. газета «Альгеймайне цайтунг дес юдентумс» повела ожесточенную кампанию против Ротшильдов, обвинив их в откровенном вреде делу еврейской эмансипации: «К нашему ужасу, нам стало известно, что отвращение к евреям в Германии, которое почти полностью исчезло ко времени освободительных войн, возросло вместе с возвышением Дома Ротшильдов; богатство последних и... их партнеров нанесло ущерб делу евреев, так что, когда первые растут, последние падают все ниже... Мы должны резко разграничить еврейское дело и весь Дом Ротшильдов и их спутников».

Однако в то время действительно казалось, что семья отстранилась от более широких интересов европейских евреев. В 1835 г. не кто-то из Ротшильдов, а один из их конкурентов, Давид Соломонс из «Лондонского и Вестминстерского банка», одержал первую победу за предоставление английским евреям политических прав, когда его избрали шерифом лондонского Сити. В процессе он и его сторонники-виги добились принятия закона, который отменял требование для избранного шерифа подписывать декларацию со словами об «истинной христианской вере». Не кто-то из Ротшильдов, но Фрэнсис Генри Голдсмид стал первым евреем-адвокатом. Не кого-то из Ротшильдов, а их свойственника Моисея Монтефиоре первым из английских евреев возвели в рыцарское достоинство, а потом сделали баронетом, чем, по выражению Джеймса, «подняли престиж евреев в Англии». Не кто-то из Ротшильдов, а Исаак Лайон Голдсмид возглавил «Еврейскую ассоциацию за обретение гражданских прав и привилегий».

Ротшильды вновь обратились к вопросу о еврейской эмансипации после «дамасского дела» 1840 г. Прецедент позволил им воспользоваться своим влиянием, чтобы улучшить положение евреев в менее терпимых государствах континентальной Европы в 1840-е гг. В 1842 г. Джеймс поехал к Гизо «в связи с польскими евреями», а Ансельм стремился организовать кампанию в прессе против новых антиеврейских мер, предложенных в Пруссии. В 1844 г. «отвратительные» новые меры, предложенные Николаем I для сокращения «черты оседлости» в России и по приведению еврейских школ под строгий государственный контроль, заставили Лайонела перед визитом царя в Лондон искать бесед с лордом Абердином и Пилем. Перед тем как Монтефиоре собрался в Россию, чтобы протестовать против государственной политики по отношению к евреям, Лайонел снова повидался с Пилем и попросил для своего родственника рекомендательные письма к графу Нессельроде. Ротшильды действовали примерно так же, как во время политического кризиса в Риме в 1848–1849 гг., когда они стремились добиться от папы уступок по отношению к римским евреям.

Тем не менее в Англии, которую едва ли можно назвать страной религиозной нетерпимости, велась и в конечном счете была выиграна самая известная кампания за права евреев. Положение евреев в Великобритании в то время было во многом аномальным, отражавшим относительную малочисленность еврейской общины по центральноевропейским меркам. В 1828 г. все еврейское население Британских островов составляло 27 тысяч человек; через 32 года (после нескольких десятилетий беспрецедентного демографического роста в стране в целом) евреев

в Великобритании по-прежнему проживало всего 40 тысяч – около 0,2 % населения. При этом больше половины английских евреев проживали в Лондоне. По континентальным меркам и по сравнению с народным отношением к католикам (особенно к католикам-ирландцам) враждебность по отношению к евреям казалась приглушенной. Однако в сводах законов еще оставались, пусть только на бумаге, некоторые дискриминационные меры, например запрет владеть земельной собственностью и обеспечивать школы. Что еще важнее, кандидаты на многие важные посты, в том числе и на места в парламенте, должны были приносить присягу, в тексте которой содержалась клятва верности христианской вере. Главной целью политической деятельности Ротшильдов стала отмена этой клятвы.

Под влиянием своей жены Ханны Натан в 1829–1830 гг., после успешного прохождения законопроекта об эмансипации католиков, поднял вопрос о предоставлении евреям политических прав. Скорее всего, в тот же период времени Ротшильды разочаровались в тори: вскоре стало ясно, что виги куда охотнее поддержат подобный законопроект для евреев. Переход на другую сторону продолжился после смерти Натана и вылился в ряд законопроектов об эмансипации, предложенных Робертом Грантом. Впрочем, на фоне сильной оппозиции со стороны тори палата общин отвергла все предложенные законопроекты. Судя по записям, которым до недавнего времени не уделяли достаточно внимания, Нат играл вспомогательную роль в безуспешной кампании 1841 г., целью которой было разрешение евреям, избранным в муниципальные органы власти, приносить ту же присягу с поправками, какую сумел провести Соломонс, став шерифом лондонского Сити. Сильное противодействие тори в палате лордов, которое не ускользнуло от внимания Ротшильдов, не способствовало улучшению их отношений с этой партией. В 1841 г., после победы консерваторов на выборах, старый друг Ротшильдов Херрис предупреждал нового канцлера казначейства (министра финансов) Генри Голберна, что он может столкнуться с противодействием со стороны «евреев и брокеров» в Сити: «Неплохо иметь в виду, что упомянутые господа, возможно, не будут относиться к вам так благожелательно, как в прежние времена. Судя по той роли, какую сыграли Джонс Ллойд, Сэм Герни и Ротшильды и т. д. на выборах в Сити, они испытывают недобрые чувства по отношению к консервативной партии. Но они не позволят своим чувствам вставать на пути их собственных интересов, хотя они не простят отклонения законопроекта о наделении евреям правом входить в муниципальные советы, а ведь эти Левиафаны денежного рынка обладают большей властью, чтобы провести или заблокировать ту или иную финансовую меру, чем любые другие персоны, даже обладающие более солидными капиталами, чем они сами».

Письмо от одного активиста подтверждает, что Майер участвовал в регистрации избирателей в Сити со стороны либералов¹³. Позже, когда Пиль просил Веллингтона оказать поддержку его правительству, герцог был настроен так же пессимистично. «Ротшильды, – предупреждал он Пиль, – преследуют собственные политические цели, особенно старуха [Ханна] и Лайонел. Они давно поддерживают просьбы евреев о том, чтобы им даровали политические привилегии». Хотя он теперь был «больше тори, чем когда жил в Лондоне», Нат подчеркивал, что окажет поддержку Пиллю лишь на определенных условиях: «Насколько я понимаю, он будет либерален по отношению к нам, бедным евреям, и, если освободит нас, он получит мою поддержку». Для Ната только еврейский вопрос разделял Ротшильдов и консерваторов. Как он наполовину в шутку писал в 1842 г., «ты должен понимать, что, хотя в Англии я последовательный виг, здесь я ультраконсерватор... думаю, ты бы также согласился с последним ходом мыслей, если бы не крошечный кусочек, удаленный с одной части тела, каковой Билли

¹³ Важно, что в 1841 г. Майера также избрали членом клуба «Брукс». Его брат Энтони стал членом клуба лишь в 1852 г. Кроме того, братья были членами более открытого в политическом смысле «Реформ-клуба». В том же ключе Альфонс стал членом эксклюзивного парижского «Жокей-клуба» в 1852 г., а также клуба «Серкль д'Юнион».

[Энтони] придает особенно большое значение, и который не дал нам пользоваться теми же правами и привилегиями, что и другим, не попавшим в такое же затруднительное положение».

Хотя со стороны Энтони больше производил впечатление либерала, он радовался трудностям, с какими Пиль столкнулся в палате общин, считая – как оказалось, верно, – что эти трудности сделают его «чутьку либеральнее, и я считаю, что сэр Роберт, если он того пожелает, сделает что-то для бедных евреев». Ну а на дополнительных выборах в Сити в октябре 1843 г. Лайонел, не колеблясь, оказал свою поддержку кандидату от либералов Джеймсу Паттисону, призывая евреев-избирателей нарушить Шаббат, чтобы проголосовать. Эти голоса сыграли решающую роль, так как Паттисон обошел своего противника-тори с небольшим перевесом. Кстати, противником был не кто иной, как один из старых конкурентов Ротшильдов Томас Бэринг.

Однако Лайонел не решался последовать примеру Давида Соломонса и напрямую принять участие в политической деятельности. Скорее всего, повод для такой нерешительности был чисто практический: политика отнимала много времени, которого почти не было у старшего партнера такого крупного банка, как «Н. М. Ротшильд и сыновья». Возможно, Лайонел разделял мнение Джеймса, которое тот выразил еще в 1816 г.: «...как только коммерсант начинает играть слишком большую роль в государственных делах, ему трудно продолжать свое банковское дело». С другой стороны, на него оказывали сильное давление родственники, в том числе Джеймс, которые призывали его повысить политический престиж семьи в Англии. Представления Джеймса о политической деятельности по-прежнему коренились в воспоминаниях о собственном опыте в 1820-е гг., когда он и его старшие братья энергично копили титулы и награды, заискивая перед монархами различных государств, с которыми они вели дела. Он хотел поощрить племянников поступать так же в Англии в 1838 г., написав Лайонелу, что у него «состоялся долгий разговор с королем Бельгии, и тот обещал нам, что напишет королеве Англии и добьется для вас приглашений на все балы... Король наградил четырех братьев орденами... и если вы, мои милые племянники, заядлые сторонники таких лент, я позабочусь о том, чтобы в следующий раз вы их получили, по воле Божьей, [хотя] в Англии их не носят».

Не такой старомодной оказалась надежда Ансельма, что «через год или два я смогу поздравить одного из вас с избранием в парламент и восхищаться вашими яркими речами». В 1841 г., когда Исаак Лайон Голдсмит стал первым евреем-баронетом, Энтони писал из Парижа, что ему «куда больше понравился бы сэр Лайонел де Р., и ему стоит попытаться». И позже, в 1843 г., когда Соломона сделали «почетным гражданином» Вены, Энтони красноречиво намекал, что «это произведет эффект и в старушке Англии».

Давление усилилось в 1845 г., когда Давид Соломонс одержал еще одну важную победу. Выиграв в острой конкурентной борьбе выборы на должность олдермена от округа Портсокен, Соломонс вынужден был принести присягу со словами «в истинно христианской вере»; когда он отказался произносить эти слова, суд олдерменов объявил его избрание аннулированным. Соломонс пожаловался Пилю, который – как и предсказывал Энтони – проявил больше сочувствия и приказал лорду-канцлеру, Линдхерсту, внести законопроект, в котором в муниципальных органах власти устранялись все оставшиеся ограничения, касавшиеся евреев. Закон вступил в силу 31 июля 1845 г.¹⁴ На самом деле Лайонел сыграл роль в продвижении этого закона, став одним из пятерых участников делегации, которую Совет представителей британских евреев отправил к Пилю, чтобы лоббировать его принятие. Но вся слава досталась Соломонсу, что раздражало ревнивых родственников Лайонела. «Буду рад видеть [тебя] лорд-мэром Лондона и членом парламента от города, – писал Лайонелу брат Нат. – Ты должен собрать голоса и стать управляющим Ост-И[ндской компании], мой милый Лайонел». Годом спустя он пел ту же песню: «Наши старомодные французы... дружно уверяют, что скоро ты окажешься

¹⁴ В том же году отменили закон, запрещавший евреям владеть собственностью.

в палате общин, так что готовься». Когда вскоре после своего триумфа Соломонс посетил Париж, отношение Ханны было ледяным: «Мы, конечно, позволим ему, – писала она Шарлотте, – насладиться успехом [доброго дела], но сами должны всецело принять участие в том, на что мы искренне надеемся и что, как мы считаем, может окончиться хорошо для общины, к которой мы принадлежим, в чем, как я не сомневаюсь, получают должное признание личные заслуги и усилия»¹⁵. Пожалованный в 1846 г. Мозесу Монтефиоре титул баронета позволил Энтони надеяться, что, «может быть, когда виги придут к власти... они поймут, что обязаны что-то дать вашей чести». Стоило правительству Пили пасть, как Нат начал побуждать брата «встать и официально заявить, что ты будешь баллотироваться от Сити», предложив, чтобы он «нанял какого-нибудь умного малого, который бы по вечерам читал с тобой на протяжении часа... чтобы ты чувствовал себя непринужденнее в различных вопросах политической экономики».

Не только близкие родственники призывали Лайонела к большей политической активности. В 1841 г. политический помощник ирландского лидера Дэниел О'Коннел пригласил его «как одного из самых влиятельных представителей вашей почтенной нации» посетить публичное собрание («В Эксетер-Холле, в таверне «Якорь»), на котором он предлагал обсудить «политическое положение евреев». Через два года ему предложили помощь в том случае, если он сам захочет участвовать в дополнительных выборах в лондонском Сити.

И все же Лайонел по-прежнему колебался. В то время как другие, не тратя времени даром, ринулись в пролом, сделанный Соломонсом, – среди них его брат Майер, который в феврале стал верховным шерифом Бакингемшира¹⁶, – Лайонел бездействовал. Даже когда новый премьер-министр, лорд Джон Рассел, предложил ему титул баронета, он упрямо отказался его принять – к ужасу его родни¹⁷. Причины, которые он привел для своего отказа, свидетельствуют о том, что Лайонел был человеком обидчивым и щепетильным: он не хотел принимать почести, которые уже были до него дарованы двум другим евреям, и не хотел довольствоваться меньшим, чем титул пэра. По словам принца Альберта, он говорил: «Разве вы не можете предложить мне ничего повыше?» Такая прямота была достойна его отца, но его мать Ханна вспыхнула: «Я не считаю, что, отказавшись, ты поступил в соответствии с хорошим вкусом, поскольку твой маленький друг [возможно, Рассел] замечает: чего же более [она] может даровать? Титул пэра невозможно получить в настоящее время, не принеся присяги, чего, как я догадываюсь, ты не сделаешь. Личное представление со стороны верховного лица следует высоко ценить; возможно, оно приведет к другим преимуществам, отказ же от него породит гнев, – кроме того, приняв его, ты не расстанешься с надеждами на твой первоначальный титул. Можно нарисовать красивый герб. По-моему, наделение титулом двух предыдущих господ не имеет к тебе никакого отношения – и определенно не умаляет твоих заслуг... Таково мое мнение, прости за прямоту».

Его братья очень расстроились – они охотно приняли бы титул. Как писал Нат, «на твоём месте я стал бы английским баронетом, это лучше, чем быть немецким бароном... Старина Билли считает, что «сэр Энтони» звучит очень хорошо, и если ты не хочешь титул для себя, мог

¹⁵ В должный срок Соломонса переизбрали олдерменом, на сей раз от Кордуойнер-Уорд, в декабре 1847 г.; позже, в 1855 г., он стал лорд-мэром Лондона.

¹⁶ Он вскоре устроил неделю пышных званых ужинов в отеле «Белый олень», наняв французских поваров и рассчитывая достучаться до своих сельских соседей через их желудки. Одно меню даже перепечатали в местной газете, с благоговением отметив, что все было подано «с наилучшим вкусом».

¹⁷ Он стал одним из трех человек, кого Рассел представил списком королеве; остальные, как она отметила в своем дневнике, были полковник Фергюссон и «еще один, чьего имени я не могу вспомнить» – что свидетельствует о том, что Виктория не придавала данному вопросу большого значения (Источник: РА, дневник королевы Виктории, 14 ноября 1846 г.). На самом деле третьим был Фредерик Карри, секретарь правительства Бенгали. Возможно, Лайонел счел общество таких мелких имперских чиновников неподходящим для себя обществом.

бы получить его для него... У всех нас очень красивые имена, а сэр Майер Ментмор звучало бы даже романтично».

Свое слово сказал и Джеймс: «Желаю тебе, мой милый Лайонел, удачи, раз ваша милая королева, хвала Господу, питает к тебе такое расположение. Прошу, будь очень осторожен, чтобы ваш принц Альберт не стал тебя ревновать. И все же я призываю тебя принять титул, так как никогда нельзя отказываться [от такой чести], и такую возможность тоже упускать нельзя. Министра можно без труда заменить. Прежде я мог бы стать здесь всем, в то время как сейчас это практически невозможно».

Лайонел не поддавался на уговоры. В конце концов выход из тупика был найден: титул принял Энтони¹⁸. Даже его капитуляция в конечном счете – когда он согласился баллотироваться от либералов на общих выборах 1847 г. – последовала после периода «раздумья».

Решение Лайонела баллотироваться в парламент – 29 июня 1847 г. его кандидатура была одобрена Лондонской регистрационной ассоциацией Либеральной партии – стало переломным моментом в истории Ротшильдов. В результате его решения фамилии Ротшильд суждено было стать неразрывно связанной с кампанией за политические права евреев; почти все следующее десятилетие Лайонел посвятил череде суровых избирательных и парламентских сражений. Почему так поступил человек, который ранее проявлял самую большую нерешительность, когда мог бы без труда уступить поле битвы Соломонсу или, если уж на то пошло, Майеру, который одновременно с ним выставил свою кандидатуру (вопреки желанию старшего брата) в Хите? Очевидный ответ заключается в том, что давление семьи в конечном счете оказалось непреодолимым. Второй вариант – его уговорили баллотироваться не его родственники, а лорд Джон Рассел, который и сам был членом парламента от лондонского Сити и который, возможно, надеялся заручиться голосами евреев для себя. Третий вариант – возможно, Лайонел не надеялся победить; то, что окончилось как громкое дело, должно было стать символическим жестом. По крайней мере, один его современник считал, что он обязательно проиграет и что виги призвали его под свои знамена просто для того, чтобы «оплатить все свои расходы». Стоит отметить, что ни одного из других кандидатов-евреев не выбрали: голосование шло с минимальным разрывом, и у вигов и радикалов в палате общин было бы большинство всего в один голос, если бы не раскол в стане тори.

Уверенности в победе мешала сложная избирательная политика в лондонском Сити Викторианской эпохи. Избирательный округ, протянувшийся до квартала Тауэр-Хамлетс, был большим (в 1847 г. там было зарегистрировано около 50 тысяч избирателей), и от него должны были избрать четырех членов парламента. Баллотировались девять кандидатов – четыре либерала, один сторонник Пиля, три протекциониста и один независимый, – и борьба велась жестко. На протяжении месяца провели около 12 митингов. С первого взгляда платформа Лайонела ничего примечательного собой не представляла: вдобавок к очевидному вопросу «свободы совести» он объявил себя сторонником свободной торговли. Судя по всему, он не последовал совету Ната «пойти чуть дальше, чем милорд Джон» и «быть насколько возможно либеральнее». Более того, некоторые его положения могли даже сыграть против него: так, он высказывался за понижение пошлин на табак и чай и введение налога на собственность. Подобные взгляды пользовались популярностью среди бедняков, не имевших права представительства в парламенте, однако с ними едва ли можно было рассчитывать победить у представителей имущих классов. Несмотря на недвусмысленное предложение поддержки со стороны католиков, высказанное предприимчивым священником по фамилии Лаук, которое Лайонел, судя по всему, принял, – он объявил себя противником увеличения субсидии католическому колледжу в Мейноте (прикрывшись более общим принципом несогласия с государственной помо-

¹⁸ Что необычно, Ротшильды оговорили условием, что титул вернется к старшему сыну Лайонела, если Энтони не удастся произвести на свет наследника мужского пола.

щью учебным заведениям, относящимся к той или иной религиозной конфессии). Вопреки представлениям некоторых современных историков, голоса евреев были не так важны: немногие евреи прошли избирательный ценз и были зарегистрированы в качестве избирателей. Хотя Лайонел получил предложение о поддержке по крайней мере от одного еврея-консерватора и мать уверяла его, что «евреи... поднимутся в полном составе, нарядятся и проголосуют за тебя», в парламент прошел сторонник Пиля Мастерман, несмотря на то что он объявил себя противником эмансипации.

Вместе с тем у Лайонела было два преимущества. В Лондоне пресса играла куда более важную роль, чем в других частях страны, и он стремительно наладил контакты с газетчиками. Конечно, еврейская пресса тогда находилась в зачаточном состоянии. В 1841 г. Лайонел в числе прочих вложил средства в газету Джейкоба Франклина «Голос Иакова», хотя вскоре ее вытеснила газета «Джуиш кроникл». Но у Лайонела имелся куда более влиятельный сторонник в лице Джона Тадеуса Делана, 29-летнего редактора «Таймс», который помог ему составить избирательную речь. Делан, со своей стороны, считал, что обеспечил Лайонелу победу: после объявления результатов он застал Шарлотту «в состоянии почти безумной радости» и был «осыпан благодарностями» со стороны Ната и Энтони. Поддержку оказал и журнал «Экономист». С другой стороны, за противников эмансипации выступал не менее влиятельный журналист. Историк Дж. Э. Фроуд вспоминал, как Томас Карлейль заметил, когда они стояли перед домом Ротшильдов на Пикадилли (Пикадилли, 148): «Не хочу сказать, что желаю возвращения короля Иоанна, но, если вы меня спросите, какой способ обращения с этими людьми был бы ближе к воле Всевышнего – строить им такие дворцы или выкручивать им руки, – я высказываюсь за выкручивание рук... «Послушайте, сэр, государство требует несколько миллионов из тех, которые вы нажили своими финансовыми махинациями. Ах, не дадите? Что ж, отлично. – И говоривший повернул запястье. – А теперь?» – И еще нажать, пока не отдадут миллионы».

Хотя такое кажется невероятным, Карлейль утверждал, что Лайонел предлагал ему щедрое вознаграждение, если тот напишет памфлет за отмену ограничений в правах. Карлейль якобы ответил, «что это невозможно... Кроме того, я заметил, что не могу понять, зачем ему и его друзьям, которым полагается ждать прихода Мессии, места в нееврейском законодательном собрании». Те же взгляды он выражал в письме к члену парламента Монкстону Милнсу: «Еврей – уже плохо, но что такое мнимый еврей, еврей-шарлатан? И как может настоящий еврей... стать сенатором или даже гражданином любой страны, кроме его собственной несчастной Палестины, куда должны устремляться все его помыслы, шаги и усилия?»¹⁹ Отношение Карлейля резко контрастирует с отношением Теккерея, который после личного знакомства с Ротшильдами полностью пересмотрел свои взгляды²⁰.

Как следует из его якобы «подхода» к Карлейлю, вторым и, наверное, более важным преимуществом Лайонела были деньги. По мнению лорда Грея, военного министра в кабинете вигов, он «не делал тайны из своего желания победить на выборах с помощью денег». Последующие письма Ната из Парижа предполагают, что брат действительно «предоставил» «крупные суммы». В конце концов, деньги вполне могли сыграть решающую роль. Лайонел прошел третьим, набрав 6792 голоса (его опередили Рассел, набравший 7137 голосов, и Паттисон, набравший 7030 голосов; Мастерман набрал 6772 голоса, опередив еще одного либерала, Ларпента,

¹⁹ Стоит отметить, что в то время у Карлейля был роман с леди Харриет Ашбертон, женой Александра Бэринга. Однако Карлейль, судя по всему, не стремился делать свою враждебность к Лайонелу достоянием гласности, предоставив нападки таким газетам, как «Морнинг геральд», в которой Лайонел назывался «иностранцем», и одному из кандидатов от тори, который объявил, что истинное место Лайонела, «как одного из князей иудейских, в стране Иуды».

²⁰ Похоже, что особую слабость он питал к Луизе, жене Энтони, перед которой в 1848 г. извинился за свои прежние нападки. Он ужинал у Ротшильдов в феврале 1850 г. (и нашел женщин «очень милыми»), а в 1856–1857 гг. время от времени дружески переписывался с Луизой. Ее он изобразил в «Пенденнисе» в образе «...одной молодой еврейки с ребенком на коленях, и лицо ее излучало на ребенка такой ангельский свет, что казалось, и мать и дитя окружены были золотым ореолом. Право же, я готов был пасть перед ней на колени и поклоняться божественной благодати...».

всего на три голоса). Лаук, его помощник-католик, считал, что именно он обеспечил победу Лайонелу; и его мотивы для поддержки Ротшильда были откровенно корыстными²¹.

Для других членов семьи одержанная победа стала достижением, о каком они давно мечтали. Как писал Нат, победа Лайонела на выборах стала «одним из величайших триумфов семьи, а также величайшим преимуществом для бедных евреев в Германии и во всем мире». Его жена назвала избрание Лайонела «зарей новой эры для еврейского народа, который получил такого выдающегося защитника, как ты». «Проделана брешь, — ликовала Бетти, — обрушивается барьер инсинуаций, предубеждения и нетерпимости». Поздравление прислал даже Меттерних (который, возможно, не усмотрел в избрании Лайонела победы того либерализма, который менее чем через год приведет его в английскую ссылку). Однако в эйфории все как будто забыли: для того чтобы Лайонел мог занять свое место в палате общин, ему придется принести присягу, в которую входила так называемая «Клятва отречения», когда новый член парламента отвергает свои обязательства в лояльности по отношению к давно не существующей династии Стюартов. Клятва заканчивалась словами: «...пребывая в христианской вере». Оставалось надеяться, что законопроект, исключавший данную клятву из текста присяги, все же примут. В прошлом Рассел уже передавал законопроект на рассмотрение, но его не приняли. Итак, победа Лайонела могла считаться полной только после того, как за отмену «Клятвы отречения» проголосует большинство в обеих палатах парламента.

Дизраэли

Вопрос, поднятый избранием Лайонела, разделил британскую политическую элиту самым странным и часто непредсказуемым образом. Вполне следовало ожидать, что предложенный Расселом законопроект об устранении неравенства в парламенте вызовет поддержку не только со стороны его однопартийцев в палате, но и обеих фракций расколовшихся тори. В декабре 1847 г., когда он внес законопроект на рассмотрение, закоренелый пилит Гладстон и лидеры протекционистов лорд Джордж Бентинк и Дизраэли высказались за. Из них больше всех в прохождении законопроекта был заинтересован Дизраэли, хотя его мотивация и поведение оказались сложнее, чем можно себе представить.

К тому времени Дизраэли был знаком с Ротшильдами около десяти лет. Самые первые его встречи в обществе с членами этой семьи происходили в 1838 г., и знакомство стало настолько прочным, что гарантировало Дизраэли теплый прием, когда в 1842 г. он посетил Париж. К 1844—1845 гг. он и его жена Мэри Энн часто ужинали с Ротшильдами: в мае 1844 г., дважды в июне 1845 г. и позже тем же летом в Брайтоне. В 1846 г. Лайонел дал Дизраэли ценные советы

²¹ Письмо Лаука заслуживает того, чтобы процитировать его, — оно многое говорит о политике того времени: «Откровенно говоря — я соглашусь в том, что все говорят, а именно: что вы, дорогой Барон! получаете воздаяние от католиков, чья поддержка вашего правого дела определила вашу победу... с вашей стороны очень мудро было два месяца назад послать за мной и не стыдясь, скромно попросить меня об услуге, предоставить вам мою помощь в грядущей борьбе! Я решил — даже если вы и не окажете мне ту помощь, какую я просил для моего учреждения, — верно и искренне помогать вам — чтобы почтить в ваших глазах мое качество католического священника... Мой великий план с самого начала состоял в том, чтобы склонить избирателей-католиков голосовать за вас в полном составе — и вы и представить себе не можете, с какими трудностями и проблемами мне пришлось столкнуться, так как всегда приходилось действовать через разных посредников и редко удавалось оказывать личное влияние, чтобы не дать предубеждению овладеть ими. Нам удалось добиться успеха лишь после того, как я начал впадать в отчаяние, — ибо у нас была самая мощная оппозиция, которую нам предстояло победить или обойти... Одновременно с этим мне ежечасно угрожала опасность ареста за долги; или пришлось бы лицеизреть, как на территории подведомственного мне заведения совершается казнь; поэтому каждое слово, какое я написал вам... — полная и священная правда... Теперь же я обращаюсь к вам лишь для того, чтобы добавить, что вы ничего мне не должны, что я ничего не жду и что помощники-католики также ничего не ждут от вас. Все расходы я беру на себя... Откровенно говоря, мне не о чем вас просить... кроме одной услуги, о которой я просил вас год назад, когда ни вы, ни я не помышляли о предвыборной борьбе... Я исполнил свой долг перед вами... и в глубине души ни на миг не усомнился в том, что и вы исполните свой долг по отношению ко мне». Лайонел, судя по всему, не оказал помощи в том объеме, на какой надеялся Лаук, — хотя, по некоторым данным, он связал его со ссыльным Меттернихом.

в связи с акциями французских железных дорог, а позже помог выпутаться из долгов (которые к тому времени превышали 5 тысяч ф. ст.). Однако их дружба не сводилась лишь к тому, что Дизраэли ценил их деньги, а Ротшильды – его остроумие. Тот период оказался особенно плодотворным для Дизраэли-романиста: в 1844 г. вышел «Конингсби, или Новое поколение», в 1845-м – «Сибилла, или Две нации», а в 1847-м – «Танкред, или Новый крестовый поход». Широко известно, что знакомство с Ротшильдами внесло большой вклад в его труды, однако этот вклад до сих пор остается недооцененным.

Дизраэли крестили главным образом потому, что его отец Айзек поссорился со своей синагогой. И хотя сам он считал себя представителем сельской знати, его всю жизнь привлекал иудаизм. Враги пытались воспользоваться его происхождением для своих нападок, но Дизраэли отважно превращал в достоинство то, что другие считали недостатком. Так, в своих романах 1840-х гг. он пытался примирить то, что считал своим «расовым» еврейским происхождением, и свою христианскую веру, приводя в качестве главного довода то, что взял лучшее из обоих миров. Бесспорно, знакомство с Ротшильдами оказало существенное влияние на его отношение к иудаизму. Лайонел и Шарлотта были, конечно, людьми привлекательными: он богат и влиятелен, она умна и красива; однако больше всего Дизраэли – а также его жену – привлекало их еврейское происхождение. Кроме того, бездетных Дизраэли вдвойне привлекало то, что у Лайонела и Шарлотты было пятеро детей. Приглашая их в Гровнор-Гейт посмотреть парад в Гайд-парке в июне 1845 г., Дизраэли называл их «прекрасными детьми».

Через три месяца к Шарлотте неожиданно приехала истеричная Мэри Энн; она бросилась в объятия Шарлотты. После вступительных слов о том, что они с Дизраэли совершенно истощены («я все время так занята, вычитывая корректуры, издатели так утомительны... бедный Дизи просиживает ночи напролет и пишет») и потому собираются уехать в Париж, Мэри Энн ошеломила Шарлотту, объявив, что она хочет сделать ее шестилетнюю дочь Эвелину своей единственной наследницей:

«Миссис Дизраэли испустила глубокий вздох и сказала: «Это прощальный визит, возможно, мы с вами больше никогда не увидимся – жизнь полна неожиданностей. Мы с Дизи можем взлететь на воздух на железной дороге или на пароходе; в целом свете нет ни одного человека, который меня любит, и помимо моего обожаемого мужа я больше никого на свете не люблю, но я люблю вашу славную расу...»

...Я пыталась успокоить и утихомирить мою гостью – [пишет Шарлотта], – которая, перечислив мне свое движимое и недвижимое имущество, достала из кармана бумагу со словами: «Вот мое завещание, и вы должны его прочесть, покажите его милому барону и позаботьтесь о нем ради меня».

Когда Шарлотта мягко сказала гостье, что «не может взять на себя такую большую ответственность», Мэри Энн развернула бумагу и прочла вслух: «В случае, если мой любимый муж скончается раньше меня, я оставляю и завещаю Эвелине де Ротшильд все свое личное имущество»... «Я люблю евреев, – [продолжала она] – я привязалась к вашим детям, а она моя любимица, поэтому она будет, она должна носить бабочку [одно из украшений Мэри Энн]».

Завещание вернули на следующее утро после «сцены, причем весьма некрасивой», предположительно между Дизраэли и его женой. Однако интерес этой пары к семье Ротшильд как будто не угас. В 1845 г., когда родился Лео, Дизраэли в письме из Парижа выразил надежду, «что он окажется достойным своей чистой и священной расы и своих красивых братьев и сестер». «Боже мой, – воскликнула Мэри Энн, увидев ребенка, – такой красивый малыш может в будущем стать Мессией, кого мы все ожидаем, – кто знает? А вы станете самой благодатной из женщин».

В отношении Дизраэли к Шарлотте всегда присутствовал оттенок обманутых ожиданий, а также ревнивой досады на свою жену, Мэри Энн. Своего влечения Дизраэли не отрицал. «В многочисленных битвах моей жизни, – писал он ей в марте 1867 г., – сочувствие тех, кого

мы любим, – бальзам, а я никого не люблю так, как вас». Есть основания полагать, что здесь Дизраэли не просто преувеличивал. В одном случае, когда Шарлотта заехала к Дизраэли, очевидно, произошла сцена с участием Мэри Энн; Дизраэли поспешил извиниться:

«Думаю... хотя я глубоко сожалею о неудобстве, которое вам причинили, что в целом даже лучше, что вы не встретились вчера, ибо из-за продолжительной нехватки сна и других причин она находилась в состоянии большого возбуждения, поэтому я сам никогда не вижусь с ней по вечерам.

Она... шлет вам свою любовь... Я бы тоже послал вам свою любовь, если бы не отдал вам ее уже давно».

Самым странным во всем была демонстративная привязанность Мэри Энн к Шарлотте – может быть, так она компенсировала ревность, какую, скорее всего, к ней испытывала. В 1869 г., когда миссис Дизраэли заболела, Дизраэли писал Шарлотте: «...она прошептала, чтобы я написал вам». Ротшильды в ответ прислали больной деликатесы с кухни своего дома на Пикадилли. Правда, после смерти Мэри Энн настала очередь Шарлотты ревновать, так как Дизраэли проводил все больше времени «у ног леди Б[рэдфорд]». В ответ она послала ему «шесть больших корзин английской клубники, 200 больших пучков парижской спаржи и самую большую и вкусную фуа-гра из Страсбурга», не слишком тонкий намек на то, что ее средства всегда превосходят средства «богатой старой дамы».

Но, наверное, самой необычайной стороной их отношений служит религиозная двусмысленность. По воспоминаниям Шарлотты, отношение Дизраэли к собственным еврейским корням всегда было двояким. «Никогда не забуду, – писала она в 1866 г., – какое неподдельное изумление появилось на лице м-ра Дизраэли, когда я отважилась объявить, что среди многочисленных Монтефиоре, Мокатта и Линдо леди [Луиза] де Р[отшильд] обладает величайшей и приятнейшей честью быть его кузиной; но одному небу известно, кем предпочитает быть м-р Дизраэли, хотя в Лондоне у него полно родственников, чье существование он всецело игнорирует». Тем не менее они находили немало общего, когда обсуждали религиозные вопросы. В 1863 г. Дизраэли послал Шарлотте экземпляр недавно вышедшего и в высшей степени спорного труда Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса». Она нашла попытку Ренана демифологизировать Христа «восхитительной», хотя вынуждена была оговориться по поводу изображения его иудейского прошлого: «Книга читается как красивые стихи, написанные пылким поэтом, которому хочется раскрыть правду, раскрыть ее с нежностью, с почтением и подлинным рвением. Для просвещенных евреев не будет... ничего нового в восприятии книги и ее главной фигуры... великого основателя христианства, религии, которая восемнадцать веков правит миром; но многие наши единоверцы испытают сильную боль, поскольку Ренан изобразил их мазками столь резкими и столь отвратительными. Когда предрассудки, как считается, ослабевают, вдвойне неприятно видеть, как давно преследуемую нацию выставляют на поругание хладнокровных читателей и серьезных мыслителей, изображая их неисправимо алчными, холодными, коварными – и даже упрямыми, жестокосердными и ограниченными. Большому писателю, очевидно... искреннему и справедливому в передаче своих мнений, чье суждение столь справедливо, чьи чувства кажутся такими чистыми и благородными, не следует опускаться до того, чтобы подчеркивать ослепительный блеск своей великой картины, рисуя столь глубокие тени – как будто он счел необходимым оклеветать евреев, чтобы оправдаться перед религиозным миром за те вольности, какие он допустил с величайшей и высочайшей из всех тем человеческого интереса».

Через десять лет Дизраэли поблагодарил ее за то, что Шарлотта послала ему экземпляр своих «Речей». «Я прочел ваш томик с сочувствием и восхищением, – писал он, – и налет нежности, которым пронизаны «Речи», и их благоговейные и возвышенные чувства должны тронуть сердца представителей любой веры. Вчера вечером (в священный вечер Шаббата) я

имел удовольствие зачесть одну речь вслух. Ее набожность и красноречие глубоко тронули моих слушателей...»

Романы Дизраэли любопытно рассматривать в свете его отношений с Ротшильдами. Сидония, персонаж «Конингсби», по мнению лорда Блейка, стал чем-то средним между Лайонелом и самим Дизраэли. Точнее, он обладает биографией, профессией, религией, темпераментом и, возможно, даже внешностью Лайонела («бледный, с большим лбом и темными глазами, в которых светится большой ум»), хотя его политические и философские взгляды свойственны Дизраэли. Так, читателям сообщают, что его отец «решил эмигрировать в Англию, с которой он, с течением времени, наладил прочные торговые связи. Он прибыл к нам после Парижского мира со своим огромным капиталом. Он все поставил на заем Ватерлоо; и это событие сделало его одним из богатейших капиталистов Европы». После войны Сидония и его братья ссужали деньги европейским государствам – «сколько-то хотела Франция; Австрия хотела больше;

Пруссия немного; Россия несколько миллионов», и он «стал господином и повелителем мирового денежного рынка». Младший Сидония также обладает всеми необходимыми навыками банкира: он получил хорошее математическое образование и «свободно говорил на основных европейских языках». Его навыки оттачивались во время поездок в Германию, Париж и Неаполь. Он ужасающе бесстрастен – это качество описано необычайно подробно (например, «он бежал от чувствительности и часто находил прибежище в сарказме»). Автор даже сообщает, что «его преданность охоте, рыбалке и прочим видам спорта «на природе»... служила предохранительным клапаном для его энергии». Кроме того, читателям представляют подробное описание дома, которым может быть только один из парижских отелей Ротшильдов. Как ни странно, Сидония становится и соперником главного героя в любви: герой несправедливо подозревает свою возлюбленную Эдит в том, что она – объект желаний Сидонии, хотя оказывается, что бессердечный Сидония сам стал объектом неразделенной любви другой.

В таком контексте самые любопытные куски в «Конингсби» те, где речь идет о религии Сидонии. Почти с самого начала читателям сообщают, что он «той веры, которую исповедовали апостолы до того, как последовали за Христом», а позже – что он «так же тверд в своей приверженности законам великого Законодателя, как будто трубы еще звучат на Синае... он гордится своим происхождением и уверен в будущем своего рода». В одном важном отношении Сидония больше Дизраэли, чем Лайонел, так как говорится, что он потомок испанских марранов – евреев-сефардов, которые внешне перешли в католицизм, но тайно остались иудеями. Действительно, Дизраэли любил рассуждать о том, что и его предки были сефардами. Но почти все остальные внешние черты «списаны» с Ротшильда. Так, в молодости для Сидонии «...были закрыты университеты и школы... получившие первые сведения об античной философии благодаря учености и предприимчивости его предков». Вдобавок «его вера не давала ему заниматься профессиями, доступными для гражданина». Однако «никакие мирские соображения не способны побудить его испортить чистоту расы, которой он гордится», женившись на нееврейке. И только после того, как подробно излагаются взгляды Сидонии на его «расу», Дизраэли одерживает верх над Лайонелом: «Евреи – несмешанная раса... Несмешанная раса наивысшей организации, аристократия Природы... В своих всесторонних путешествиях Сидония посетил и изучил еврейские общины всего мира. Он нашел в целом, что низшие классы испорчены; высшие погрязли в алчности; но он чувствовал, что умственное развитие не ухудшилось. Это давало ему надежду. Он был убежден, что организация переживет преследования. Когда он размышлял о том, что они вынесли, приходилось лишь удивляться тому, что раса не исчезла... Несмотря на века, десятки веков деградации, еврейский ум оказывает глубокое влияние на европейские дела. Я говорю не об их законах, которым вы до сих пор подчиняетесь; не об их литературе, которой насыщены ваши мысли, но о живом еврейском интеллекте».

И все же даже здесь различимо влияние Ротшильда. Когда Дизраэли хочет проиллюстрировать свою мысль о степени еврейского влияния, он с необычайной прямоотой приводит пример из недавней истории Ротшильдов. Его Сидония говорит:

«Я только что сказал, что завтра еду в город, потому что положил... за правило вмешиваться, когда на ковре государственные дела. В других случаях я никогда не вмешиваюсь. Я читаю о мире и войне в газетах, но никогда не тревожусь, кроме тех случаев, когда мне сообщают, что монархам нужно больше денег...

Несколько лет назад к нам обратилась Россия. Конечно, между двором в Санкт-Петербурге и моей семьей не было дружбы. В целом связи поддерживались через голландских родственников; и царь не соглашался пойти нам навстречу в ответ на наши просьбы заступиться за польских евреев, многочисленных, но самых страдающих и деградировавших из всех племен. Однако обстоятельства привели к некоторому приближению... к Романовым. Я решил лично поехать в Санкт-Петербург. По прибытии у меня состоялась беседа с российским министром финансов графом Канкриным; я узрел перед собой сына литовского еврея. Заем был связан с испанскими делами; я решил компенсировать Испанию из России. Немедленно по прибытии мне дал аудиенцию испанский министр сеньор Мендисабель [так!]; я узрел такого же, как я сам, сына нового христианина, арагонского еврея. После того, что стало известно в Мадриде, я отправился прямиком в Париж, чтобы побеседовать с президентом Французского совета; я узрел сына французского еврея [предположительно Сульта].

...Так что, мой дорогой Конингсби, вы видите, что миром управляют совсем другие персонажи, а не те, кого воображают те, кто не находится за сценой».

Оставив в стороне фантазию Дизраэли, что выдающиеся фигуры сами являются евреями, видно, что на такие мысли его явно вдохновляли Ротшильды.

Есть даже явная и очень злободневная аллюзия на то, что евреи в политическом смысле «выстроены теми же рядами, что и уравниатели, и латитудинарии, и скорее готовы поддерживать политику, которая может даже подвергать опасности их жизнь и собственность, чем кротко существовать при такой системе, которая хочет их принизить. Тори в решающий миг проигрывают важные выборы; евреи выходят вперед и голосуют против них... И все же евреи, Конингсби, по сути своей – тории. Торизм, более того, всего лишь скопирован из могущественного прототипа, скроившего Европу». Легко понять, почему Ханне понравилась эта книга. Как она писала Шарлотте, «размышляя о хороших качествах расы Сидонии, приводя много доводов в пользу их эмансипации, он с умом ввел много знакомых нам обстоятельств и весьма тонко нарисовал персонажа... Я написала ему и выразила восхищение плодом его духовного труда».

Если «Конингсби» можно считать зашифрованным посвящением Лайонелу, то «Танкред» – посвящение его жене. Сцена в Лондоне снова поставлена с многочисленными ссылками на Ротшильдов. Мы наносим визит на «Цехинный двор», а также в пышно убранный дом Сидонии. В разговорах присутствуют намеки на попытки Сидонии приобрести французскую железную дорогу, которую называют «Грейт Нозерн». Сидония снова выступает рупором самого Дизраэли, который пытался переопределить христианство как по сути вариант или результат развития иудаизма: «Я верю [заявляет Сидония], что Господь говорил с Моисеем на горе Синай, а вы верите, что его распяли в образе Иисуса на горе Голгофа. Оба они, по крайней мере в плотском смысле, были детьми Израиля: они говорили на иврите с иудеями. Пророки были только евреями; апостолы были только евреями. Азиатские церкви, которые исчезли, были основаны урожденным евреем; и римская церковь, которая говорит, что будет длиться вечно, и которая обратила этот остров в веру Моисея и Христа... тоже была основана урожденным евреем».

Однако самые смелые заявления в этом смысле делает персонаж по имени Ева. Конечно, будучи сирийско-еврейской принцессой, она внешне мало похожа на Шарлотту; однако описание ее лица намекает на то, что в некотором смысле Шарлотта послужила Дизраэли образ-

цом. Исключать этого нельзя, хотя внешне Шарлотта совершенно не похожа на Еву. Например, она, как все Ротшильды, питает отвращение к смешанному браку и переходу в другую веру. «Евреи никогда не смешивались со своими завоевателями!» – восклицает она, и позже: «Нет; я никогда не стану христианкой!» Точно так же любимая тема Дизраэли – общие истоки иудаизма и христианства – нашла отголоски в ее сочинениях. «Вы из тех франков, которые обожествляют еврейку, – спрашивает Ева, когда впервые встречается с Танкредом (в оазисе на Святой земле), – или из тех, других, что поносят ее?» Иисус, напоминает она, «был великим человеком, но он был евреем; а его вы обожествляете». Поэтому: «Половина христианского мира обожествляет еврейку, а вторая половина – еврея». Еще в одном пассаже, навеянном Ротшильдами, Ева спрашивает Танкреда:

«– Какой величайший город в Европе?

– Несомненно, столица моей страны, Лондон.

– Сколь богат должен быть там самый почтенный человек! Скажи, он христианин?

– Я думаю, он принадлежит к твоей расе и вере.

– А в Париже? Кто самый богатый человек в Париже?

– Думаю, брат самого богатого человека в Лондоне.

– О Вене мне все известно, – сказала она улыбаясь. – Цезарь делает моих соотечественников баронами империи, и по праву, ибо без их поддержки она за неделю развалится на части».

Однако Дизраэли забывает о Шарлотте в своем спорном (а для современников вопиющим) доводе, что, «став и жертвой, и тем, кто приносит жертву» при распятии Христа, евреи «исполнили благое намерение» Бога и «спасли человеческую расу». Вряд ли она согласилась бы с его доводом (в «Сибилле»), согласно которому «христианство – дополненный иудаизм, или это ничто... Иудаизм неполон без христианства»²².

Судя по доводам, приведенным в его произведениях, понятно, как отнесся Дизраэли к законопроекту Рассела. Он готов был поддержать законопроект, но на условиях тори; за две недели до первых слушаний он сказал Лайонелу, Энтони и их женам, что «мы должны просить права и привилегии не ценой уступок и свободы совести». Это привело в замешательство сидевших за столом либералов. Луиза описала, как Дизраэли говорил «в своем странном, танкредовском ключе» и «гадала, хватит ли ему мужества так же выступать в парламенте». Мужества ему хватило; и вначале Шарлотта была полна воодушевления. «Невозможно было, – писала она Делану в марте 1848 г., – выразиться с большим умом... силой, остроумием или оригинальностью, чем наш друг Дизраэли».

Парламент и пэры

Для Дизраэли трудность заключалась в том, что то, что хорошо расходилось как литература, оказывалось почти губительным в практической политике. Меньше чем за год до того они с лидером протекционистов Бентинком разделили свою партию и свергли Пиля с поста главы

²² Стоит отметить, что тридцать лет спустя Дизраэли сделал еще один слепок с Шарлотты, изобразив ее в образе миссис Невшатель в «Эндимионе». Любопытно, что он ссылается на странную горечь в ее характере, которая стала более выраженной с возрастом, и намекает на несчастный брак с Лайонелом: «Адриан женился, будучи очень молодым. Невесту ему подобрал отец. Выбор казался хорошим. Она была дочерью видного банкира, и сама, хотя это не имело особого значения, владела большим состоянием. Она была женщиной способной, высокообразованной... Ее внешность, хотя она не считалась абсолютной красавицей, была интересной. Было даже нечто завораживающее в ее карих бархатных глазах. И все же миссис Невшатель не была довольна; и, хотя ценила выдающиеся качества своего мужа и относилась к нему не только с привязанностью, но и с почтением, она почти не способствовала его счастью, как полагалось ей по статусу... Адриана... так поглощали собственные великие дела, он был в то же время человеком такого безмятежного темперамента и такой превосходной воли, что самые утонченные фантазии его жены не оказывали ни малейшего влияния на ход его жизни». Необъяснимо, почему Дизраэли решил сделать Невшателей швейцарцами по происхождению, так что тема иудаизма в «Эндимионе» не затрагивается. Но их история (хранителей богатств эмигрантов во время Наполеоновских войн) и описание «дома Эйно» позволяют безошибочно угадать образец.

партии тори; однако, поддерживая законопроект Рассела, они рисковали еще одним расколом между передне- и заднескамеечниками. Ни один из них, похоже, не подозревал, в какие неприятности они ввязываются. Особенную беззаботность проявлял Бентинк. В сентябре 1847 г. он писал Крокеру: «По-моему, я всегда голосовал в пользу евреев. Говорю «по-моему», потому что я никогда не мог заставить себя как следует подумать о данном вопросе с той или другой точки зрения и едва ли понимаю, как я мог бы голосовать, если бы рассматривал данный вопрос в отрыве от вопроса римско-католической веры, который я всегда считал вопросом большой национальной значимости... На еврейский же вопрос я всегда смотрел как на дело личное, как смотрел бы на большое личное имущество или билль о разводах... Для протекционистской партии этот вопрос должен оставаться открытым, подобно вопросам, связанным с католиками. Возможно, я решу, как голосовать, накануне голосования, сохраняя собственную последовательную позицию в пользу евреев, но не оскорбляя большинство членов партии, которые, как я понимаю, проголосуют против. Дизраэли, конечно, всей душой поддержит евреев, во-первых, из наследственной предрасположенности к ним, и во-вторых, из-за того, что он и Ротшильды – большие союзники... Все Ротшильды высоко ценятся в личном плане, и лондонский Сити избрал Лайонела Ротшильда одним из своих представителей, это такое выражение общественного мнения, что я не думаю, что партия... окажет себе большую услугу, заняв позицию против евреев»²³.

Что касается Дизраэли, 16 ноября он уверенно говорил Бентинку и Джону Маннерсу, что «гибель не столь неминуема... и битва не состоится до следующего года»²⁴.

Оба они, как оказалось, проявили излишний оптимизм. На самом деле во время голосования их поддерживали всего два протекциониста (Милнс Гаскелл и – возможно, из противоречивых побуждений – Томас Бэринг). Не менее 138 членов палаты, возглавляемых такими твердолобыми консерваторами, как сэр Роберт Инглис, проголосовали против, подтолкнув партию к новым беспорядкам. «Должен ли я... аплодировать Дизраэли, когда он объявляет, что нет никакой разницы между теми, кто распял Христа, и теми, кто стоит на коленях перед распятым Христом?» – осведомлялся Огастес Стаффорд. Бентинк подал в отставку, предоставив руководство тем, кого он назвал «партией «Ни папства, ни евреев», в руки лорда Стэнли. Вполне понятно, что впоследствии Дизраэли стремился приглушить свои взгляды, когда вопрос обсуждался в палате общин: примечательно, что человек, которого и в то время, и позже в целом считали «бессовестным» (по выражению Диккенса), не стал совсем отказываться от своей поддержки эмансипации. Частые нападки на его поведение – особенно со стороны Шарлотты и Луизы – были несправедливыми; Дизраэли продолжал голосовать и время от времени выступать с тех же позиций, какие он занял в 1847 г. Конечно, жестокость могла объясняться тем, что его финансовая зависимость от Лайонела в тот период препятствовала полной смене курса; именно это подозревала Шарлотта. В мае 1848 г. у нее произошла еще одна неприятная сцена с Мэри Энн, которая утверждала, будто Лайонел нарочно не отвечает на письма Дизраэли. В частности, обнаружилось, что «ее муж по-прежнему в большом долгу, и его преследуют кредиторы, и он умолял моего мужа о помощи и поддержке». После еще одной стычки между двумя женщинами Лайонел решил ссудить Дизраэли еще 1 тысячу ф. ст.»²⁵

²³ По мнению Бентинка, Дизраэли рассчитывал на то, что Ротшильды приобретут поместье Стоу у обанкротившегося герцога Бекингема, «при всем его влиянии в парламенте»; кроме того, он считал, что позиция Рассела нацелена на объединение вигов и пилитов. Король Ганновера приписывал позицию Бентинка «его частым поездкам за город и... его связи с евреями».

²⁴ Дизраэли неверно истолковывал основные позиции, считая, что, «если Ротшильда попросят выйти и принести католическую присягу, от кот. он не сможет отказаться, он см[ожет] занять свое место». Слова «христианской веры» встречаются лишь в Клятве отречения, от которой католиков осв[ободили] в 1829 г. Уже в апреле 1848 г. он выразил тщетную надежду на то, что принятие законопроекта в пользу евреев объединит фракции Консервативной партии.

²⁵ Очевидно, в то время Мэри Энн и Шарлотта испытывали друг к другу сильную неприязнь. Пока Лайонел и Дизраэли после ужина беседовали в кабинете последнего, Мэри Энн жаловалась, что ее муж «sich für uns und unsere gerechte Sache während fünf Jahren seines Lebens aufgeopfert u. nur Undank sei ihm für die großen Bemühungen seines Geistes, seiner Feder u.

Лагерь сторонников Пия тоже раскололся. В декабре 1847 г., когда Рассел представил свой законопроект, в его пользу высказался суровый представитель «высокой церкви» Гладстон, протеже Пия, который ранее считался противником еврейской эмансипации. Хотя он находил решение «болезненным» (и признавался в своем дневнике, что, возможно, из-за этого вынужден будет покинуть парламент), логика Гладстона была типичной: после того, как в палату общин допустили католиков, квакеров, «моравских братьев», сепаратистов и уни-тариев, после того, как евреев стали принимать в муниципальные органы власти, было бы непоследовательно по-прежнему запрещать еврею становиться членом парламента. Сам Пиль высказывался за законопроект в феврале 1848 г., в ходе последующих дебатов; к нему при-мкнули еще 9 сторонников. Но их коллега Голберн – бывший канцлер казначейства (министр финансов) в правительстве Пия – высказался против, усмотрев в выборах неподходящего кан-дидата революционный вызов парламенту; еще 40 пилитов проголосовали так же, как Голберн. На втором чтении пилиты снова раскололись: 29 проголосовали за и 43 против. Однако тори и оппозиции пилитов оказалось недостаточно для того, чтобы законопроект Рассела не был принят; вначале, еще до первого чтения, его одобрили большинством в 67 голосов; во втором чтении его одобрили большинством в 73 голоса; в третьем чтении – большинством в 61 голос.

Недоставало поддержки в палате лордов. Несколько вигов выразили свою поддержку после сравнительно мягкого убеждения. Однако у Ротшильдов, в отличие от таких банков, как банк Куттса, было сравнительно мало должников-аристократов – редким исключением служила леди Эйлсбери, – поэтому их влияние в данном вопросе было ограниченным. Они могли рассчитывать на таких вельмож из числа вигов, как герцог Devonshire и маркиз Lansdowne; кроме того, в начале 1848 г. им удалось переманить на свою сторону маркиза Лондондерри. Однако на приеме у герцога Бедфорда граф Орфорд признался Ханне, что он против (хотя и заверил ее, что в конце концов Лайонел «выиграет»). Еще одним оппонентом стал лорд Эшли, будущий граф Шафтсбери, благодаря которому были приняты некоторые самые важные соци-альные законопроекты того времени. Как и ожидалось, особенно ожесточенное сопротивление оказывали епископы.

В мае 1848 г., при обсуждении законопроекта Рассела, ему противостояли Уилберфорс, епископ Оксфордский, к которому присоединились архиепископы Кентерберийский и Арман-ский, а также 16 епископов. За голосовали только архиепископ Йоркский и четверо епископов, поддерживавших вигов. Лайонел, Энтони, Майер, Ханна и ее сестра Юдит Монтефиоре наблю-дали за происходящим с галереи. Законопроект был отклонен большинством в 35 голосов.

В дневнике Шарлотты содержится яркий отчет о влиянии дебатов и их результата на семью. Они с Луизой еще ждали возвращения мужей из Вестминстера, когда в 3.30 ночи «муж-чины вошли в комнату, Лайонел с улыбкой на лице – в нем всегда хватало твердости и само-обладания, – Энтони и Майер пунцовые... они сказали, что речи были скандальными, и мне посоветовали не читать из них ни слова. Я легла спать в 5 и проснулась около 6; мне присни-лось, что огромный вампир жадно сосет мою кровь... Очевидно, когда объявили результаты голосования, последовали громкие, восторженные, одобрительные крики... во всей палате... Мы не заслуживаем столько ненависти! Всю пятницу я... рыдала от перевозбуждения».

Некоторое представление о том, какого рода возражения против эмансипации выдви-гали представители знати, можно найти в письмах дяди королевы, герцога Камберленда, кото-рый стал королем Ганновера. Отчасти он разделял точку зрения епископов, что «мысль о

seiner Lippen zu Theil geworden. Ich ärgerte mich, und konnte daher nicht schweigen, sagte ihr Mr. Disraeli habe nichts verloren und nichts eingeüßt» (ее муж «пять лет жертвовал собой ради нашего правого дела, и не получил никакой благодарности за все свои усилия... Я разозлилась и не смогла смолчать, сказав ей, что мистер Дизраэли ничего не потерял и ему ничем не пришлось жертвовать»). Через несколько недель Лайонел попросил жену спросить Мэри Энн, «почему Дизи не может первым заговорить со мной, когда он видит меня; есть ли причина, почему я должен всегда первым подходить к нему, он так задирает нос». Тогда отношения Ротшильдов и Дизраэли находились в самой нижней точке.

допуске... лиц, которые отрицают существование Спасителя» – «ужасна». Но отчасти его опасения были социальными по своей природе. Он предсказывал, что «постепенно все богатства страны перейдут в руки евреев, дельцов и коленкорщиков», и, говоря о больших амбициях евреев, приводил в пример приемы Амшеля во Франкфурте. Он знал, о чем говорил, так как всего за несколько лет до того ужинал в доме у Ханны. В тот период подобные проявления двуличного снобизма почти не отличались от грубых карикатур на данную тему. На карикатуре «Одно из преимуществ еврейской эмансипации» изображался старый тряпичник, который приносит домой жене молочного поросенка и восклицает: «Смотри, дорогая, что я тебе принес! Благодаря барону Ротшильду и де Пилю» (см. ил. 1.2).

В результате Лайонел решил прибегнуть к методу, которым весьма успешно пользовалось старшее поколение Ротшильдов (в гораздо менее возвышенных целях) в 1820-е – 1830-е гг. 23 декабря 1846 г. Нат писал брату вполне недвусмысленно: «С большим сожалением вынужден заметить, что ты, чтобы заручиться некоторыми голосами в палате лордов, считаешь необходимым прибегать к определенным средствам, не особенно похвальным. Не скрою, я предпочел бы, чтобы все было наоборот, после недавнего *процесса о коррупции*, который мы здесь наблюдали, не хочется принимать участия в делах подобного сорта. Однако ближе к делу, в этом случае наш достойный дядюшка и твой скромный слуга придерживаются того мнения, что нам не стоит проявлять излишнюю щепетильность, и если нужно добиться успеха, мы не должны бояться жертв... Мы не можем добыть требуемую *сумму*, ты наверняка лучше нас знаешь, насколько она нужна; надеюсь, как ты говоришь, достаточно будет половины требуемой суммы, во всяком случае, наш добрый дядюшка уполномочил меня написать, что он возьмет на себя уговорить всю семью, убедить их: все, что ты делаешь, к лучшему и ты можешь списать сумму на счет Дома, – конечно, ты не должен давать нужную сумму, пока билль не пройдет палату лордов, и ты не должен торговаться и заботиться о том, кто ее получит... Мы считаем, что тебе следует передать крупную сумму в руки известного лица после прохождения билля и забыть о ней; я бы не стал давать деньги ни в поддержку петиции, ни на любую другую цель, которая не касается нас лично – нам остается лишь передать деньги удачливому мошеннику в том случае, если дело будет выиграно; по-моему, тебе следует проявлять особую осторожность в таком деле; поэтому я не понимаю, как можно предложить подписку твоим друзьям... по какой просьбе? И что, по твоему мнению, они дадут? Если какую-нибудь мелочь, дело того не стоит, если же, с другой стороны, они отдадут деньги, не задавая лишних вопросов, конечно, я возьму их деньги, так как они выгадывают столько же, сколько и мы».

1.2. Неизвестный автор. Одно из преимуществ еврейской эмансипации

Короче говоря, Лайонел предлагал купить голоса в верхней палате парламента. Еще поразительнее его признание, что он хотел таким же способом заручиться поддержкой принца Альберта, который пользовался значительным влиянием в палате лордов. Конечно, Альберт, возможно, и без того ему сочувствовал. Лайонел поддерживал с ним связь с 1847 г., когда начал политическую карьеру. В 1848 г. Нат записал, как он «рад... что принц Альберт так благоприятно расположен к тебе и поддержит наши законопроекты». Но он, помимо того, советовал Лайонелу «время от времени наносить визит» Альберту и «немного его подмасливать». «Сейчас ты должен обработать партию при дворе, – писал он 14 февраля, – уговорить П. А. [принца Альберта] употребить его влияние, и тогда, возможно, [билль] пройдет». То, во что

это вылилось на практике, является одним из самых интригующих, но до последнего времени не выявленных эпизодов в истории эмансипации.

К тому времени давние связи Ротшильдов с принцем Альбертом – в их качестве почтальонов для представителей европейской элиты – переросли в более серьезные финансовые операции. Так, в 1842 г. Джеймс положил на 100 тысяч франков акций Северной железной дороги на имя советника Альберта барона Стокмара. Через три года, когда Альберт планировал поездку в Кобург для обсуждения финансовых вопросов со своим братом, Стокмар передал ему просьбу Лайонела, «чтобы Дому Ротшильдов предоставили честь быть вашим банком в Германии для любых финансовых требований, которые могут возникнуть у вашего величества во время путешествия». В 1847 г. Ротшильды предоставили бедному баварскому родственнику Альберта, принцу Людвигу фон Эттинген-Валлерштайну, заем в 3 тысячи ф. ст., лично гарантированный Альбертом; через год, когда принц Эттинген обанкротился, оставив в качестве обеспечения только коллекцию непродávаемых картин, Альберт стал должником Ротшильдов. Видимо, этим объясняется, почему Нат ожидал, что его брат «даст нужную сумму», чтобы заручиться поддержкой Альберта, хотя он и его дядя по финансовым соображениям были резко против того, чтобы производить какие-либо выплаты после начала революции в Париже. В мае Альберт вызвал Энтони во дворец, чтобы «попросить заем для его брата, герцога Кобленца [наверное, Кобурга] и [для себя?] в размере 13 или 12 тысяч ф. ст.» (позже сумму увеличили до 15 тысяч ф. ст.). Нат предельно ясно высказал свои возражения: «Ты спрашиваешь моего совета относительно займа в 15 [тысяч] фунтов П. А. [принцу Альберту]. По-моему, нет ни малейших оснований соглашаться, вы окажетесь с ним в том же положении, что находимся мы с Л. Ф. [Луи Филиппом]. Если я не ошибаюсь, дорогой брат, он уже должен вам 5 тысяч ф. ст., которые мы выплатили здесь баварскому министру [принцу Эттингену], не думаю, что ты можешь ссужать такую большую сумму, учитывая положение дел; по моему мнению, ты так и должен ему сказать – нет ни малейших оснований делать ему комплименты; я убежден, что судьба еврейского законопроекта ни в малейшей степени не зависит от того, дашь ты ему денег или нет – могу лишь повторить, что я решительно настроен против займа, и в нынешних обстоятельствах не думаю, что тебе следует на него соглашаться».

Неясно, прислушался ли Лайонел к совету брата. Известно, что всего через десять дней после письма Ната Альберт купил аренду на замок Балморал с 10 тысячами акров земли за 2 тысячи ф. ст.; но в королевском архиве нет указаний на участия в сделке Ротшильдов. С другой стороны, в январе 1849 г. Лайонел виделся с Альбертом и Стокмаром в Виндзоре. Можно предположить, что в июле 1850 г., всего через 11 дней после знаменитой попытки Лайонела занять свое место в парламенте после принесения измененной присяги на Ветхом Завете, он внес 50 тысяч ф. ст. на любимый, но хронически недофинансируемый проект Альберта – Всемирную выставку «промышленности всех стран». Три года спустя, очевидно в результате давления со стороны «двора», то есть Альберта и Стокмара, лорд Абердин отказался от противодействия эмансипации ради коалиции пилитов и вигов. И хотя мы располагаем лишь косвенными уликами, вполне вероятно, кое-что действительно было сделано для того, чтобы «уговорить... П. А. употребить его влияние».

Однако все усилия Лайонела в этом направлении оказывались недостаточными: наверное, нереалистично было воображать, будто сопротивление членов палаты лордов можно преодолеть, «позолотив ручку» «придворной партии». Как довольно язвительно выразился Рассел, «у вас такая ужасная привычка пересчитывать все на деньги, что вы, кажется, думаете, будто купить можно даже принципы. Теперь по всей стране против вашего законопроекта единодушно высказываются большая часть представителей «высокой церкви» и все члены «низкой церкви». Если сможете, берите один из их органов, чтобы вести борьбу, ибо они в оппо-

зиции сознательно»²⁶. Премьер-министр считал, что единственный способ для продвижения вперед – убеждение, а не подкуп. Хотя летом 1849 г. Рассел внес на рассмотрение еще один законопроект, который был одобрен палатой общин, палата лордов снова (как он и предсказывал) отклонила его 95 голосами против 25.

Наконец, Лайонел вынужден был «сложить с себя полномочия члена парламента», что вылилось в дополнительные выборы в Сити. О своем шаге он объявил в заявлении «К избирателям лондонского Сити», опубликованном в «Таймс»: «Теперь полемика ведется между палатой лордов и вами. Они цепляются за... остатки религиозной нетерпимости; вы желаете устранить их... Считаю, что вы готовы выдержать большую конституционную битву, которая вас ждет». Его более радикальные друзья, особенно члены парламента Дж. Эйбел Смит и Джон Ройбак, на самом деле побуждали его прибегнуть к дополнительным выборам еще за год до того, когда отклонили первый билль Рассела. Поэтому сам по себе его шаг не был чем-то неожиданным. Но резкость Лайонела спровоцировала настоящий «шквал» критики, описанный Шарлоттой.

Чтобы понять, почему так произошло, важно помнить более широкий европейский контекст, в котором происходили те события. 1 января 1848 г. Альфонс в письме Лайонелу выражал надежду, что в новом году произойдет «победа религиозного равенства над [прогнанными?] предрассудками и нетерпимостью». Однако новый год принес нечто большее. И хотя революция 1848 г. и принесла евреям в некоторых европейских странах равенство перед законом (пусть лишь на время), ее общее действие на кампанию в защиту эмансипации в Великобритании было скорее негативным. Как отмечено в письмах, приходивших из Парижа, Франкфурта и Вены, революция усугубила отдельные, но тревожные вспышки антиеврейских народных выступлений, например в некоторых сельских областях Германии и в Венгрии. Однако нельзя забывать, что многие радикальные либералы, которые считали себя вождями революции, сами были евреями – отсюда мнение Майера Карла, что «антисемитизм провоцируют сами евреи». Поэтому отождествление вопроса об эмансипации с революцией в континентальной Европе было вдвойне губительным. В своем обращении Лайонел намекал многим своим сторонникам из числа тори и вигов, что и Ротшильды связывают свою судьбу с радикализмом – даже чартизмом – в тот самый миг, когда радикалы поносили Ротшильдов за то, что те финансируют поражение венгерской революции!

Какие бы опасения он ни пробуждал среди своих сторонников, уловка Лайонела сработала как предвыборная уступка. Он победил своего соперника-тори, лорда Джона Маннерса, которого, похоже, убедили выступить в роли чисто символической фигуры²⁷, – набрав 6017 голосов против 2814 у Маннерса. Однако, соединив свою судьбу с радикалами, Лайонел теперь не имел другого выхода, кроме следования их очередному тактическому совету: явиться в палату общин и заявить о своих правах на место в палате. По сути, ему надлежало следовать примеру католика О'Доннелла и квакера Писа. Лайонелу предстояло сделать самый противоречивый шаг из всех, что он предпринимал до тех пор. Пиль специально предупреждал его, чтобы он так не делал. Не приходится удивляться тому, что он колебался, потратив целый год на попытки убедить Рассела представить еще один законопроект. Но на переполненном и шумном митинге либералов Сити в «Лондонской Таверне» 25 июля 1850 г. он публично

²⁶ В своем интереснейшем письме Рассел излагает собственные причины, по которым он поддерживает эмансипацию: «Я считаю, что нашей стране нужно Божье благословение, а такое благословение дается только тем нациям, которые поддерживают его избранный народ в этой второй заповеди» – и противопоставляет свои мотивы мотивам радикалов, которые просто «рады протащить за ваш счет один из своих политических вопросов».

²⁷ Более того, Маннерс ужинал у Лайонела перед тем, как его попросили баллотироваться, но Майер, похоже, угадал его намерения заранее; очевидно, Дизраэли держал Лайонела в курсе намерений своей партии. С позиции Дизраэли, бывший пьюизит (сторонник наиболее близкого к католицизму направления «Высокой церкви», основанного богословом Эдвардом Пьюзи) Маннерс должен был выставить свою кандидатуру в первую очередь для того, чтобы убедить остальных протекционистов в своей политической «благонадежности». Маннерс стал лишь одним из многочисленных консерваторов, которые с удовольствием ужинали у Ротшильдов, в то же время неоднократно голосуя против того, чтобы их допустили в парламент.

осудил правительство за то, что ему не удалось «обеспечить меры реформы и совершенствования» и «способствовать делу гражданской и религиозной свободы». На следующий день в 12.20, следуя единогласно принятой на митинге резолюции, он появился в шумной палате общин и, в ответ на вопрос клерка, хочет ли он принести протестантскую или католическую присягу, ответил: «Я желаю присягнуть на Ветхом Завете». Когда твердокаменный тори сэр Роберт Инглис встал, собираясь возразить, спикер посоветовал Лайонелу удалиться, за чем последовали дебаты, главным образом связанные с процедурными вопросами. После выходов было решено прямо спросить Лайонела, почему он желает присягнуть на Ветхом Завете, на что он ответил: «Потому что это та форма присяги, которую я считаю самой подходящей для моей совести». Его снова попросили удалиться, и после бурных дебатов 113 голосами против 59 решено было разрешить ему поступить так, как он просит²⁸. На следующий день, 30 июля, Лайонел пришел снова, и ему предложили принести присягу на Ветхом Завете. Были произнесены соответствующие клятвы, но, когда клерк дошел до слов «христианской веры», «барон замолчал и через одну-две секунды сказал: «Я опускаю эти слова как не подходящие моей вере». Затем он надел шляпу на голову, поцеловал Ветхий Завет и добавил: «Помоги мне, Боже». За этим поступком последовали бурные крики со стороны либералов палаты. Кроме того, он взял перо, с целью, как мы полагаем, подписать свое имя в списке членов палаты; но сэр Ф[редерик] Тесигер встал, и последовало бурное волнение со всех сторон, в разгар чего спикер заявил, что достопочт. член парламента должен удалиться. (Громкие крики: «Нет, нет», «Займите свое место», «Сядьте» и «К порядку!».) Барон, однако, удалился».

Хотя его решение казалось удручающим, возможно, оно было мудрым. После того как его удовлетворили, последовало еще одно поражение. 5 августа, когда возобновились дебаты, правительство приняло резолюцию, по которой Лайонел не имел права занимать места в палате общин до тех пор, пока не произнесет «Клятву отречения» полностью. Прошел еще целый год, прежде чем правительство приняло законопроект, по которому в тексте были предусмотрены требуемые поправки²⁹. Но когда Давид Соломонс пожелал воспользоваться своим правом победы на дополнительных выборах в Гринвиче, он не добился успеха и проявил себя гораздо менее достойно. Соломонс занял свое место, не произнеся текста трех клятв полностью. Спикер приказал Соломонсу удалиться, однако он отказался. Более того, когда все депутаты проголосовали за то, чтобы он удалился, он по-прежнему отказывался и, более того, взял слово и высказался против. Он покинул палату лишь после того, как спикер попросил парламентского пристава вывести его. Общий итог оказался неутешительным: как подтвердило последующее голосование, ни Соломонс, ни Лайонел не имели права занять свои места до тех пор, пока не произнесут «Клятву отречения». Единственным достижением Соломонса можно считать акт от июня 1852 г., отменявший устаревшие штрафы, которые могли теоретически наложить на него за противоправные действия после успешного судебного преследования против него. Казалось, избиратели вынесли свой вердикт по отношению к его тактике, когда он потерпел сокрушительное поражение на всеобщих выборах 1852 г. Лайонел же, наоборот, снова одержал победу и снова принялся выжидать. Его тактика оправдала себя: вскоре стало очевидно, что мнения по поводу эмансипации в палате общин разделились. В палате же лордов этот вопрос не подлежал обсуждению. Однако Лайонел не сидел сложа руки. Фактически он стал членом парламента без места; не имея права присутствовать на заседаниях, он тем не менее лоббировал в нижней палате вопросы, имевшие отношение к евреям (например, государственное

²⁸ По этому предложению Дизраэли голосовал вместе с большинством, то есть против собственной партии, хотя до дебатов он представил петицию против допущения евреев в парламент, составленную кем-то из его избирателей в Бакингемшире, в ходе дебатов не внес практически никакого вклада и поддержал враждебное предложение своих сторонников, чтобы Лайонела напрямую спросили, собирается ли он давать «Клятву отречения». Победу удалось одержать с минимальным перевесом.

²⁹ На сей раз Дизраэли отважно подтвердил свою веру в справедливость эмансипации, после того как осторожно защищался от нападок радикалов в палате лордов.

финансирование еврейских школ в 1851–1852 гг. или освобождение раввинских разводов от юрисдикции гражданского суда по бракоразводным делам в 1857 г.). Но с юридической точки зрения его положение можно было считать безвыходным. Еще один законопроект не прошел в палате лордов; в 1855 г. старый враг Ротшильдов Томас Данком даже предпринял изобретательную попытку инициировать еще одни дополнительные выборы от Сити на том основании, что, финансируя государственный заем после начала Крымской войны, Лайонел «заключил договор с государственной службой».

«Подлинный триумф»

Борьба возобновилась после выборов 1857 г., когда Лайонел снова стал депутатом от Сити, на сей раз опередив Рассела, который поссорился с фракцией либералов. Опираясь на поддержку подавляющего большинства, Палмерстон заявил, что «вследствие избрания барона Лайонела де Ротшильда депутатом от лондонского Сити парламент в самом начале сессии получил возможность снова обдумать вопрос о допуске евреев, и такое предложение будет иметь наилучшие шансы на успех, если будет внесено правительством». Как и следовало ожидать, 15 мая представили очередной билль, который прошел в третьем чтении подавляющим большинством в 123 голоса. К радости сторонников Лайонела, свою позицию сменили многие видные тори, среди которых можно отметить сэра Джона Пакингтона, сэра Фицроя Келли и, самое главное, лорда Стэнли, сына графа Дерби, лидера партии. И в палате лордов ему выразил поддержку новый епископ Лондона; за законопроект проголосовали 139 членов верхней палаты парламента. Правда, к разочарованию Лайонела, они снова оказались в меньшинстве. Принять резолюцию единогласно не удалось; поэтому, когда правительство предложило внести новую поправку к законопроекту о внесении изменений в «Клятву отречения», Лайонел снова решил отказаться от своего места и участвовать в дополнительных выборах. Он вернулся, не встретив сопротивления, и тут же повел еще одну серьезную атаку на «тех, кто редко бывает среди людей, не знает народных чаяний и кто, более того, почти ничему не уделяет внимания, кроме собственного удовольствия и развлечений»³⁰.

Однако выходу из тупика способствовал не его призыв к «простому народу» и обличения пэров, а, как ни парадоксально, приход к власти консервативного правительства меньшинства. Теперь Дизраэли, ставший министром финансов и лидером партии в палате общин, по крайней мере получил возможность вернуть Ротшильдам долг, убедив сопротивлявшегося Дерби, что палата лордов должна пойти на уступку. Он сделал это, предоставив оппозиции свободу действий в палате общин. 27 апреля 1858 г. законопроект Рассела о поправке к «Клятве отречения» подвергли жестокой критике в палате лордов на этапе комитетских слушаний, а жизненно важный пятый пункт из нее исключили. Через две недели, по предложению Рассела, палата общин выразила свое «несогласие» с палатой лордов – большинством в 113 голосов. Что еще поразительнее, палата также приняла (при 55 голосах) предложение, выдвинутое независимым депутатом Данкомом, чтобы Лайонела назначили членом комитета палаты общин, созданного для объяснения «причин» такого разногласия. Затем Рассел предложил, чтобы эти причины были рассмотрены на совещании с верхней палатой. Согласие палаты лордов стало решающим поворотным пунктом. 31 мая граф Лукан предложил то, что казалось верным решением: чтобы палате общин позволили изменить свою «Клятву отречения» путем резолюции, при условии, если вначале данное изменение будет введено в действие актом парламента. Это позволило палате лордов изложить свои «резоны» для несогласия с палатой общин, и Дерби – хотя и «мрачно и нехотя» – 1 июля объявил о своей поддержке. 23 июля компромисс получил статус

³⁰ По иронии судьбы, Ллойд Джордж обвинил сына Лайонела, Натти, примерно в том же, когда тот возглавил оппозицию против «Народного бюджета» в палате лордов.

закона в форме двух актов. В одном три клятвы – верности, верховенства и отречения – сливались воедино для всех учреждений, которые до того времени их требовали; в другом евреям позволялось опускать слова о «христианской вере», если орган, в который они хотят войти, на то согласится. 26 июля, в понедельник, Лайонел снова появился в палате общин. В последний раз он обязан был удалиться, когда члены палаты обсуждали две резолюции, по которым ему разрешалось произнести укороченный текст присяги. По сути, тогда «твердолобые» вроде Семьюэла Уоррена и Спенсера Уолпола получили последнюю возможность высказать свои возражения против «вторжения богохульника». После того как важнейшая резолюция была принята большинством в 32 голоса, Лайонел наконец принес присягу как член парламента – на Ветхом Завете и с укороченным текстом. Учитывая те средства, к которым он прибегал ранее, довольно любопытно, что первым законопроектом, по которому он голосовал сразу после того, как занял свое место на передней скамье оппозиции, стал законопроект о сохранении в силе акта о предотвращении коррупции.

Допуск Лайонела в парламент стал, как писал Джеймс, «подлинным триумфом для семьи». На всеобщих выборах, которые проводились на следующий год, к Лайонелу в палате общин присоединился его брат Майер (вместе с Давидом Соломоном), а в 1865 г. в палату общин прошел его сын Натти. Как с радостью отмечала Шарлотта, при почти равном распределении голосов (как в июле 1864 г.) правительство Палмерстона могли «спасти евреи». Кроме того, допуск Лайонела в парламент получил широкий резонанс в еврейской общине в целом: Совет представителей британских евреев издал резолюцию, в которой выражал свои «искреннейшие радость... уважение и благодарность». Начиная с того времени в годовщину допуска Лайонела в палату общин в «Бесплатной еврейской школе» раздавали призы – хотя Лайонел намеренно подчеркивал свою веротерпимость. Так, он выделил школе лондонского Сити «самую ценную [открытую] стипендию в честь занятия им своего места в парламенте».

Политическое значение его триумфа редко понимается правильно. Лайонел одержал победу как либерал; и за время долгой кампании он укрепил политические и социальные связи с маленькой, но влиятельной группой членов парламента от Либеральной партии. Судя по записям в его дневнике, в период с 1856 по 1864 г. Гладстон четыре раза ужинал у него или у его брата Майера; он вел переписку или встречался с членами семьи по крайней мере в четырех случаях.

Другие либералы, чьи имена встречаются в письмах Шарлотты в 1860-е гг., были частыми гостями в доме 148 по Пикадилли. Среди них Чарлз Вильерс, член парламента от Вулвергемптона (в 1859–1866 гг. он был президентом комитета по закону о бедных), и Роберт Лоу, канцлер казначейства в первом кабинете Гладстона³¹. Однако определенное значение имело и то, что, внеся свое имя в список депутатов и засвидетельствовав свое почтение спикеру, Лайонел первым делом пожал руку Дизраэли – вполне возможно, что вклад последнего на финальном этапе битвы оказался решающим. Отношения Дизраэли и Ротшильдов неуклонно улучшались с начала 1850-х гг.;

³¹ Можно написать целую диссертацию о «салоне» Шарлотты на Пикадилли, если, конечно, словом «салон» можно описать представителей различных общественных кругов, которые встречаются в ее письмах. Самыми важными, разумеется, были члены семьи Ротшильд и родственные семьи (особенно Коэны и Монтефиоре). Время от времени в этот довольно тесный круг допускались семьи старших клерков и агентов (Давидсоны, Бауэр, Вейсвейлер, Шарфенберг и Белмонт); кроме того, туда были вхожи семьи из элиты лондонского Сити, например Вагги и Хелберты. Если не считать Гладстона и Дизраэли, в число ее друзей-политиков входили не только упомянутые выше либералы, но также и такие консерваторы, как Булвер-Литтон, романист и член парламента от Хартфордшира, а также лорд Генри Леннокс, член парламента от Чичестера и первый комиссар общественных работ в правительстве Дизраэли. Кроме того, в этот политический круг входил редактор «Таймс» Делан. С политическим кругом частично пересекался круг дипломатический, состоявший из послов и представителей Орлеанского королевского дома в изгнании. Кроме того, в «салоне» Шарлотты часто появлялись ее знатные приятельницы, например герцогини Сазерленд, Ньюкасл и Сент-Олбанс.

более того, в решающие недели в 1858 г. Лайонел тесно общался с Дизраэли. В январе Дизраэли присутствовал на званом ужине в Ганнерсбери (вместе с кардиналом Уайзменом и главой Орлеанского дома в изгнании). В мае слышали, как Дизраэли заметил после того, как правительство чудом избежало поражения по поводу политики в Индии: «Что говорит об этом барон? Он почти все знает!» Два месяца спустя, 15 июля, Лайонел отправился к канцлеру казначейства в его кабинет, «так как мы не виделись с ним с тех пор, как наш билль был в палате общин». Он застал Дизраэли «в превосходном настроении, он говорил, что все идет настолько хорошо, насколько это возможно... Я выразил надежду... что в следующий понедельник наш билль пройдет. Им удастся немедленно добиться согласия королевы. Я не мог добиться от него [неразборчиво], так как он сказал, что это зависит от других, если не подождет до [комиссии] в конце сессии для всех законопроектов или если удастся создать специальную комиссию, чтобы я мог занять место до того, как сессия закончится. Думаю, у меня все получится... Дизи повторил сегодня, что нам необычайно повезло в том, что мы [неразборчиво] этим расколом в нашу пользу, а не против нас во втором чтении законопроекта – он сделал для нас все что мог...».

В ответ на это Лайонел спросил Дизраэли, «согласится ли тот поужинать вместе с Джонни [Расселом] и компанией», но Дизраэли, «будучи человеком благоразумным... отказался, заявив, что его присутствие как министра испортит вечер. И все же я рад, что пригласил его на ужин; теперь он не сможет сказать, что мы им каким-либо способом пренебрегаем. Я сказал, что мы очень ждем королевского согласия на законопроект, чтобы я мог занять свое место в этом году, но ты знаешь, какой он притворщик. Он сказал все, что полагается в таких случаях, ничего не обещая... Миссис Дизи ужинала у Майера и снова завела старую песню, говоря, сколько всего Дизи для нас сделал и как он когда-то злился, потому что мы в это не верили».

Оттенок скепсиса в отчетах Лайонела об этих встречах не следует истолковывать так, что Дизраэли в 1858 г. не делал всего, что в его силах. Наоборот, возможно, именно его влиянием объясняется неохотная капитуляция Дерби. То, что сразу после допуска Лайонела в парламент отношения Дизраэли и Ротшильдов улучшились, подтверждает, что у Ротшильдов больше не было оснований сомневаться в добросовестности Дизраэли. Несмотря на жесткие политические ограничения, при которых он вынужден был работать, создатель Сидонии и Евы не подвел свою «расу».

Кембридж

Поучительно сравнить шедшую в тот период открытую битву за допуск евреев в парламент с остроумной уловкой, позволившей их детям учиться в Кембридже. И здесь Ротшильды сыграли роль первопроходцев. Более того, возможно, именно из-за успешного обхода бытовавших в Кембридже религиозных ограничений их так застигла врасплох непримиримость палаты лордов. Сравнение их тактики в двух случаях многое объясняет.

Следует подчеркнуть, что у Ротшильдов не было никакой *необходимости* поступать в Кембридж, тем более в Оксфорд, как не было у них необходимости в том, чтобы заседать в палате общин. Образование детей Ротшильдов почти весь XIX в. оставалось гораздо более космополитичным, чем могли бы им предоставить старинные английские привилегированные школы и университеты. Поэтому семья по-прежнему в основном полагалась на частных репетиторов. Кроме того, детей посылали за границу, где они получали значительную часть образования. Главным образом, родители стремились к тому, чтобы дети, по семейной традиции, были полиглотами. Что касается собственно банковского дела, единственным способом ему научиться была работа в банке; Кембридж, напротив, способен был лишь отвлечь молодых людей от семейного бизнеса. Более того, как и ранее, в 1820—1830-е гг., Ротшильды по-прежнему придавали большое значение образованию дочерей – в отличие от частных школ и уни-

верситетов, которые, разумеется, оставались по преимуществу мужскими учебными заведениями вплоть до конца XX в. Дочь Энтони Констанс и сына Лайонела Натти обучали немецкому языку с более или менее одинаковым рвением. Особенно пылкой сторонницей формального образования для своих дочерей и племянниц была Шарлотта. Трудность состояла в том, что положение евреев в Кембридже оставалось «серой зоной»: до 1856 г. они официально не имели права получать диплом. Тем не менее учиться в университете они могли – но только если выражали желание выполнить необходимое условие и посещать церковь: последнее было обязательным для студентов всех колледжей.

Любопытно, что здесь – в отличие от истории с «Клятвой отречения» – Ротшильды в принципе были готовы исполнять христианские обязанности, при условии, что их посещение церкви будет сведено к минимуму и останется пассивным. Как мы помним, именно на таком условии Майер посещал Тринити-колледж в 1830-е гг.; а когда Артур Коэн, его кузен с материнской стороны, решил осенью 1849 г., сразу после победы Лайонела на дополнительных выборах над Маннерсом, изучать математику в Кембридже – он думал, что ради него сделают такое же исключение. Через Дж. Абея Смита, одного из наиболее активных политических сторонников Лайонела, Майер пытался убедить главу Колледжа Христа в Кембридже изменить правила посещения церкви ради Коэна, заявляя, что (по словам Картмелла) «если я принимаю мистера Коэна, никому, кроме меня, не нужно знать, какие у него религиозные убеждения». Кроме того, Майер сказал Картмеллу, что «мистер Коэн готов посещать богослужения в часовне колледжа». Однако его доводы не убедили Картмелла. Скрывать веру Коэна, заявил он, «недобросовестно по отношению к обществу», в то время как «мне было бы отвратительно и противно моим убеждениям требовать от мистера Коэна внешнего послушания тому виду культа, в основу и дух которого он не верит и которые всецело отрицает».

Его слова послужили для Майера намеком на то, что возможен прецедент «для сознательного лишения представителей одной религиозной общины преимуществ образования в Кембриджском университете». Поэтому они с Мозесом Монтефиоре обратились ни к кому иному, как к принцу Альберту, который тогда был канцлером университета, с просьбой представить дело Коэна главе колледжа Магдалины, который одновременно был деканом Виндзора. Влияние принца-консорта привело к успеху там, где в 1830-е гг. Ротшильды потерпели поражение: Майер вынужден был покинуть колледж именно из-за вопроса о посещении церкви. В надлежащий срок Коэн приняли в университет после беседы с деканом, который, как писал Коэн, «сообщил мне, что по средам и пятницам служба продолжается всего 10 минут, и... посоветовал мне посещать церковь в эти дни, а не в другие, и в то же время передал мне, что я не обязан присутствовать на воскресной службе и причащаться».

Такие же условия пришлось обсуждать в Тринити-колледже, когда подросло следующее поколение Ротшильдов-мужчин, начиная с Натти в 1859 г. К тому времени были приняты акты 1854 и 1856 гг., по которым евреи смогли получать дипломы (кроме диплома по теологии). Но проблема религиозных обязанностей на уровне колледжа сохранялась. Хотя наставник Натти Джозеф Лайтфут (в 1861 г. он стал профессором богословия в Кембридже) «обещал сделать все возможное», глава колледжа Уильям Вьюэлл оставался «камнем преткновения на пути реформ». В 1862 г., как писал Натти родителям, «преподаватели Тринити-колледжа... вызвали большое недовольство, пригрозив лишить права покидать колледж после определенного часа всех, кто отказывается причащаться в церкви; в результате этого нового правила очень многих сегодня не было в церкви; они попадут в неприятности за то, что нарушили важное правило колледжа». Натти, конечно, понимал, что реформами 1850-х гг. достигнуто очень мало. «Чтобы здесь вступили в действие реформы, – жаловался он, – нужно будет выждать некоторое время, так как, пока англиканская церковь считает университеты чем-то вроде семинарий или частью самой церкви, невозможно сделать больше... И все же нужно покончить с необходимостью принимать приказы после семи лет полной непринужденности... Человеку созна-

тельному очень трудно... лишиться своих прав из-за того, что он во всеуслышание объявит, что не является прихожанином англиканской церкви. Не могу понять, почему таким... учреждением, которое становится ступенью к продвижению по службе в юриспруденции, политике, а также богословии, должны управлять священники, как будто это семинария иезуитов или школа талмудистов...»

Посещение церкви стало не единственной уступкой, на которую Ротшильдам пришлось пойти в Кембридже. На экзамене после второго курса (на степень бакалавра), известном под названием «предварительного», требовалось показать глубокие познания книги «Обзор христианских свидетельств» Уильяма Пейли. Судя по гневному письму Шарлотты к Лео, такое требование представляло собой серьезное препятствие. Однако, помимо всего прочего, в письме содержится намек на то, что Лео вполне способен его преодолеть: «Твоя необъяснимая ошибка на экзамене вызвала у меня большую досаду и раздражение... Конечно, ты вовсе не хотел и не собирался оскорблять преподобных экзаменаторов, и ни один знакомый с тобой человек не мог бы предположить, что ты способен на такое вопиющее бесчувствие по отношению к духовным лицам и такое полное неуважение к вере, к которой, хотя она и не твоя и, более того, тебе неизвестна, тем не менее нужно относиться с уважением, как к культу Всевышнего, который отправляют миллионы человек... Тем не менее твоя ошибка весьма достойна порицания и, более того, непростительна. В каком бы свете ее ни рассматривать, она все равно создает плохое впечатление... Молодой человек, который приходит в Сенат-Хаус и не выдвигает возражений против того, чтобы его экзаменовали по свидетельствам христианства, должен непременно ознакомиться с темой... Не знай я, что тебя окружают наставники духовного звания, я предложила бы тебе какой-нибудь совет, но я считала, что тебе хватит здравого смысла... попросить наставников давать тебе если не уроки, то хотя бы краткий очерк истории христианства... Тебя сочтут самым невежественным, безрассудным и мелким из людей. Мне очень горько, но жаль, что тебе нечем оправдаться».

Лео со своей стороны был сбит с толку «тайнами теологии и... разными доктринами»: как-то вечером, ужиная с группой преподавателей, любящих поспорить, он почувствовал себя «настолько сбитым с толку, что не смел и рта раскрыть». (Один знакомый, который также присутствовал на ужине, боялся, «что они забудут о моем присутствии и начнут нападать на евреев».) Даже в более молодежном окружении дискуссионного клуба Ротшильдам делалось очень не по себе. Натти вспоминал, как у него «кровь закипала от злости» как-то вечером, когда спикер клуба «приводил в пример чересчур большой власти палаты общин... прохождение билля о евреях. Я надеялся, что прошли времена для [различий] такого рода, и если бы я сразу же ответил, то мог бы разжечь религиозные страсти, которые легче возбудить, чем успокоить».

Поэтому присутствие Ротшильдов в Кембридже можно считать ограниченной победой по сравнению с той победой, какую желал одержать Лайонел в палате общин. На самом деле лишь в 1871 г. в старинных университетах были отменены выпускные экзамены по религии. В то же время заметен не вполне объяснимый контраст между согласием его брата и сыновей посещать церковные службы в колледже и изучать Пейли – и его отказом принести присягу, в которой содержалась декларация христианской веры. Видимо, если бы студентов заставляли причащаться, все сложилось бы по-другому.

Большие выставки и хрустальные дворцы

Памятники военным победам обычно не воздвигают до победы в сражении. Однако Ротшильды начали строить памятники своему политическому влиянию за несколько лет до того, как Лайонел наконец смог занять место в Вестминстерском дворце. По крайней мере, именно так можно истолковать невероятный всплеск архитектурной деятельности в 1850–1860 гг.,

когда Ротшильды построили для себя не менее четырех огромных загородных домов, а пятый перестроили: в Ментморе, Астон-Клинтон, Ферьере, Преньи и Булони.

Конечно, Натан и его братья начали приобретать загородные резиденции с самых ранних дней своего процветания. К началу революции 1848 г. дома и имения в Ферьере, Сюрене, Булони, Ганнерсбери, Шиллерсдорфе и Грюнебурге были в семье уже много лет.

И в 1850-е гг. не произошла полная перемена в отношении к этим загородным имениям. Покупая новые земельные участки в Бакингемшире после 1848 г., особенно фермы в Астон-Клинтон, лондонские партнеры сохраняли такую же рассудительность, как до них – их отец и дядя: они не интересовались сельскохозяйственными угодьями, которые не приносили бы 3,5 % от покупной цены. «Если ты думаешь, что Астон-Клинтон стоит 26 тысяч [фунтов], – писал Лайонел Майеру в 1849 г., – у меня нет возражений... но мне кажется, что мы всегда можем полагаться на 3 1/2, свободные от любых издержек, это не типичный загородный дом, ты должен относиться к покупке всецело как к капиталовложению». В 1849 г., посетив Шиллерсдорф, он заметил, что это «величественное имение и, хотя [дядя Соломон] чуть переплатил за него, если им хорошо управлять, оно принесет ему неплохой доход».

Покупая землю – особенно после тяжелого кризиса в сельском хозяйстве середины 1840-х гг., – Ротшильды тратили деньги в нижней точке рынка. Именно в 1848 г. герцог Бакингем наконец объявил себя банкротом, а год спустя Майер получил сводки агентов по недвижимости из Ирландии, в которых ему советовали воспользоваться тамошними удачными возможностями. «Повсюду неурожай картофеля, свободная торговля гибнет, – говорилось в одной такой подсказке. – Ирландия совершенно погибла, настало или стремительно приближается время тайком скупать имения. После попадания в парламент подумайте о покупке и перепродаже за более высокую цену». На самом деле Майер и его братья не испытывали интереса к таким авантюрам; как отмечала их мать, они занялись недвижимостью, потому что в декабре 1849 г. доходность консолей упала до 3,1 %. Настало «самое подходящее время» для покупки земли, «когда средства так высоки, как в настоящее время, ибо, хотя могут снизить проценты по имуществу, обращенному в ценные бумаги, земля всегда будет в цене». Подобные инвестиции нельзя считать симптомом падения предпринимательского духа. То же самое можно сказать и о покупке французскими Ротшильдами винодельческих хозяйств: Нат в 1853 г. купил «Шато-Бран-Мутон» (и переименовал его в «Мутон-Ротшильд»), а Джеймс вел долгую битву за приобретение контроля над «Шато-Лафит» в окрестностях Пойяка, получив квалифицированную оценку о спросе на высококачественные сорта кларета. В 1868 г., наконец купив Лафит (за 177 600 ф. ст.), Джеймс, который к тому времени был стариком, почти сразу же повысил цену на вино нового урожая.

Однако есть разница между тем, чтобы потратить 26 тысяч фунтов на сельскохозяйственные угодья, и тем, чтобы потратить такую же сумму на роскошный новый дом. Легко забывается, как мало английских землевладельцев в XIX в. строили себе новые «помещичьи дома»: о том, что было вполне доступно за сто лет до того, не могло быть и речи. Зато для Ротшильдов деньги вопроса не составляли. В 1852 г., когда лондонские партнеры изъяли из общего капитала компании 260 250 ф. ст., – главным образом для того, чтобы оплатить строительство нескольких домов, – сумма составляла менее 3 % от общей. Однако официальная цена нового дома в Ментморе составляла всего 15 427 ф. ст. За огромный объем работ, выполненный для Ротшильдов в 1853–1873 гг., строитель Джордж Майерс получил в целом всего 350 тысяч ф. ст.

Однако то, что они могли себе это позволить, еще не объясняет, почему они решили тратить деньги на большие дома, которые явно не окупали вложенные в них средства. Банальное объяснение – которое должно быть достаточным – заключается в том, что Ротшильдам нравилось проводить время за городом. С развитием железных дорог они получали возможность жить за городом, не пренебрегая своей работой в Сити. Лондонская и Северо-Западная железнодорожные линии позволяли Лайонелу и его братьям без труда передвигаться между

Ментмором и Юстоном: Лайонел мог «галопом скакать» за город и успевать вернуться к вечерним дебатам в палате общин. Линия Страсбург – Линьи, открытая в мае 1849 г., позволяла поступать так же Джеймсу и его сыновьям в Ферьере. И все же необходимо, наверное, еще одно, дополнительное пояснение. Новые дома отражали притязания на аристократизм. Уже в 1846 г. Лайонел признавался родным и близким друзьям, что считает титул баронета ниже своего достоинства. Он начал кампанию по вступлению в палату общин только после того, как стало ясно, что титула пэра он не получит. Однако такие притязания нельзя считать симптомом «феодализации» – упадочной буржуазной уступки устаревшим ценностям высшего класса; нельзя забывать, что Ментмор строился в то время, когда Лайонел открыто бросал вызов законодательной роли палаты лордов. Английские Ротшильды упорно претендовали на знатность, и ничто не выражало их притязаний ярче, чем дома, которые члены семьи строили для себя. Их резиденции были не просто подражанием загородным домам XVIII в. Они свидетельствовали о большой власти Ротшильдов, служили, если можно так выразиться, пятизвездочными отелями для влиятельных гостей, частными картинными галереями... короче говоря, местами, где принимали особо важных гостей; как мы сказали бы сегодня, центрами корпоративного гостеприимства.

Даже выбор ими архитектора о многом говорил. Джозеф Пакстон был известен семье с 1830-х гг.; именно он давал Луизе советы по перестройке дома в Гюнтерсбурге в 1840-е гг. Однако после того, как он создал Хрустальный дворец для Всемирной выставки, Ротшильды решили доверить ему не просто ремонт, а нечто большее. Работы в Ментморе начались в августе 1851 г., в том же году, когда проходила Всемирная выставка. Несмотря на любовь к елизаветинскому стилю – Пакстон взял за образцы дома в поместьях Вуллатон и Хардвик, – по меркам того времени он выстроил новаторское здание с огромным холлом под застекленной крышей, горячим водопроводом и центральным отоплением. Ментмор не следует считать просто загородным домом для Майера, его жены и дочери. Дом, только на первом этаже которого было 26 комнат, по сути служил отелем, где можно было разместить и развлекать многочисленных гостей. Предполагалось, что обстановка призвана напоминать гостям о всемирном влиянии хозяина: в самом деле, похожие на охотничьи трофеи головы европейских монархов (для Ментмора их создал итальянский скульптор Рафаэль Монти) становились чем-то вроде «фирменного знака» Ротшильдов. Но Ментмор также служил и картинной галереей, которая связывала современную власть Ротшильдов с их почтенными предшественниками, – отсюда три массивных фонаря, изначально сделанные для венецианского дожа, gobelены и коллекция старинной мебели из Италии XVI в. и Франции XVIII в.

Построив Ментмор, Майер задал образец для других членов семьи. Поместье Астон-Клинтон, перестроенное для Энтони в 1854–1855 гг. зятем Пакстона Джорджем Генри Стоуксом, по сравнению с Ментмором казалось небрежным. Пытаясь увеличить уже имеющийся дом, Стоукс не сумел воплотить в жизнь «сон» Луизы, хотя она надеялась, что «со временем я, возможно, привыкну к этому маленькому домику, который вначале показался мне самым уродливым на свете». Джеймс, наоборот, решительно собирался затмить Ментмор своим помещением в Ферьере. К досаде французских архитекторов, не говоря уже о местных каменщиках, он заключил контракт с Пакстоном и Майерсом. Они не раз жалели о том, что взялись за этот заказ, так как Джеймс без всяких угрызений совести отклонил первый эскиз Пакстона после того, как проконсультировался с французским архитектором Антуаном-Жюльеном Энаром; трения между английскими и французскими рабочими привели к забастовке, а позже и к дракам из-за разницы в оплате. Конечный результат – а дом был завершён лишь в 1860 г. – стал смесью французского, итальянского и английского стилей. Люди искушенные, вроде братьев Гонкур, его клеймили: «На деревья и систему водоснабжения уходят миллионы; замок обошелся в восемнадцать миллионов, идиотская и нелепая экстравагантность, смешение всех стилей, плод дурацких амбиций, стремление соединить все памятники в одном!» По мнению

Бисмарка, поместье напоминало «перевернутый комод». Поэт и дипломат Уилфрид Скавен Блант называл его «чудовищным клубом с Пэлл-Мэлл, украшенным в самом вопиющем стиле Луи-Филиппа», а антисемит Эдуард Дрюмон презрительно называл его «невероятной лавкой древностей».

Тем не менее дом был обустроен самым современным образом: Джеймс прославился тем, что перенес кухню на сто шагов от дома, чтобы гостям не приходилось обонять запахи готовки. По его распоряжению от кухни к дому проложили маленькую подземную железную дорогу, чтобы повара могли передавать блюда в подвал за столовой. И, подобно Ментмору, Ферьер стал отчасти рекламой (с кариатидами работы Шарля-Анри Кордье, которые символизировали главенство Ротшильдов в четырех частях света), отчасти отелем (в котором было более 80 комнат) и отчасти галереей (большой зал служил для Джеймса все более захламляемым «личным музеем»). Все там было гипертрофированным, – по словам Эвелины, «поместье было слишком королевским, чтобы обходиться без часовых», – однако отличалось некоторой экзотической театральностью, во многом благодаря интерьерам, созданным театральным художником Эженом Лами, который украсил курительную немного китчевыми венецианскими фресками. Замок Преньи, построенный Стоуксом для Адольфа в 1858 г., по сравнению с Ферьером казался довольно скромным. Это здание в стиле Людовика XVI, с видом на Женевское озеро, первоначально создавалось как витрина для коллекции Адольфа, в которую входили картины и другие произведения искусства: экзотические кристаллы, драгоценные камни и резьба по дереву. Сходную работу проделал для дома в Булони Арман-Огюст-Жозеф Бертелен в 1855 г., хотя Бертелен черпал вдохновение в Версале Людовика XIV.

В 1850-е – 1860-е гг. также претерпели значительные изменения парки вокруг домов Ротшильдов. В Ферьере под руководством Пакстона создали новый пруд с декоративными мостиками, а также детально продуманные теплицы и зимние сады. Хотя ее дочь Эвелина предпочитала парки в Ганнерсбери и Ментморе, описание Шарлотты Ферьера того периода полно воодушевления из-за «кустарников, деревьев и цветов, оранжерей и теплиц, и... блестящего и превосходного содержимого последних... Ферьер, по моему мнению, – сказочная страна, в которой есть все, кроме протяженного и живописного вида... Дядя Джеймс коллекционирует уток, лебедей и фазанов со всех частей света... Как ансамбль – с оранжереями, теплицами, хрустальными дворцами, виноградниками, цветниками и теплицами, парками, плодовыми и цветущими садами, фермами, зоологическими диковинками, дикими и ручными животными... – Ферьер непревзойден... [Он напоминает] дворец Аладдина со сказочными садами, чудесными птичниками, красивыми ручьями, в которых водятся карпы, и хрустальными дворцами, полными ароматных сладких фруктов и ярких цветов».

В Булони ландшафтный дизайнер Пуаре построил детально разработанный водный сад с каскадами и романтическими каменными горками, а Джеймс добавил «гусей с кудрявыми перьями», белых уток, египетских осликов и говорящего попугая в свою коллекцию экзотической фауны. И в Преньи имелся зверинец, где Адольф разместил коллекцию патагонских зайцев, кенгуру и антилоп. Даже парки при более старых домах перестроили и перепланировали; хотя Ансельм редко туда ездил, он превратил парк в Шиллерсдорфе в силезский вариант Риджентс-парка. Кроме того, он приказал устроить там озеро, на котором жили дикие утки, и построить множество коттеджей в английском стиле для работников усадьбы – ранний пример патернализма Ротшильдов за городом. И многочисленные коллекции животных и птиц стали первыми ростками последующей страсти Ротшильдов к зоологии.

Не остались без внимания и резиденции Ротшильдов в крупных европейских городах. Лайонел приобрел дом по соседству с домом 148 на Пикадилли у члена парламента Фицроя Келли и поручил компании «Нельсон и Иннес» построить на месте двух соседних новых,

гораздо больший дом. Пока велись работы, он переехал в Кингстон-Хаус в Найтсбридже³². Для того чтобы получить впечатление о его новом доме (его снесли столетие спустя, когда расширяли Парк-Лейн для проезда транспорта), достаточно было лишь войти в один из величественных лондонских клубов: цокольный этаж предназначался для проживания мужской прислуги и винного погреба, на первом этаже разместился просторный холл, массивная мраморная лестница вела в огромные приемные залы на втором этаже, на третьем разместились частные комнаты, а в мансарде жили горничные. Кухню перенесли под террасу в саду. Различные отели в Париже создавались по тому же образцу и имели в своей основе ту же структуру³³.

Разумеется, задача заполнить все эти дома соответствующей мебелью и украшениями так и не была завершена. Перед одной из многочисленных поездок в Париж Шарлотта составила список покупок, куда входили мраморные статуи за 2 тысячи ф. ст.; четыре статуэтки; хрустальная люстра; четыре бюста римских императоров; «две чудесные вазы росс антико, украшенные великолепной резьбой, с изображением Нептуна, окруженного тритонами и морскими нимфами» за 5 тысяч гиней; кроме того, она купила стол за 150 ф. ст. Год спустя лондонские торговцы произведениями искусства предлагали ей, среди прочего, «картину Рубенса, чудесный камин работы Иниго Джонса, красивую картину сэра Джошуа [Рейнолдса], на которой изображена красивая женщина... и, последнее, хотя и не менее важное, давно обещанную мистером Расселом японскую или китайскую коллекцию». Снобы вроде Гонкуров любили насмехаться над доверчивостью Ротшильдов, когда те имели дело с торговцами произведениями искусства: в одном из их злорадных анекдотов Ансельм предлагал одному оптику 36 тысяч франков, если тот сумеет изобрести «такой лорнет, который придавал бы ему способность видеть глазами человека со вкусом»; в другой истории Джеймс подарил дочери торговца красивое платье, чтобы обеспечить за собой картину Веронезе по приемлемой цене. На самом деле Ротшильды очутились в элите коллекционеров искусства; может быть, даже возглавили ее. «Пустяковый маленький Рафаэль за 150 тысяч франков, Кёйп за 92 тысячи франков, – писал братьям Нат с одного парижского аукциона в 1869 г. – Сейчас нужно иметь много денег, чтобы покупать картины», – или, как выразился его кузен Гюстав, «деньги, которые можно потратить сразу же». Но у кого водились такие деньги, если не у Ротшильдов?

На фоне такой бурной деятельности перестройка здания банка в Нью-Корте в начале 1860-х гг. казалась запоздалой. Конечно, Шарлотта считала новое здание «просто чудесным, предназначенным для великих дел». Остается понять, насколько политика – не говоря об искусстве и архитектуре – отныне отвлекала младшее поколение Ротшильдов от выполнения этого предназначения.

³² Даже его временная резиденция показалась Маколею «раем»: Лайонел признался, что хотел купить тот дом и предложил за дом с садом размером в 8 или 10 акров 300 тысяч ф. ст., но ему отказали.

³³ В 1856 г. Нат купил в Париже дом 33 по улице Фобур-Сент-Оноре; Альфонс – дом 4 по улице Сент-Флорентен; дом Гюстава находился по адресу: авеню Мариньи, 23; дом Соломона Джеймса – по адресу: улица Мессин, 3–5; Адольф в 1868 г. купил у Эжена Перейры дом по адресу: улица Монсо, 45–49.

Глава 2

Эпоха мобильности (1849–1858)

[M]oi, je serais charmé de faire une niche à ce juif qui nous jugule³⁴.

Кавур

1850-е гг. стали для Ротшильдов трудным временем; по крайней мере, такова традиционная точка зрения. Во-первых, Луи Наполеон Бонапарт, к которому Джеймс всегда относился настороженно, уничтожил республиканскую конституцию и провозгласил себя императором, наследником и преемником своего дяди. Во-вторых, министром финансов стал конкурент Джеймса Ашиль Фульд – младший брат Бенуа Фульда, которого Гейне назвал «главным раввином левого берега Сены». Если верить часто цитируемым словам графа Виль-Кастеля, Фульд сказал Наполеону: «Совершенно необходимо, чтобы ваше величество освободилось от опеки Ротшильда, который правит, невзирая на вас». В-третьих, появление новых «универсальных» банков вроде «Креди мобилъе», плода умственных усилий бывших помощников Джеймса братьев Перейра, угрожало главенству Ротшильдов не только во Франции, но и во всей Европе. И наконец, 1850-е гг. характеризовались международной нестабильностью: впервые после 1815 г. стал явью всегдашний страшный сон Ротшильдов о полномасштабных войнах между великими державами, сначала в Крыму (где Великобритания и Франция воевали с Россией из-за Турции), а затем в Италии (где Франция сражалась с Австрией из-за Италии).

Однако такой взгляд является обманчивым в двух отношениях. Из-за того что историки чрезмерно полагаются на такие предвзятые источники, как дневники графа Хюбнера, сменившего Аппоньи на посту австрийского посла, они склонны преувеличивать трудности, пережитые Джеймсом при Луи Наполеоне. Более того, дневники слишком франкоцентричны: трудности, которые испытывал Джеймс, не следует рассматривать изолированно в такое время, когда другие дома Ротшильдов процветали.

Два императора

То, что Хюбнер изобразил отношения Бетти с генералом Шангарнье как романтические, можно считать злым умыслом. На самом деле ее недавно обнаруженные письма к Альфонсу во время его поездки в Америку свидетельствуют о том, что первые впечатления Шарлотты о генерале были совсем не благоприятными. Он показался ей «худым, уродливым мужчиной среднего роста, в котором нет ничего военного, кроме усов. С первого взгляда он кажется старым и изнуренным». В январе 1849 г., когда Шангарнье ужинал у них, он «старался быть как можно занимательнее и очень желал угодить», но «в этом отношении... преуспел лишь отчасти. Я не нахожу в нем... открытости и преданности, за которые его, по слухам, так часто хвалят; наоборот, он произвел на меня впечатление человека скорее двуличного...». Ханна признавалась Дизраэли, что Шангарнье произвел на нее впечатление человека строгого и нетерпимого: как-то раз, когда его пригласили на ужин к Ротшильдам и предупредили, что там же будет один прославленный оперный певец, он отказался и «сделал выговор [Бетти] за то, что она пригласила за свой стол певца». На том этапе Бетти еще не отказалась от мысли помириться с Луи Наполеоном. В апреле она писала сыну, что дела у президента «идут хорошо. Каждый день он дает определенные доказательства его [веры во]... власть закона и порядка». Она была настолько убеждена в этом, что «наконец разбила лед и стала появляться в салонах президента.

³⁴ Я бы с радостью сыграл шутку с этим евреем, который противостоит нам (*фр.*).

Мне трудно было бы и дальше избегать их, если я не хотела произвести впечатление политической упрямцы».

С другой стороны, не приходится сомневаться: Шангарнье говорил все, что нужно, желая успокоить женщину, которая резче остальных членов семьи высказывалась против революции. «Он, – одобрительно писала Бетти, – реакционер нужного сорта... Позавчера, в разговоре о символе третьей добродетели на наших флагах, он сказал мне: «Я так ненавижу братство, что, будь у меня брат, я бы называл его своим кузеном». Вскоре она уверяла Альфонса: «Мой друг Шангарнье удержит безумцев в узде» – и добавляла, что семья «под защитой нашего достойного Шангарнье». «В нашем превосходном Шангарнье, – уверяла она в июне, – мы обрели верного друга, который прекрасно знаком с тем, что происходит... и даст нам знать [о беспорядках] немедленно. Не могу передать, насколько благороден этот человек, какое у него возвышенное сердце и какая преданная душа, насколько он открыт, этот бывший герой, в котором соединяются рыцарская отвага, целеустремленность и решимость... Такие качества не могут не привести к успеху». Если она говорила нечто подобное на публике, наверное, нет ничего удивительного в том, что Хюбнер усмотрел в их отношениях не только политическую, но и амурную сторону. Даже Ханна, тетка Бетти, сдержанно отмечала, что Шангарнье «весьма предан семье, придерживается высокого мнения о таланте и способностях Бетти, ценит отвагу и активность членов семьи во время революции и, похоже, заботится об их благосостоянии». Джеймс со своей стороны со смесью восхищения и смущения писал, что, хотя Шангарнье охотно передает ему щекотливые политические сведения (например, касающиеся политики Франции в так называемом «деле Пасифико»), он вовсе не стремился что-то выгадать на своих новостях: «Шангарнье никогда не был замешан [в спекуляции] и никогда не говорил мне, что хочет спекулировать. Более того, не сомневаюсь, если бы я предложил ему или его адъютанту нечто подобное, он больше не принимал бы меня и не принимал моих приглашений. Он единственный в своем роде; других таких я не знаю!» Бонапарт же, в отличие от Шангарнье, был весьма рад возможности спекулировать – но не с Джеймсом.

Весь 1850 г. Джеймс старался примирить двух человек, все больше сознавая преимущество Наполеона, что могло сулить ему неприятности. «Возможно, президент считает, что я поступил с ним несправедливо, – писал он в январе 1850 г., – поэтому он, судя по всему, не слишком высокого мнения обо мне, тем более что Фульд мне отнюдь не благоволит. Хвала Всевышнему, он мне не нужен».

Такие слова предполагают, что и Джеймс со своей стороны не доверял Фульду (дело усугублялось тем, что Фульд женился на не-еврейке). И все же не следует превратно понимать характер их соперничества – они часто виделись, причем относились друг к другу с уважением, пусть и скрепя сердце: Джеймс признавал, что иметь одного брата банкиром, а другого – министром финансов «совсем неглупо». Про себя же Джеймс считал, что попал в невыгодное положение и в бизнесе, и в политике. «К сожалению, – ворчал он, – я с досадой вижу, что дело у нас отнимают, и мы уже не те, что были прежде». Но неверно предполагать, что неудача с выпуском рентных бумаг в конце 1850 г. стала симптомом ослабления его финансового влияния. На самом деле Джеймс подготовил заявку, но не участвовал в аукционе из-за смерти четырехлетнего сына Ната, Майера Альберта, чьи похороны совпали с аукционом, проводимым министерством финансов. Хотя Джеймс был в трауре, он не мог не радоваться тому, что в его отсутствие аукцион, проводимый Фульдом, превратится в «фиаско»: «Теперь они поймут, что Ротшильда нельзя отеснить в сторону, как хотел Фульд».

По правде говоря, Джеймса больше заботила дипломатия, нежели финансы. Он боялся, что переменчивая внешняя политика президента может привести Францию к трениям, если не к войне, с другими великими державами: Великобританией (из-за «дела Пасифико») или Пруссией (из-за Германии). В рассказе Ширика о том, как Джеймс пытался смягчить французскую политику в конце 1850 г. на встрече с Наполеоном и Шангарнье, есть зерно истины.

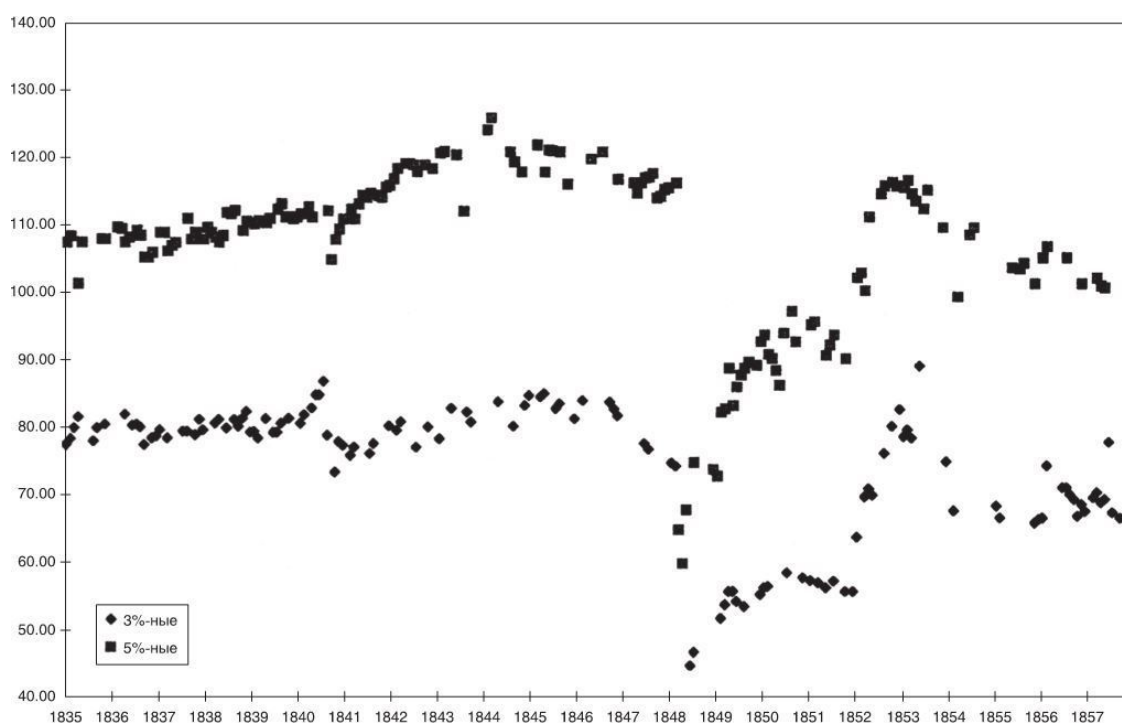
«Полно фам, тафайте посмотрим, в чем там дело, в этой ссоре из-за Германии! – предлагал Джеймс. – Рати всего святого, тафайте притем к какому-нибудь соклашению, тафайте притем к соклашению!» Наполеон в ответ якобы просто повернулся к нему спиной. Джеймс в самом деле несколько раз виделся с Наполеоном в 1850 и 1851 гг.; но он никогда не утверждал, что ему удалось повлиять на политику президента. Наоборот, он ворчал, что президент «ничего так не любит, как играть в солдатиков»; он называл Луи Наполеона «ослом... который кончит тем, что настроит против себя весь мир». Особенно сильное дурное предчувствие Джеймс испытывал по поводу того, что Франция могла вмешаться в ссору Австрии и Пруссии, которая вспыхнула во второй половине 1850 г. Хотя он по-прежнему боялся, что в конце концов окажется «в руках красных», Джеймс не очень пожалел бы, если бы Луи Наполеона «прогнали, как Луи Филиппа» за его ошибки во внешней политике.

Все это объясняет, почему Джеймс все больше нервничал по мере приближения бонапартистского государственного переворота. Уже в октябре 1850 г. он начал переводить золото в Лондонский дом, объяснив племянникам, что «он скорее будет держать все его золото там, заработав 3 % на депозите, чем вложит его в рентные бумаги или будет держать в погребке, когда такой человек [как Наполеон] может отобрать его деньги за то, что он дружил с Шангарнье». Он уверял: «Я не боюсь, но стремлюсь проявить осторожность. С политической точки зрения это несчастная страна». В то же время Джеймс все откровеннее демонстрировал свои политические пристрастия: так, он сохранил дружбу с Шангарнье даже после того, как последнего отстранили от командования армией и национальной гвардией. В октябре 1851 г. Джеймс писал племянникам, что у «нашего генерала» есть «большие надежды». «Подозреваю, что до того, как они осуществляются, – встревоженно добавлял он, – Париж будет залит кровью. Я продал все мои рентные бумаги». Можно смело утверждать: Джеймс не зря боялся того, что его тоже могут арестовать вместе с Шангарнье и другими лидерами республиканцев, когда в ночь с 1 на 2 декабря произошел переворот. Что символично, он упал с лестницы и растянул ногу за неделю до «Операции Рубикон» (кодовое название переворота), поэтому, когда бонапартисты нанесли удар, он буквально лежал без движения. Ничего удивительного, что в его письмах в Лондон сразу после переворота нет ни слова о политике. Как объяснял сам Джеймс, у него есть основания опасаться, что его письма перехватывают. К счастью для историка, Бетти при встрече с Аппоньи оказалась не столь осторожной. Поэтому сейчас мы имеем довольно полное представление о ее тогдашнем настроении: «Она считает, что президенту удалось лишь прийти на помощь красным, что в политике он вынужден будет метаться из крайности в крайность и в конце концов станет орудием [их] демагогии. «Чтобы и дальше идти той дорогой, какую избрал президент, он обязан пугать нас демагогией [имея в виду крайне левую]; следовательно, он не может полностью уничтожить ее; поэтому я боюсь, что, вместо того, чтобы спасти общество, он, наоборот, погубит его, перейдя к личной власти».

Однако Джеймс никогда не смешивал свои политические предпочтения и деловые интересы. За исключением того, что ему нравился Шангарнье, он не считал себя обязанным хранить верность республике и новое положение принял, по выражению Хюбнера, «с большим смирением». Перейра сделал обнадеживающий обзор текущего положения на импровизированном собрании банкиров на улице Лаффита. Присутствовавшие «не совсем обвиняли Луи Наполеона в том, что он решил покончить с [конституцией] до 1852 г.; последнее считалось более или менее неизбежным; все беспокоились только из-за того, что он ведет опасную игру. Сообщали, что арестованы несколько генералов; боялись, что это может привести к расколу в армии, что, как утверждали, станет концом Франции, кто бы ни стал победителем. Перейру забрасывали вопросами. Он описывал то, что видел: добродушие офицеров; воодушевление солдат, обилие войск на улицах, равнодушие тех, кто читал прокламации, безмятежность Парижа, несмотря на утренние сюрпризы. Великие финансисты слушали обнадеживающие новости с радостью».

Более того, вскоре стало очевидно, что, нанеся сокрушительный удар по левым республиканцам и объявив о своей поддержке экспансионистской кредитной политики, Наполеон готовил климат финансового оптимизма. Красноречивее всего об отношении к тогдашним событиям свидетельствует цена ренты. Накануне переворота трехпроцентные рентные бумаги котировались по 56, а пятипроцентные – по 90,5. Сразу после переворота цены выросли до 64 и 102,5 соответственно, а к концу 1852 г., в первую годовщину переворота, когда Наполеон объявил себя императором, трехпроцентные рентные бумаги котировались по 83; после перехода от республики к империи доходы от прироста капитала выросли почти на 50 % (см. ил. 2.1). О том же свидетельствуют цифры валовых инвестиций в железные дороги: после периода стагнации в 1848–1851 гг. в период до 1856 г. инвестиции возросли пятикратно. Джеймс в течение некоторого времени ощущал, что экономические и политические события не скоординированы; даже военные шрамы и внутренние опасения до переворота не оказались такими дестабилизирующими, как он сам предсказывал. «Если послушать политиков, – заметил он в 1850 г., – можно подумать, что все пропало; если послушать финансистов, они скажут, что все наоборот». Но начиная со 2 декабря политика и экономика снова развивались в унисон благодаря правительству, которое сознательно отождествляло состояние собственного здоровья с состоянием здоровья биржи.

Итак, бонапартистский режим был для Джеймса далеко не идеальным исходом; он скорее предпочел бы, чтобы Шангарнье подготовил почву для реставрации Орлеанского дома. Но, как только стало очевидно, что у Наполеона III нет намерений наказывать его лично, Джеймс решил, что с императором можно смириться. В октябре 1850 г. он показал себя провидцем, охарактеризовав свое положение так: «В конце концов у нас будет император, который кончит войной, ибо, если бы я так не боялся войны, я сам стал бы империалистом». После переворота он поспешил признать, что конкуренты обойдут его, если заподозрят в слишком тесных связях с аннулированной республикой. В то время как Бетти демонстрировала «деморализацию» по отношению к Наполеону, удалившись во внутреннюю ссылку в Ферьер, ее мужу (в очередной раз) пришлось идти в ногу со временем. «По-моему, Наполеон набирает силу, – писал он в Лондон всего через три недели после переворота, – несмотря на то что люди достойные не принимают его приглашений. Вы думаете, что нам тоже нужно держаться от него подальше?» Вопрос был риторическим. Даже женщины из семьи Ротшильд не могли продолжать свой общественный бойкот до бесконечности. В самом деле, еще до конца декабря их отношение постепенно сделалось более мягким. «Безмятежное настроение Ротшильдов, – язвительно писал Аппоньи после встречи с женой Ната Шарлоттой и Бетти, – вызвано огромными количествами денег, которые они сейчас наживают, из-за того, что все облигации и акции, которые имеются в их портфеле, резко растут в цене».

2.1. Еженедельная цена закрытия на французские 3 %- и 5 %-ные рентные бумаги, 1835—1857

С тех пор как Джеймс обосновался в Париже, у него на глазах сменилось уже пять режимов, если не больше. Судя по всему, ему все труднее было воспринимать подобные события со всей серьезностью. «Мои милые племянники, как вам нравится французская конституция по два су? Именно за такие деньги ее продают на улицах». Абсолютизм он считал «не очень хорошим; зато... теперь можно делать что хочешь, и все забыто». Уже в октябре 1852 г. Джеймс оживленно сообщал, что он «в прекрасных отношениях с императором и всеми остальными»; примечательно, что он писал эти строки за целых два месяца до того, как Наполеон в самом деле провозгласил себя императором. Письмо, кроме того, написано всего за несколько дней до знаменитой речи Наполеона в Бордо, в которой он заявил: *L'Empire, c'est la paix* («Империя – это мир»). Казалось, тем самым устраняются внезапные случаи нарушения бельгийского нейтралитета, а также трения с Пруссией из-за Рейнской области, которые доставляли много забот в предыдущие два года. Возможно, этим объясняется, почему другие великие державы признали Наполеона императором лишь после символических уверток.

Конечно, наладить отношения оказалось вовсе не так просто: в январе 1853 г. Джеймс по-прежнему испытывал трудности, когда желал увидеться с новым императором. Однако в его распоряжении имелись два пути к новому двору. Во-первых, он оставался австрийским генеральным консулом и часто надевал свой алый мундир, чтобы напомнить всем, кто забыл, о своем дипломатическом статусе. В августе 1852 г. ему удалось передать Наполеону успокаивающее письмо от нового австрийского императора Франца Иосифа; и хотя Хюбнер всячески старался подорвать стремление Джеймса представлять в Париже Вену, он никак не мог его сместить, пока банк Ротшильдов оставался австрийским. Второй путь заключался в том, что Джеймс стремился завоевать доверие Наполеона, взяв под свою защиту Евгению Монтихо, авантюристку полуиспанского-полушотландского происхождения, которую снобы-парижане считали просто очередной любовницей Наполеона. Наполеона познакомили с ней в 1850 г., и к концу 1852 г. он был без ума от нее. После того как пришлось расстаться с надеждой заключить дипломатический брак с принцессой Аделаидой Гогенлоэ (одной из племянниц королевы Виктории), Наполеон, к ужасу своих министров, внезапно решил жениться на Монтихо.

Однако это решение было еще тайной 12 января, когда Евгения приехала на бал в Тюильри. Ее вел под руку не кто иной, как Джеймс, который, как отметил Хюбнер, давно подпал «под власть чар молодой андалусийки, но теперь более, чем когда-либо, ибо он был одним из тех, кто верил в брак». Один из сыновей Джеймса – скорее всего, Альфонс – сопровождал мать Евгении. Когда партия вошла в Маршалльский зал дворца, намереваясь поискать места для дам, жена министра иностранных дел Друина де Люи надменно сообщила Евгении, что места, о которых идет речь, оставлены для жен министров. Услышав это, Наполеон подошел к двум дамам и предложил им места на императорском возвышении. Два часа спустя император и Евгения скрылись в его кабинете, а позже вернулись рука об руку. Через три дня он сделал ей предложение; 22 января помолвку предали гласности; еще через неделю состоялась свадьба. «Предпочитаю жениться на молодой женщине, которую я люблю и уважаю», – заявил Наполеон. «Можно любить женщину, но не уважать ее, – заметила вскоре после того жена Ансельма Шарлотта, – но женятся только на женщинах, которых уважают и почитают». Этот комплимент – довольно вымученный, учитывая привычку Ротшильдов проводить различие между романтической любовью и браком, – был должным образом передан новобрачным.

Конечно, значение таких шагов не стоит преувеличивать; с другой стороны, современному читателю легко забыть, как серьезно в XIX в. относились к сложным придворным ритуалам, тем более при дворе непредсказуемого выскочки, который получил трон в результате государственного переворота, а свою законность подтвердил тщательно организованным плебисцитом.

«Креди мобилъе»

Конечно, по-настоящему судьба Джеймса при Второй империи решалась не в Тюильри и не в Компьене (где охотился Наполеон III), а на бирже и в залах правления железнодорожных компаний. Именно там в эпоху Второй империи разворачивалась одна из величайших корпоративных битв XIX в.: борьба до победного конца между Ротшильдами и «Креди мобилъе». Отчасти из-за того, что «Креди мобилъе» был основан почти одновременно с провозглашением Второй империи (дата основания банка – 20 ноября 1852 г.;

дата провозглашения Второй империи – 2 декабря), значение нового банка часто толкуется превратно. Так, многие авторы считают учреждение нового банка в первую очередь политическим вызовом монополии Ротшильдов в сфере государственных финансов Франции – своего рода ответом Наполеона III на призыв Фульда «освободиться» от опеки Ротшильдов. Вторая ошибка связана с тем, что «Креди мобилъе» представлял революционно новый вид банка в противоположность «старым» частным банкам, олицетворением которых служил банкирский дом Ротшильдов.

На самом деле в идее создания банка на основе акционерного капитала, собранного по открытой подписке, не было ничего фундаментально нового. Начиная с 1826 г. акционерные банки получили законный статус в Великобритании, и такие банки, как «Национальный провинциальный» (National Provincial) и «Лондонский и Вестминстерский банк» (London & Westminster Bank), основанные в 1833 г., успели продемонстрировать все возможности банков нового типа задолго до того, как к банковской деятельности обратились братья Перейра; к тому времени, как был основан «Креди мобилъе», в Англии и Уэльсе существовало около 100 акционерных банков; их число вдвое превысило число частных банков со штаб-квартирами в Лондоне. Неверно и утверждать, что британские акционерные банки воздерживались от промышленных займов (хотя они старались не заниматься долгосрочными инвестициями, в этих банках часто предлагались кредиты по текущим счетам с овердрафтом; кроме того, акционерные банки учитывали векселя, которые по сути оказывались долгосрочными). Что же касается «Креди мобилъе», этот банк не занимался долгосрочными инвестициями в промыш-

ленность, при всем уважении к таким специалистам по экономической истории, как Александр Гершенкрон и Рондо Кэмерон, которые считают, что он способствовал индустриализации не только во Франции, но и во всей континентальной Европе. И в самой Франции у Перейров имелись предшественники. Самыми первыми из них (если не учитывать «Банк генераль» (Banque Générale) Джона Лоу можно считать «Торгово-промышленную общую кассу» (Caisse Générale du Commerce et de l'Industrie) Лаффита. Вопреки утверждениям Ландса, Ротшильды и владельцы других признанных парижских банков вовсе не были чрезмерно старомодными в своей реакции на вызов, брошенный «Креди мобилъе», и они понимали пользу акционерных банков для долгосрочных инвестиций. Хотя их капитал, в отличие от капитала Перейров, был всецело их собственным, французские и австрийские Ротшильды пользовались им почти так же, как руководство «Креди мобилъе» пользовалось деньгами своих облигационеров и вкладчиков — и в конце концов более успешно. Вот простой пример, которым обычно пренебрегают: «Креди мобилъе» был даже *не больше*, чем банк Ротшильдов! Его первоначальный капитал составлял 20 (позже 60) млн франков; для сравнения, в 1852 г. капитал банка «Братья де Ротшильд» составлял 88 млн франков с лишним. Капитал же всех домов Ротшильдов составлял не менее 230 млн франков. Из первоначального капитала «Креди мобилъе» сами Перейры отчитывались всего за 29 %.

На самом деле не столько то, что они делали, сколько то, как они это делали, убеждало современников, а позже и историков, в том, что существовала глубинная разница между банком Ротшильдов и «Креди мобилъе». (Только человек, не знакомый с Парижем, может объединять «Ротшильда, Фульда и Перейр» [так!], как это делал Бисмарк.) Перейры продолжали прибегать к старой сен-симоновской риторике о коллективных выгодах промышленных инвестиций, хотя спекулировали рентными бумагами и железнодорожными акциями, а прибыль прикарманивали сами. Ротшильды, наоборот, не скрывали, что они спекулируют и получают прибыль, а к своим вкладам на нужды более широких общин, к которым они принадлежали, относились как к благотворительности, которую они отделяли от сферы своих операций. В 1850 г., когда Каstellане познакомился с Энтони, он был потрясен жалобой последнего на то, что «в Лондоне деньги [можно сделать] на всем, на хлопке так же, как на рентных бумагах, сколько хочешь, но здесь [в Париже] едва ли можно спекулировать чем-то еще, кроме ренты». Последователи Сен-Симона говорили не так: они стремились пустить в оборот деньги всей Франции в погоне за утопией с паровым двигателем. Такую разницу в подходах сразу уловил биржевой брокер Фейдо, который писал об этом в своих мемуарах. В отличие от Перейров, считал он, Джеймс был «просто солидным, умным и проницательным «торговцем капиталом»: «Одна лишь задача максимизации дохода от его колоссального состояния занимала его круглые сутки. Каждая ликвидация в конце месяца превращалась в битву, которую он вел ради безопасности своего дома, положения своего имени, подтверждения своей власти. Он был в курсе всех самых мельчайших новостей — политических, финансовых, коммерческих и промышленных — со всех уголков земного шара; он как мог старался выгадать на этом, вполне инстинктивно, не упуская ни одной возможности для того, чтобы получить прибыль, пусть даже и самую малую».

Как мы видели, вести дела с таким человеком, как Джеймс, было неблагоприятной задачей для мелкой рыбешки вроде Фейдо. Однако достаточно было лишь зайти в помещение «Креди мобилъе», чтобы столкнуться там «с самым разительным контрастом с Домом Ротшильдов. У Перейров можно было не бояться грубых слов и вспышек гнева. Кисловато-вежливые люди, изъязвленные ненавистью, всегда сосредоточенные... жесткие, как металлические прутья, не способные к гибкости мышления, полные самовосхищения... их всегда можно было застать в кругу друзей, и все наостряли уши в надежде выяснить, какой курс берут патроны, над какими акциями они работают, покупают они или продают. Служащие «Креди мобилъе» поджидали гостей на лестнице и подробно расспрашивали, есть ли у вас распоряжения. Все хотели разбо-

гатеть — и разбогатеть любой ценой; поэтому каждый старался работать в том же направлении, что и его хозяева».

Очевидно, Джеймса очень занимал такой контраст, и в одном случае он, с изумительностью, которая в эпоху Второй империи стала его «фирменным знаком», поручил Фейдо заняться спекуляцией от его имени. Фейдо должен был купить тысячу акций «Креди мобилъе». Эту операцию Джеймс повторил не менее пяти раз, поразив своего брокера тем, что полностью расплатился за акции при ликвидации. Когда Фейдо выразил недоверие, Джеймс изобразил удивление: «Что фы имеее ф фиту, мой юный друг? <...> Я фофсе не смеюсь над фами. Слушайте: я вполне уфереен в гениальности господ Перейра. Они величайшие финансисты на земле. Я человек семейный, и я рад флошить часть моего маленького состояния в их дела. Жалею я только об одном, что не могу доверить фесь сфой капитал таким умным людям».

Современники — особенно финансист Жюль Исаак Мирес после того, как впал в ересь, — иногда приписывали такую разницу в подходах разному культурному фону двух семей. «Евреи севера», выросшие в суровой и запретительной атмосфере Германии, по мнению Миреса, «холодны» и «методичны» в своей эгоистичной погоне за богатством и равнодушны к интересам государства; в то время как «евреи Средиземноморья» не только обладают «более благородными» «латинскими» инстинктами; им повезло жить во Франции, где к евреям относились более терпимо. Именно поэтому они привыкли вести дела в более альтруистичном, гражданственном ключе. Другие рассматривали разницу в чисто политических терминах: Ротшильды олицетворяли «аристократию денег» и «финансовый феодализм», в то время как их соперники выступали за «финансовую демократию и экономический 1789 год».

На самом деле конкуренция между Ротшильдами и «Креди мобилъе» коренилась главным образом в области железнодорожных концессий. Республика была неудачным временем для энтузиастов железных дорог, чтобы не сказать большего. Политики погрязли в бесконечных дискуссиях о том, какую концессию и кому предоставить, а на это время инвестиции и строительство прекратились; учетные ставки были высоки, настроение на бирже подавленное, предприниматели держались настороже, понимая, что рабочие вот-вот могут взбунтоваться. Сдвинулось с места лишь строительство одной крупной линии (западная ветка из Версаля в Рен). Одним из самых первых последствий переворота Луи Бонапарта стало то, что с таким положением было покончено. В день захвата власти была предоставлена концессия на строительство линии от Лиона к Средиземному морю; через два дня за ней последовала концессия на ветку Париж— Лион. Ее предоставили консорциуму, в который входили и парижские, и лондонские Ротшильды. Заново обсудили условия предоставления концессии на строительство Северной железной дороги на условиях, которые были однозначно благоприятными для компании. Империя стала золотым дном для предпринимателей-железнодорожников: в 1852—1857 гг. всего предоставили не менее 25 концессий, а до 1870 г. к ним добавилось еще 30.

Во всем этом видную роль играл незаконнорожденный сводный брат Наполеона, герцог де Морни, который усмотрел в новом режиме главным образом возможность обогатиться; он энергично высказывался в пользу слияния многих мелких железнодорожных компаний в несколько крупных. Джеймс наладил контакт с Морни в начале 1852 г.; взгляды герцога пришлись ему по душе. Что любопытно, судя по балансу Французского дома, составленному в то время, Джеймс держал акции различных железнодорожных компаний на сумму, превышавшую 20 млн франков (около 15 % суммарных активов). Стоимость этих акций взлетела до небес, когда инвесторы отреагировали на политику нового режима: Аппоньи подсчитал, что всего за неделю в апреле 1852 г. Джеймс заработал 1,5 млн франков, «не заплатив ни пенни». Учитывая огромный прирост капитала, достигнутый Парижским домом в 1850-х гг., эта цифра не выглядит невероятной. Стоит заметить, что из всех шести крупных французских железнодорожных линий Северная железная дорога, контролируемая Ротшильдами, эксплуатировалась наиболее интенсивно и оказалась самой рентабельной: хотя она составляла всего около 9 % от

общей протяженности французских железных дорог, по ней осуществлялось 14 % грузовых и более 12 % всех пассажирских перевозок. Соотношение пассажирских и грузовых тарифов к затратам в 1850-х гг. составляло 2,7, а интенсивность движения за период 1850-х – 1860-х гг. более чем удвоилась.

Однако у Джеймса с Перейрами возникало все больше разногласий. Первые признаки раскола проявились в 1849 г., когда Перейры захотели собрать деньги на собственный проект дороги Париж – Лион – Авиньон, не обращаясь к Ротшильдам. В 1852 г. отношения еще больше ухудшились, хотя нелегко точно сказать, когда произошла решающая ссора. Важный шаг к разрыву был сделан, когда Джеймс решил войти в состав синдиката, финансировавшего строительство линии Париж – Лион; Джеймс купил около 12 % акций новой линии (в число других акционеров входили Бартолон, Хоттингер и Бэринг, и, хотя его нет в списках концессионеров, ведущую роль играл Талабо). Такое решение означало недвусмысленный отказ от конкурирующего проекта, который предложили Перейры. Многое становится понятным из серии писем, в которых Джеймс объясняет племянникам, почему он так поступил: «Что касается Лиона, было бы очень пагубно для «Компани дю нор», если бы мы остались в стороне и линией занялись две другие компании, поэтому я сказал Хоттингеру, что мы возьмем такой же пакет акций, как и другие банкирские дома, а если Бэринг намерен объявить подписку в Лондоне, ее следует проводить совместно с вами. Короче говоря, я не хочу, чтобы при новом правительстве затевалась крупная операция без нашего участия... Если такая операция увенчается успехом без нас, люди скажут: «Ротшильды нам больше не нужны». Так как мы можем взять столько, сколько хотим, лучше оставаться частью этого товарищества... Господа, которых это касается, весьма популярны у министров».

Сделанное вскользь замечание, в котором Джеймс обзывает одного из братьев Перейра «ослом», намекает на то, что их отношения с Джеймсом стремительно ухудшались.

И все же их партнерство продолжалось. Более того, Исааку Перейра поручили действовать в качестве представителя Джеймса в новом правлении компании «Париж – Лион», а его брат Эмиль продолжал играть ведущую роль, оставаясь председателем совета директоров Северной железной дороги. Он участвовал в повторных переговорах относительно концессии на строительство Северной железной дороги – условия еще одной крупной железнодорожной операции были оговорены в январе 1852 г. Компания собрала 40 млн франков, выпустив облигации на предъявителя, а на вырученные деньги приобрела контрольный пакет линии Булонь – Амьен и направила их на строительство новых веток (например, в Мобёж). В свою очередь, концессию продлили на 99 лет с возможностью для государства выкупить компанию в 1876 г. Раскол случился лишь ближе к концу года, когда Джеймс снова предложил свою поддержку Талабо.

Новой целью Талабо стало слияние новой железнодорожной линии Париж – Лион с южными ветками: Авиньон – Марсель, Марсель – Тулон и более мелкими ветками, ведущими в Гар и Эро. Планировалось создание крупной Средиземноморской компании примерно на тех условиях, которые первоначально задумали Перейры. Джеймс решил приобрести 2 тысячи акций в этом амбициозном, но в финансовом смысле сомнительном проекте, не привлекая Перейров. То, что в числе акционеров был и Морни, заставляет усомниться в упрощенном толковании произошедшего – якобы Перейры, в отличие от Ротшильдов, пользовались поддержкой нового режима. Последний удар был нанесен, когда Джеймс отказался предоставить такую же финансовую поддержку Южной компании братьев Перейра: хотя он и подписался на 3,3 млн франков и потому нельзя сказать, что он полностью пренебрег нуждами компании, Альфонсу выразили вотум недоверия, и он вынужден был подать в отставку. Следовательно, Перейры основали «Креди мобилье» в ответ на то, что их самих исключили из того, что представлялось им новой компанией Талабо и Ротшильда, которую поддерживал существующий строй в лице Морни.

Перейрам не пришлось долго искать образец, в соответствии с которым можно было основать свой альтернативный источник финансирования. Задолго до возникновения замысла «Креди мобилъе» в стране уже успешно существовали два полугосударственных банка. Первым из них стал «Креди фонсье» («Земельный кредит», *Crédit Foncier*) Фульда, ипотечный банк, основанный при государственной поддержке в марте 1852 г. для обеспечения долгосрочных займов землевладельцам путем продажи ипотечных облигаций – крайне популярная форма капиталовложений в XIX в. К концу 1853 г. банк увеличил свой капитал до 60 млн франков и выпустил на 27 млн франков займов. Следует отметить, что Джеймс относился к «Креди фонсье» так же враждебно, как к «Креди мобилъе», заявив в октябре 1853 г., что проценты, под которые банк ссужает деньги, слишком высоки, а облигации, которые эмитирует банк, считаются слишком подозрительными в сельских районах, чтобы банк исполнил намеченные цели. Вместо того чтобы поддерживать земельных собственников, «Креди фонсье» по сути финансирует строительство городской недвижимости и занимается операциями в основном спекулятивного характера: «С самого начала мы отчетливо видим такие проблемы, и именно по этой причине мы отказались принять участие в этой афере, хотя нам неоднократно делались предложения... «Креди фонсье»... участвует в рискованных операциях, и именно благодаря им до последнего времени получает прибыли... Его нельзя назвать серьезным предприятием».

Вторым новым учреждением стала инвестиционная компания «Фонд совместных действий» (*Caisse des Actions réunies*), основанная в 1850 г. Миресом, тогдашним редактором «Железнодорожного журнала», с капиталом в 5 млн франков. Хотя Мирес преобразовал «Фонд совместных действий» в более претенциозный «Общий железнодорожный фонд» только в 1853 г., он впоследствии утверждал, что именно его учреждение подсказало Бенуа Фульду мысль о гораздо более крупном предприятии: «Я сказал себе: если Мирес в одиночку оказался способен создать такой фонд, то компания, состоящая из более влиятельных людей, тем более способна создать сильную финансовую организацию, которая могла бы одновременно финансировать крупные операции и промышленные предприятия. По возвращении [из Бадена] я стал искать подходящих людей для участия в моем проекте и не нашел никого более подходящего, чем... Э. и И. Перейра... Так родился «Креди мобилъе».

Согласно еще одной версии событий, идею «Креди мобилъе», как бы мы сказали сегодня, продал министр внутренних дел Персиньи, которому пришлось преодолеть нестигаемое сопротивление Ашиля Фульда, – хотя, возможно, так Фульды пытались снять с себя ответственность после того, как «Креди мобилъе» обанкротился. На самом деле Фульды и Перейры были равноправными партнерами, разделившими мажоритарный пакет акций.

Что же нового было в «Креди мобилъе»? Банк Франции не разрешил новому учреждению называться «банком», хотя именно таким был первоначальный замысел братьев Перейра. По сути «Креди мобилъе» был инвестиционным трестом, основанным группой во главе с Перейрами, с капиталом в 20 (позже 60) млн франков. Первостепенной задачей нового учреждения было привлечь сбережения мелких вкладчиков в железные дороги, притом что многие из них уже обожглись в 1840-е гг., когда возникавшие как грибы после дождя железнодорожные компании выпускали множество сомнительных акций. «Креди мобилъе» все упростил: он предлагал вкладчикам стандартизованные облигации различного срока действия, а их деньги вкладывал в те акции и ценные бумаги, которые казались надежными его директорам. Короче говоря, «Креди мобилъе» выступал посредником между рынком облигаций и рынком акций, он представлял собой депозитный банк, который эмитировал облигации, а не депозитные сертификаты, не подлежащие передаче. Последние изменения в уставе банка, опубликованные 20 ноября, стали результатом компромисса между более осторожными членами кабинета министров и Перейрами: текущие счета и деньги, полученные от продажи краткосрочных облигаций, не должны были более чем в два раза превышать оплаченную часть акционерного

капитала, что вдвое превышало уровень, которого требовало министерство финансов; суммы, вырученные за долгосрочные облигации, не должны были превышать 600 млн франков, то есть в 10 раз больше, чем капитал банка.

Обычно в «Креди мобилъе» видят прямую угрозу монополии банка «Братья де Ротшильд». В самом деле, скоро между двумя банками началась ожесточенная конкурентная борьба. Кроме того, Джеймса раздражали социальные претензии его бывших подчиненных — особенно когда они купили поместье д'Арменвильер на 8200 акрах земли рядом с Ферьером, виноградник Палмер рядом с Шато-Мутон и даже дом, соседний с домом Ната на улице Фобур-Сент-Оноре! Джеймс не скрывал и своих опасений в связи с новым банком. Как он писал Наполеону III 15 ноября, этот банк будет одновременно крайне мощным и крайне подверженным кризисам. Его доводы были не такими противоречивыми, как позже уверял Персиньи.

Первым доводом Джеймса было классическое возражение банкира-консерватора против акционерных компаний: он утверждал, что «неизвестные», «безымянные» и «безответственные» директора могут злоупотреблять своим положением и деньгами других людей. Джеймс пошел дальше, предсказав, что новый банк, в силу своего положения, создаст «устрашающее господство коммерции и промышленности». «Благодаря одному лишь объему своих инвестиций», предупреждал он, директора компании «будут писать законы на рынке, причем такие законы, которые окажутся за пределами контроля и за пределами конкуренции... и сосредоточат в своих руках большую часть национального богатства... Это будет бедствием... Когда банк заработает в полную силу, он станет сильнее самого правительства». В то же время, считал Джеймс, сама его сила покоится на фундаменте из песка — вот что делает катастрофу неминуемой. Всякий раз, как банк будет предлагать инвесторам облигации с фиксированной выплатой процентов, его собственные инвестиции в акции окажутся «неустойчивыми, сомнительными, неопределенными». Во время кризиса банк приведет экономику страны «к краю пропасти». Воспринимая как данность, что новый банк будет поддерживать недостаточный резерв, Джеймс предсказывал: если банк столкнется с трудностями, правительству придется выбирать между «общим банкротством» или приостановкой обмена валюты на золото. Его преувеличенные опасения призваны были уstrasить Луи Наполеона; однако, как мы увидим, они не были совсем безосновательными.

Уже сам факт, что Джеймс выступил против «Креди мобилъе», не следует понимать так, что деятельность нового банка была направлена против него. Возможно, Перейры были искренними, предлагая Джеймсу долю в их новом предприятии; его отказ не доказывает их враждебных чувств по отношению к нему. Не следует придавать слишком большого значения и тому, что устав банка был опубликован в «Монитер универсель», пока Джеймса не было в Париже. То, что в числе акционеров «Креди мобилъе» некоторые ближайшие помощники Ротшильдов в Италии и Германии — Торлонья, Оппенгейм и Гейне, — также противоречит мысли о противодействии Ротшильдам: этим людям было что терять, если бы они навлекли на себя гнев Джеймса.

По правде говоря, «Креди мобилъе», явно претендующий на то, чтобы стать финансовым «центром», действующим в интересах государства, представлял гораздо больше угрозы для Банка Франции, чем для Ротшильдов. Как утверждал Перейра в 1854 г., новое учреждение было создано «из необходимости ввести в обращение нового агента, новые деньги, основанные на общественном доверии, которые приносят собственные ежедневные проценты». В его словах прослеживается явный намек на то, что он видел свои облигации в роли квазиденег. Самое главное, как угадали самые сообразительные тогдашние комментаторы, создание «Креди мобилъе» стало ответом на жесткую политику Банка Франции после революции 1848 г., особенно в части предоставления займов: до 1852 г. Банк Франции отказывался ссужать деньги под акции железнодорожных компаний, а под рентные бумаги предоставлял ссуды под относительно высокий процент — 6 %. Поскольку доходность рентных бумаг к ноябрю 1852 г. сни-

зилась до 3,6 %, приход «Креди мобилъе» становится более понятным, как и противодействие Джеймса: в 1852 г. банк «Братья де Ротшильд» держал акций Банка Франции на сумму в 1 млн 131 тысяча 078 франков, цена которых понизилась после выхода на рынок «Креди мобилъе». Именно тогда зародился союз Ротшильдов с Банком Франции, который дойдет до своего логического завершения в 1855 г., когда в состав правления Банка Франции войдет Альфонс.

«Креди мобилъе» начал с огромным успехом. Пакеты в 500 его акций, которые при открытии стоили 1100 франков, через четыре дня достигли 1600. В лучший момент в марте 1856 г. они торговались по 1882 франка. Первоначальные акционеры получили большие доходы от прироста капитала; трудно поверить, что Джеймс не завидовал таким прибылям. Дивиденды также выглядели солидно: с 13 % в 1853 г. они подскочили до 40 % через два года (что подразумевало прибыль в 4 и 10 %). Казалось бы, такие результаты опровергают пророчества Джеймса, который предрекал «Креди мобилъе» катастрофу. Не стали они и результатом мошенничества при учете. Тот период можно считать золотым веком французского железнодорожного строительства: в 1851–1856 гг. валовые капиталовложения выросли пятикратно; в 1850-е гг. было проложено вдвое больше путей, чем в 1840-е гг. Более того, соотношение грузовых и пассажирских перевозок к эксплуатационным расходам находилось на своем пике.

Смыслом «Креди мобилъе» было позволить Перейрам получить долю на растущем рынке, в чем они и преуспели.

Впрочем, не следует преувеличивать масштаб успеха «Креди мобилъе». Правда, на те средства, которые им удалось собрать с помощью «Креди мобилъе», Перейры сумели приобрести пакеты акций в значительной части железнодорожных компаний, и они оказывали преобладающее влияние на Юг (Бордо – Сет), линию Париж – Лион через Бурбонскую линию и Запад (в которых сливались линии Париж – Руан, Руан – Гавр, Дьеп – Фекан и Версаль – Рен). Но Ротшильды по-прежнему контролировали Северную железную дорогу и обладали самым большим индивидуальным пакетом акций в компании Париж – Лион, которая позже слилась с Гран-Сентрал, образовав в 1857 г. линию Париж – Лион – Средиземное море, не говоря уже о более мелких пакетах в Южной компании и линии Арденны-и-Уаза. Перейры получили 8 мест в правлениях различных французских железнодорожных компаний; у Ротшильдов их было 14. Кроме того, на рынок вышли многочисленные новые игроки, среди которых в первую очередь следует отметить самого Морни (который в 1853 г. основал компанию Гран-Сентрал). Не все новички были союзниками Перейров. Линии фронта были не такими отчетливыми, как часто утверждают: так, Шарль Лаффит был партнером Перейров на Юге, но у него имелся солидный пакет акций Северной железной дороги. Герцог де Галлиера принадлежит к числу основателей «Креди мобилъе», но одновременно входил в правление Северной железной дороги. Хотя Перейры преобладали в компаниях, которые, слившись, образовали Восточную железную дорогу, в 1854 г. облигации компании на сумму в 2,5 млн ф. ст. разместил банк «Н. М. Ротшильд и сыновья» в Лондоне.

Ясно одно: позднейшие утверждения Миреса, что к 1855 г. Джеймс якобы «отрекся» перед лицом конкуренции со стороны «нового банка», несостоятельны. Более того, именно «Креди мобилъе» рисковал чрезмерным распылением средств. Конечно, слова Джеймса о том, что его капитал «незначителен», следует считать преувеличением, но есть повод утверждать, что капитала «Креди мобилъе» было недостаточно для аппетитов Перейров. Уже в 1853 г., в попытке увеличить средства в своем распоряжении, компания хотела разместить на 120 млн франков облигаций, но правительство воспользовалось своим правом вето. Когда Перейры повторили попытку в 1855 г., правительство снова расстроило их планы. В результате «Креди мобилъе» все больше приходилось полагаться на 60—100 млн франков обыкновенных депозитов, главным образом полученных от связанных с ним компаний, например железнодорожных. Возможно, именно из-за таких стесненных условий отмечалось расхождение между намерениями основателей «Креди мобилъе» и их реальной инвестиционной стратегией. На самом

деле портфель банка отличался сравнительно высоким оборотом, а общие активы колебались между всего 50 млн франков в 1854 г. и 266 млн франков годом спустя.

Если бы Перейры ограничили свою деятельность Францией, едва ли стала бы возможной знаменитая «война» между ними и Ротшильдами; все свелось бы к отдельным мелким стычкам. Однако Францией Перейры не ограничились. Особую опасность, как казалось Джеймсу, представляло распространение деятельности «Креди мобилъе» за пределы Франции, в результате чего новый банк стал бы поистине всеевропейским явлением. 2 апреля 1853 г. великий герцог Гессен-Дармштадтский даровал лицензию кельнским банкирам Абрахаму Оппенгейму и Густаву Мевиссену из «Шаффхаузеншер банкферайн» (Schaffhausenscher Bankverein) на открытие учетного банка и банка-эмитента. Они назвали новый банк «Дармштадтский торгово-промышленный банк» (Darmstädter Bank für Handel und Industrie) и, при намеченном капитале в 25 млн гульденов (около 54 млн франков) и с уставом в стиле братьев Перейра, очевидно, собирались сделать его немецким «Креди мобилъе». Ротшильдам был брошен вызов, можно сказать, в их родовом гнезде: Дармштадт находится меньше чем в двадцати милях от юга Франкфурта, и единственная причина, почему Оппенгейм и Мевиссен решили основать там новый банк, – то, что власти и Франкфурта, и Кельна отказались выдать им лицензию. Четверо из девяти управляющих, в том числе старый конкурент Ротшильдов Мориц Бетман, были уроженцами Франкфурта.

Но еще бо́льшую тревогу вызывало участие Перейров и Фульдов в новом проекте. Как мы видели, одним из первых акционеров «Креди мобилъе» стал сам Абрахам Оппенгейм (он приобрел 500 акций), и он послал в Париж своего брата Симона, чтобы привлечь интерес французов. Договор, заключенный им, был щедрым: из первоначальных 40 тысяч акций управляющие-основатели оставляли себе 4 тысячи; еще 4 тысячи выпускались Бетманом во Франкфурте, 10 тысяч были проданы по номиналу акционерам «Креди мобилъе», а оставшиеся акции находились в совместном владении Оппенгейма, Мевиссена, Фульда и «Креди мобилъе». Только таким способом удалось обеспечить успех нового предприятия. Если бы не покупка французами акций, в мае, когда они были предложены широкой публике, цена, скорее всего, упала бы ниже номинала (слабость, которую, естественно, объясняли махинациями Ротшильдов). Целью таких покупок было обеспечить «Креди мобилъе» мажоритарный пакет акций. Вскоре пошли разговоры об открытии похожих учреждений в других странах. Уже в июле 1853 г. Джеймс счел себя обязанным предостеречь пьемонтского банкира Болмиду об открытии «Креди мобилъе» в Турине. Он предупреждал, что «неблагоприятные перспективы» такого банка перевесят его «позитивные преимущества». Первая попытка братьев Перейра основать испанский «Кредито мобилиаро» также относится к 1853 г., а чуть позже появилась и мысль о бельгийском «Креди мобилъе». В 1854 г. даже Австрия не выглядела неуязвимой от проникновения Перейров. Их действия порождали опасения, что «Креди мобилъе» может стать многонациональной компанией, бросив вызов до тех пор уникальному положению Ротшильдов в европейских финансах.

Однако, повторяю, происходящее не следует чересчур упрощать. В 1850-х гг. не одни только братья Перейра поняли, какие возможности заключает в себе акционерное банковское дело. У них нашлись подражатели и в Лондоне (там появились, например, «Креди фонсье» и «Мобилъе оф Инглэнд», «Интернэшнл лэнд компани» и «Интернэшнл фاینэншл сесайети»), хотя особого успеха они не добились. Только в 1855 и 1856 гг. еще 13 таких банков было основано в государствах Германии, в том числе «Дисконтогезельшафт» Давида Ганземана, «Берлинер хандельсгезельшафт», «Ферайнсбанк» и «Норддойче банк» (последние два находились в Гамбурге). Не следует игнорировать и таких же энергичных новичков, которые были сторонниками более традиционной структуры частных и торговых банков, так как они во многом представляли более серьезную угрозу для господства Ротшильдов. В Лондоне главенствующему положению банкирских домов «Братья Бэринг» и «Н. М. Ротшильд» (особенно на рынке переводных векселей) угрожали рост таких уже существующих торговых банков, как банк Шрёде-

ров, а также «Фрюлинг и Гошен», а также приход на рынок новых компаний, особенно «К. Й. Хамбро и сын» (1839), «Оверенд, Герни» и «Кляйнворт и Коэн» (1855). И во Франкфурте банк «М. А. Ротшильд и сыновья» столкнулся с новыми конкурентами в лице «Эрлангера и сыновей», основанного выкрестом Лёбом Мозесом Эрлангером, а также банков Якоба С. Х. Штерна, Лазарда Спейера-Эллисена, Морица Б. Гольдшмидта (1851) и братьев Сульцбах (1856). В Париже набирала силу компания «Братья Лазард», основанная в 1854 г.

Помимо бума начала 1850-х гг., главной причиной для возникновения новых банков стала революция в средствах сообщения, начатая с приходом телеграфа. Хотя телеграф изобрели еще в XVIII в., а успешная демонстрация его применения прошла в 1830-е гг., телеграф получил реальное влияние на международные финансы лишь после 1848 г. В 1850 г. телеграфные линии ввели в коммерческую эксплуатацию в Соединенных Штатах, Англии, Пруссии, Франции и Бельгии; но настоящим водоразделом стал подводный кабель Дувр— Кале, проложенный в 1851 г. Еще до прокладки кабеля Юлиус Рёйтер³⁵ писал в Нью-Корт: «Если вы примете наши услуги по передаче берлинского и венского обменных курсов, мы обязуемся не передавать эти сведения никаким другим лондонским банкам; более того, мы обязуемся возместить вам убытки, если какая-либо телеграмма не придет в установленный срок». Однако любая такая монополистическая договоренность давно утратила силу в континентальной Европе и недолго продержалась в Лондоне.

Возможно, именно этим объясняется странно враждебное отношение Джеймса к новшеству, которое, как казалось, он должен был приветствовать. На протяжении 1850-х гг. он неоднократно жаловался, что «телеграф губит нам все дело». Дело в том, что с помощью телеграфа гораздо легче было делать то, что Ротшильдам так изобретательно удавалось раньше, а именно регулировать финансовую деятельность между филиалами, расположенными далеко друг от друга. Многие конкуренты Ротшильдов теперь стремились следовать их примеру с помощью «проволок»: к 1860-м гг. такие франкфуртские семьи, как Шпейеры, Штерны и Эрлангеры, учредили филиалы в Лондоне и Париже, а Шпейеры также и в Нью-Йорке. «Похоже, – жаловался Джеймс в апреле 1851 г., – что вчера множество немецких мошенников продали [французские] железнодорожные акции в Лондоне с помощью телеграфа... С тех пор как телеграф стал доступен, люди работают гораздо больше. Каждый день в 12 они посылают депешу, даже по незначительным операциям, и в тот же день еще до закрытия биржи уже получают [прибыль]». Когда-то Ротшильды значительно опережали конкурентов благодаря непревзойденной системе курьеров и почтовых голубей; но теперь «новости может получать кто угодно». Джеймс понимал, что у них нет другого выхода и придется «делать то же самое», и все же изобретение телеграфа казалось ему «позором». Даже когда он уезжал в летний отпуск на воды, и там не было отдыха от дел: «Приходится слишком много думать, даже принимая ванны, что нехорошо». Его жалобы в 1870-е гг. повторял его сын: хотя у Ротшильдов не оставалось другого выхода, кроме использования новой техники, они всегда жалели, что с помощью телеграфа важные финансовые новости стали доступны всем, и по-прежнему писали друг другу письма в привычной для себя манере вплоть до Первой мировой войны.

Золотая лихорадка

Конечно, значение таких жалоб не следует преувеличивать. В действительности, хотя Ротшильды сталкивались в Европе с растущей конкуренцией, они по-прежнему играли в собственной лиге, будучи подлинно всемирной компанией. Более того, ряд крупнейших операций

³⁵ Урожденный Израэль Бер Иошафат, Рёйтер начал свою деятельность клерком в банке дяди в Геттингене, где он познакомился с Карлом Фридрихом Гауссом, одним из величайших математиков, первопроходцем телеграфа. В 1840 г. он начал работать в агентстве Шарля Гаваса «Корреспонданс Гарнье» со штаб-квартирой в Париже, где переводил репортажи из иностранной прессы на французский язык, а в 1850 г. переехал в Лондон, где основал агентство Рейтер.

в 1850-е гг. они совершили на тех континентах, куда телеграф еще не дотянулся. До 1866 г. не было телеграфной связи Европы с Северной Америкой и Индией; до 1869 г. — с Латинской Америкой; а с Австралией телеграфная связь появилась лишь в 1873 г. В этих регионах по-прежнему хорошо зарекомендовала себя традиционная система Ротшильдов, состоящая из полуавтономных агентов, которые писали регулярно, но не ежедневно. Конечно, и европейские агенты продолжали делать свое дело: Вайсвайлер и Бауэр в Мадриде; Сэмьюэл Ламберт, сменивший своего тестя Рихтенбергера в Брюсселе; к ним присоединялись новобранцы вроде Ораса Ландау, который служил в Константинополе, а затем в Италии. Но их роль сборщиков сведений была уже не столь важна, как раньше, хотя, конечно, конфиденциальная политическая информация по-прежнему пользовалась большим спросом. Такую информацию можно было приобрести, только если агент обладал достаточно большими связями. Однако в тот период большую стратегическую роль приобретали более отдаленные агенты.

Кризис 1848 г. показал, как трудно вести дела через Атлантику, особенно когда агент занимал такое независимое положение в Нью-Йорке. Джеймс послал туда Альфонса в октябре того же года отчасти с целью заменить Белмонта представителем семьи Ротшильд. Письма Бетти к сыну показывают, насколько серьезным было такое намерение. Она советовала Альфонсу потерпеть до тех пор, пока он не наберется достаточно опыта в американских делах, но потом «...ты сможешь говорить на языке больших мальчиков; вначале почтительно, но, если вежливость не поможет, с силой и достоинством, какие подходят тебе по статусу и по праву и которые поставят его на место. Если и после этого м-р Б. захочет важничать, а тебя попросит смириться, что ж, ты будешь в том положении, когда сможешь принять вызов и указать этому господину на дверь...».

Очевидно, ситуация обострилась весной 1849 г. «Положение с Белмонтом больше нельзя терпеть», — писала Бетти 24 марта. Он «не заслуживает... даже тени доверия без потери прибыли и достоинства... Вопрос заключается в следующем: не станет ли полезным для будущего нашей семьи основание Нью-Йоркского дома, дома, который будет носить нашу фамилию... Людям вдумчивым будущее Америки видится столь грандиозным, что я... неизменно горжусь... приятно, что ты, мой сын, будешь тем, кто заложит основы Дома, который составит честь нашей фамилии... Тебя ждет карьерный взлет, и ты... за один шаг окажешься во главе большого Дома».

Как она писала сыну в мае, она хочет, чтобы он «обосновался в Америке для всего... и превратил глупость и жадность агента в великое будущее... Поэтому повторяю: оставайся в Новом Свете; если произойдет самое худшее, если Старый Свет падет, чего Господь не допустит, Новый Свет станет для нас новой родиной».

Этот замысел обсуждался и после возвращения ее сына в Европу (видимо, временного) в 1849 г. «Альфонс... твердо решил вернуться, — сообщал Лайонел, повидавшись с кузеном в Вильдбаде. — Мы говорили в общем об американских делах, но это все. И дядя Джеймс, и Альфонс много думают о том, сколько денег можно заработать в Америке, и желают продолжать там дела, так что он во всяком случае вернется». Сам Альфонс говорил о том, чтобы «перевести тамошние дела на более удобную основу», когда он вернется в Америку, и Каstellане не сомневался, что вскоре Альфонс снова оставит Париж, «чтобы основать Нью-Йоркский дом». Даже в самом Нью-Йорке «повсюду знали, что барон Альфонс вернется в Штаты».

Однако этого не произошло; данное упущение, вероятно, стало единственной величайшей стратегической ошибкой Ротшильдов. Нелегко объяснить, почему так случилось. Судя по письмам Бетти, одной из причин послужило то, что Альфонс не смог отказаться от удобств парижской жизни ради менее утонченной жизни в Нью-Йорке. Мать долго убеждала сына; она рисовала ему будущее в розовом свете, намекая на то, что после первых двух лет повседневную жизнь предполагаемого нового дома можно будет поручить «временному агенту до того времени, как кто-то из семьи или, позже, твои братья захотят время от времени приезжать

туда на несколько месяцев... Как только дом будет основан, ты можешь сразу же вернуться к нам, милый сын, в то же время присматривая за человеком, который заменит тебя...». Да и лондонские партнеры были не в восторге от этой затеи, хотя они продолжали подозревать, что Белмонт «спекулирует нашими деньгами». По мнению Бетти, Лайонел и его братья «относились к проекту неопределенно». Они «беспокоились, что Париж все меньше в этом участвует, и предпочли бы видеть там агента. Но этим агентом может стать лишь Давидсон, который много работает в их интересах».

Наверное, самым убедительным объяснением все же будет то, что Белмонту наконец удалось убедить Джеймса в своей незаменимости. К тому времени он прочно утвердился в США, и его общественное положение и политическое влияние росли почти так же стремительно, как и его личное состояние. В 1849 г. Белмонт объявил о своей помолвке с Кэролайн Перри, дочерью commodore Военно-морских сил США Мэтью Гэлбрайта Перри и, как подчеркивал Белмонт, выходцем из «одной из наших лучших семей». Через четыре года, при неожиданной смене ролей, Белмонт сам приехал в Европу – в роли американского посла в Гааге. Наверное, эти признаки мирского успеха (на достижение которого у молодого, получившего французское образование Ротшильда ушло бы много времени) и убедили Джеймса оставить Белмонта на прежнем месте. Даже Бетти признавала, что Белмонт «создал для себя прочное и независимое положение: он знает вдоль и поперек все ресурсы страны; он держит в руках ключ от всего механизма в мире коммерции». «Склоняюсь ко мнению, – нехотя признавал ее муж в 1858 г., – что нам следует оставить управление американскими делами всецело в руках Белмонта, поскольку мы можем полностью доверять ему, и он так досконально разбирается в тамошних делах... если мы так поступим, нам больше не придется мириться с бесконечными жалобами и вопросами, принимать или нет векселя того или другого банка».

Только за 7 лет до того Джеймс с горечью жаловался, что Белмонт не дает ему «посмотреть книги» нью-йоркского агентства.

Конечно, Белмонт всего лишь управлял делами на Восточном побережье; главным образом, они сводились к выпуску облигаций для таких северо-восточных штатов, как Нью-Йорк, Пенсильвания и Огайо, а также крупных железнодорожных компаний, например «Иллинойс централ». Однако в 1850-е гг. стремительно развивалось и Западное побережье, куда после известия о том, что в Калифорнии нашли золото, из Мексики срочно командировали Бенджамина Давидсона, вооруженного общим кредитом в 40 тысяч долларов. И снова Ротшильды испытывали дурные предчувствия из-за необходимости поручить свои интересы одному лицу на таком отдаленном рынке, «где цивилизация в упадке... и где дела приходится вести на свой страх и риск»; поэтому к Давидсону в Сан-Франциско решено было послать клерка из Франкфуртского дома по фамилии Мэй. Джеймс одобрял кандидатуру Мэя: он писал, что Мэй «славный малый... умный, к тому же он франкфуртский еврей. Таким людям я всегда очень доверяю». Но вскоре он испытал разочарование. Всего год спустя разгорелся скандал, когда выяснилось, что Мэй и Давидсон решили потратить от 26 до 50 тысяч долларов на новый дом. Брат Давидсона поспешил на его защиту, указав, что калифорнийское агентство всего за два года принесло прибыль в 37 762 ф. ст.; что, учитывая высокую стоимость жизни в Сан-Франциско, такие текущие расходы вполне оправданны и что до приобретения нового дома Давидсон жил «как свинья в свинарнике, в хижине, построенной над землянкой, которую он покидал для того, чтобы подышать воздухом и поесть, и всякий раз дрожал от страха, боясь, что случится пожар и, вернувшись, он обнаружит, что его жилище сгорело дотла».

Как и в других случаях таких же разногласий с агентами, в тот раз гроза миновала и Давидсон и Мэй остались на своем месте. Через десять лет оба еще были там; более того, теперь Мэй просил разрешения вернуться домой – в письме, которое проливает свет на отношения Ротшильдов со своими американскими агентами: «Я не молодею... мне минуло 36 лет, и настало время решить, продолжать ли одинокую жизнь и проводить остаток дней вдаль от род-

ных, или вернуться и обзавестись семьей. Здесь не та страна, где мужчина, особенно европеец, пусть даже у него весьма низкие требования к цивилизации и обществу, способен оставаться много лет; все это еще терпимо, пока человек молод, но в зрелом возрасте появляются другие мысли. Пожалуйста, не думайте... будто я решил удалиться от дел из-за того... что скопил в этой стране большое богатство... правда, с вашей стороны было очень любезно предоставить мне место, вашу доброту я никогда не забуду и буду благодарен вам всю жизнь, это стало для меня большим преимуществом, но... ваши интересы из-за этого ни в малейшей степени не пострадают, и... здесь всегда в первую очередь заботились о деле и ценили его превыше всего».

Ближе к концу 1850-х гг. решено было послать еще одного Давидсона, Натаниэля, в Мексику, чтобы он занял там место Бенджамина. Мексика, несмотря на политическую нестабильность, по-прежнему считалась весьма перспективной: можно было не только предоставлять займы хронически неплатежеспособному государству, но и вкладывать средства в ртутные и угольные месторождения и чугунолитейное производство. Значение Мексики возросло в 1860–1861 гг., когда эта страна стала целью французских имперских амбиций. Тем временем Шарфенберг оставался на Кубе. Политическое значение острова также возросло, когда американское правительство решило купить его у Испании (к этому замыслу приложил руку Белмонт, но он потерпел неудачу из-за политической оппозиции в США).

Наконец, следует упомянуть еще об одной традиционной области интереса Ротшильдов в Америке: Бразилии. В 1820-е гг. Бразилию называли «любимым коньком» Натана, но в течение двух десятилетий дела между Лондоном и Рио велись в ограниченном масштабе, отчасти из-за того, что постоянно меняющиеся правительства не обращались за помощью на лондонский рынок капитала. Ситуация изменилась в 1851 г., с началом войны с Аргентиной и Уругваем. Военные расходы вынудили Бразилию на следующий год разместить заем на 1,04 млн ф. ст. с помощью банка «Н. М. Ротшильд». Стремительный рост железнодорожной сети в стране также порождал новые финансовые потребности. За займом 1851 г. быстро последовали еще два государственных займа на нужды железных дорог 1858 г. (на 1,8 млн ф. ст. на строительство ветки «Баия и Сан-Франциско» и на 1,5 млн ф. ст.); далее последовал заем на 2 млн ф. ст. на нужды железнодорожной компании «Сан-Паулу» (1859) и еще один государственный заем на сумму около 1,4 млн ф. ст. Валютный кризис 1860 г. и резкое падение цен на бразильские облигации вызвали необходимость в реструктуризации прежних долгов. Новый заем 1863 г. на 3,8 млн ф. ст. использовался главным образом для конвертации предыдущих долгов, оставшихся с 1820-х и 1840-х гг. Однако война с Парагваем, начавшаяся в 1865 г., вновь прискорбно сказалась на состоянии бразильских финансов. Лишь после долгих переговоров с бразильским министром Морьерой Лайонел согласился разместить новый заем в размере около 7 млн ф. ст. Ближе к концу войны, в 1869–1870 гг., пошли разговоры еще об одном займе. Они стали началом исключительно моногамных финансовых отношений между правительством Бразилии и Лондонским домом, который в период 1852–1914 гг. эмитировал бразильских облигаций на сумму не менее 142 млн ф. ст.

Бразилия и Соединенные Штаты были районами деятельности Ротшильдов на протяжении десятилетий; по сравнению с ними Азия оставалась для них во многом терра инкогнита. Но и там Ротшильды начали экспансию в 1850-е гг. После «опиумных войн» 1839–1842 гг. (названных так из-за того, что их предлогом послужил запрет Китая на ввоз опиума из Индии, управлявшейся Великобританией) Великобритания аннексировала Гонконг и еще пять китайских «договорных портов», открытых для европейских торговых судов. Это ускорило процесс, по которому китайский чай и шелк обменивались на западное серебро и индийский опиум, и создало привлекательные новые возможности для британского бизнеса (одновременно подрывая власть таких китайских купцов, как У Пинчжэнь, которого один историк назвал «Ротшильдом Востока»). К 1853 г. Лондонский дом поддерживал регулярную переписку с торговой компанией «Крэмптонс, Хэнбери и К^о» со штаб-квартирой в Шанхае, которой они регулярно

посылали партии серебра из Мексики и Европы. Серебро, очевидно, заботило их больше всего, хотя банк интересовался также индийским опиумом, часть которого проникала на запад, в Константинополь. В конце 1850-х гг. Лондонский дом вел регулярную переписку с компанией из Калькутты «Шене, Килберн и К^о». Таким образом, в Нью-Корте узнавали подробности таких тамошних кризисов, как, например, китайские восстания 1850-х гг. и восстание сипаев в Индии в 1857 г., в то время как предыдущие беспорядки проходили незамеченными. Впервые банк Ротшильдов начал принимать участие в коммерции Британской империи, в той области, какую он прежде оставлял другим. Таким образом, будет простительным преувеличением сказать, что «вся вселенная платила дань [Ротшильду]; он имел свои отделения в Китае, в Индии, даже в самых нецивилизованных странах». В этом заключалась большая разница между Ротшильдами и европоцентричными Перейрами.

Мощный поток серебра на Восток, который был характерной чертой мировой экономики середины XIX в., объясняет, почему открытие золота в Калифорнии и Австралии в 1840-е гг. вызвало такое волнение. Влияние этих открытий трудно переоценить. В 1846 г. во всем мире производили около 1,4 млн тройских унций золота, причем более половины его поступало из России. К 1855 г. общее производство выросло до 6,4 млн унций, и около половины прироста обеспечивали Северная Америка и Австралия. Как указывалось выше, Ротшильды стремились принять участие в калифорнийской «золотой лихорадке», послав Бенджамина Давидсона на север из Мексики. Интересовались они и австралийскими месторождениями. Как только в 1851 г. в Новом Южном Уэльсе и Виктории было обнаружено золото, Ротшильдов призывали «открыть там полномочное отделение вашего банковского дома, который... заложит основы для самого большого и богатого учреждения в обоих полушариях». Этому совету не последовали буквально: как и в случае Шанхая или Калькутты, вначале сочли достаточным поселиться на отдельную фирму-корреспондента в Мельбурне, хотя в данном случае фирму возглавляли Якоб Монтефиоре и его сын Лесли. Впрочем, родственные связи не гарантировали компетентности. Как будто подтверждая освященную временем неприязнь Майера Амшеля к зятям, компания «Монтефиоре и К^о» обанкротилась в 1855 г., оставшись должна Лондонскому дому значительную сумму, и пришлось срочно высылать на место Джефффри Каллена, агента Ротшильдов, который поспешил «тушить пожар».

Каллены работали на банк «Н. М. Ротшильд» со времен Ватерлоо, поэтому Джефффри Каллен неплохо представлял себе, что хотели его работодатели: еще до того, как он распутал дела Монтефиоре, он просил дать ему задания, связанные с ртутью и другими товарами повышенного спроса в колонии (в первую очередь он называл спиртное: пиво, виски или портвейн). «Если вы поручите мне такое задание, — писал он, сам того не зная, что невольно повторяет слова Натана, когда тот был молодым торговцем сукнами, — можете не сомневаться: я не пожалею сил, чтобы вести дела к вашему полному удовлетворению». В сентябре он просил «кредит на 5 или 10 тысяч ф. ст. с каждым почтовым судном» и, чтобы он мог лично посещать золотые месторождения, помощь «хорошего финансиста, поскольку здесь нет таких во всей колонии, даже главы правительства ужасно невежественны в своем деле, и меня неоднократно приглашали... в казначейство, чтобы я объяснил там какой-нибудь незначительный вопрос в денежных делах».

Если Каллен находился на периферии зарождающейся золотой и серебряной империи Ротшильдов, то в ее центре находились различные аффинажные предприятия и монетные дворы, которые семья приобретала в тот период. Джеймс уже в 1827 г. открыл в Париже аффинажный завод, переведя его в новое здание на набережной Вальми и учредив в 1838 г. командитное общество под управлением Мишеля Бенуа Пуаза. Примерно тогда же, в 1843 г., он учредил совместную компанию с Дириксом, главой Парижского монетного двора. Их отношения продлились до 1860 г. Открытия новых месторождений золота вели к огромному увеличению деятельности и на аффинажном заводе, и на монетном дворе. Выражаясь словами

Джеймса, произошла «революция на денежном рынке». Таким образом, в 1849 г., когда Лайонел решил, что Лондонский дом примет участие в аффинаже золота, он следовал примеру своего дяди.

Во времена Натана в Лондоне было четыре частных предприятия по обработке драгоценных металлов: «Браун и Уингроув», «Джонсон и Стоукс», «Персиваль Нортон Джонсон» и «Кокс и Мерл» – в дополнение к собственному цеху аффинажа при Королевском монетном дворе. Из них львиную долю аффинажа по заказам Английского Банка выполняла компания «Браун и Уингроув». Однако открытие золота в Калифорнии и Австралии значительно увеличивало объем поступавшего в Английский Банк золота: в 1852 г. закупки золота достигли пика в 15,3 млн ф. ст., и свыше 2/3 этого количества поступало в виде слитков – гораздо больше, чем способна была переработать компания «Браун и Уингроув». Именно для заполнения этого пробела Лайонел и предложил взять в аренду цех аффинажа Королевского монетного двора, где под руководством управляющего Мэтисона с 1829 г. очищали золото серной кислотой. Начиная с сентября 1849 г. Лайонел «неоднократно» говорил своим политическим союзникам Дж. Эйбелу Смиту и лорду Джону Расселу о необходимости «изменения в методах очистки». Королевская комиссия, созданная для надзора за деятельностью монетного двора, одобрила его рекомендации. «Надеюсь, – говорил братьям Лайонел, – что министрам хватит смелости произвести изменения и что мы сумеем принять в них участие... это будет крупная операция». Как заметил Нат, «при таком большом притоке золота из Калифорнии и Мексики это более необходимо чем когда бы то ни было».

Вполне понятно, что Мэтисон пытался противостоять такой «приватизации», но тщетно. Кроме того, к счастью для Ротшильдов, Персиваль Нортон Джонсон не прислушался к своему новому партнеру Джорджу Мэтти, который призывал его участвовать в торгах. В январе 1852 г. Энтони получил права аренды на цех аффинажа, и в декабре Лайонел официально попросил управляющего Английским Банком Томаса Хэнки (еще одного политического союзника) «позволения напрямую поставлять Английскому Банку мои золотые и серебряные слитки, очищенные и выплавленные под мою ответственность». В первый год в цеху обработали свыше 300 тысяч унций австралийского и 450 тысяч унций калифорнийского золота. Признаком его значимости послужило то, что Гладстон, самый верный сторонник бульонизма, нанес туда визит в 1862 г., сразу после «экспедиции» в Английский Банк. Как доказал Фландро, введенный Ротшильдами контроль аффинажа и чеканки по обе стороны Ла-Манша позволил им управлять уникальной «системой» арбитража, когда Лондонский дом покупал американское или австралийское золото на счет Французского дома и переправлял его через лондонских золотых брокеров в Париж. Парижский дом тем временем покупал серебро для Нью-Корта, а оттуда серебро через Лондон или Саутгемптон переправлялось на Восток. Система не только приносила прибыль; к концу 1850-х гг. она стала неотъемлемой частью международной биметаллической денежной системы.

Государственные финансы и Крымская война

На протяжении десятилетий Ротшильды относились к крупным европейским войнам как к величайшему из зол для их собственного финансового положения – они считали, что войны даже хуже, чем революции. В марте 1854 г. началась война. Невероятно, но истоки Крымской войны можно обнаружить в споре между католическими и православными монахами из-за так называемых «святых мест» в Иерусалиме. На самом деле обострился старый вопрос о том, сколько власти следует применить России в увядающей Османской империи, особенно в дунайских княжествах Молдавии и Валахии и на Черном море. На сей раз, в отличие от 1840 г., Франция и Великобритания объединились; первая – чтобы разрушить Священный союз, вторая – с единственной целью «задать трепку» царю, – по мнению либеральной общественности,

он ее заслуживал за участие в подавлении венгерской революции в 1849 г. Царь, который за пять лет до того выступал арбитром в Центральной Европе, обнаружил, что остальные члены Священного союза его бросили: Австрия заигрывала с западными державами и только что не вступила в войну, Пруссия демонстрировала политическое бессилие и как союзница оказалась бесполезной. Пьемонт присоединился к антироссийской коалиции, считая, что любая война ослабит позиции Австрии в Италии.

Если вспомнить, как быстро русские уступили требованиям этой коалиции, можно лишь гадать, почему Крымская война так затянулась. Первые серьезные военные действия начались летом 1853 г., когда Николай I приказал ввести войска в Дунайские княжества, а британский и французский военные флоты вошли в Дарданеллы. В октябре, когда начались стычки между Россией и Турцией, русские в конце концов отказались от притязаний на то, чтобы считаться единственными защитниками христиан в Османской империи. Поэтому Франции и Великобритании пришлось воевать за княжества и Черное море. Но в июне 1854 г. Николай I пообещал австрийцам, что выведет войска из Молдавии и Валахии; после этого война могла вестись только за Черное море. Следовательно, французские и британские войска высадились в Крыму только с целью пересмотреть договор 1841 г. о статусе проливов «в интересах равновесия сил в Европе», с практической целью захвата Севастополя. Уже в ноябре 1854 г. правительство России согласилось пересмотреть вопрос о проливах (снова из страха того, что в войну вступит Австрия), но из-за того, что Франция и Великобритания не могли решить, что это означало в действительности, война затянулась. Попытки прийти к договору после смерти Николая I в марте 1855 г. провалились. Вместо этого русские опрометчиво решили противостоять любым ограничениям своей военной силы на Черном море, принуждая западные державы закончить войну. Севастополь пал 8 сентября; французы предложили новые цели войны... Наконец, кризис удалось преодолеть на Парижском конгрессе (февраль – апрель 1856 г.). Черное море объявлялось нейтральным; Россия теряла часть Бессарабии (современная Молдова), а Франция и Великобритания совместно гарантировали будущую независимость Турции. На практике эти условия соблюдались лишь до тех пор, пока Россия приходила в себя после поражения – то есть около 20 лет. Крымская война со всей остротой продемонстрировала административные недостатки царизма. Самым весомым достижением победителей оказалось создание Румынии путем слияния в 1859 г. Дунайских княжеств – надо сказать, что к такому результату победители вовсе не стремились.

Истинные причины и значение Крымской войны не особенно затрагивали Ротшильдов. Да и почему они должны были их затрагивать? Спор между католическими и православными монахами о христианских святынях не интересовал строителей Иерусалимской еврейской больницы. Не были Ротшильды и акционерами железнодорожных компаний в Дунайских княжествах. Что же касается международного статуса Черного моря, Лондонский дом уже принял сознательное решение не участвовать в вывозе зерна из Одессы по чисто экономическим причинам. Однако большое значение имело то, что война – любая война – между великими державами оказывала разрушительное воздействие на международные финансовые рынки. Так и произошло, как видно из таблицы 2 а.

Таблица 2 а

Воздействие Крымской войны на финансы

	Самая высокая цена	Дата	Самая низкая цена	Дата	Изменения (%)
Британские 3%-ные консоли	101,38	декабрь 1852	85,75	апрель 1854	–15
Французские 4,5%-ные рентные бумаги	105,25	февраль 1853	89,75	март 1854	–15
Австрийские 5%-ные «металлики»	84,62	декабрь 1852	64,25	декабрь 1854	–24
Прусские 3,5%-ные облигации	94,50	декабрь 1852	84,25	декабрь 1854	–11

Примечание. Для Великобритании и Франции приведены еженедельные заключительные цены по лондонским котировкам; для Австрии и Пруссии приведены цены конца года по франкфуртским котировкам.

Источники: Spectator; «Heyn, Private Banking and industrialization». Р. 358–372.

Дипломаты-очевидцы докладывали, что Ротшильды выглядят встревоженными, что вполне понятно. Их санкт-петербургский корреспондент в июне 1853 г. успокаивал их, что войны не будет, и они ему поверили. 27 сентября, когда министр иностранных дел Великобритании Кларендон виделся с Лайонелом – вскоре после того, как стало известно о приказе адмиралу Дандасу войти в проливы, – он сказал, что «не припомнит такого дня» в Сити. В январе 1854 г., когда флоты западных стран наконец вошли в Черное море, Хюбнер нашел Джеймса «совершенно деморализованным». Такое же впечатление создавал и Амшель. В феврале 1854 г., узнав об отзыве посла России в Париже, Бисмарк «задумался, кого можно больше всего напугать в связи с этим. Мой взгляд упал на [Амшеля] Ротшильда. Он побелел как мел, когда я дал ему прочесть новость. Его первыми словами были: «Если бы я только знал об этом сегодня утром!» – а вторыми: «Не сделаете ли завтра со мной маленькое дельце?» Я дружелюбно поблагодарил его, отказался от предложения и оставил его в возбужденных раздумьях». Джон Брайт, один из самых шумных противников войны в Лондоне, 31 марта услышал мрачное замечание Лайонела о том, что «страна, у которой долг на 800 миллиардов фунтов, должна хорошенько подумать, прежде чем ввязываться еще в одну войну».

Однако Крымская война совсем не ослабила положения Ротшильдов, как раз наоборот: она решительно восстановила господство домов Ротшильдов в области государственных финансов. Более того, стало ясно, что Ротшильды в течение многих лет преувеличивали финансовые опасности войны. На самом деле войны – особенно короткие войны того сорта, который характеризовал период с 1854 до 1871 г., – создавали финансовые возможности, которыми особенно успешно пользовались Ротшильды, благодаря их четкой многонациональной структуре. Военные расходы выросли даже у тех стран, которые не принимали непосредственного участия в военных действиях, превысив уровень доходов от налогообложения (см. табл. 2 б). Поэтому война вынудила все заинтересованные стороны – даже бережливую Великобританию – обратиться на рынок облигаций. И тут традиционного господства Ротшильдов не мог оспорить никто, как ни старались их конкуренты, включая «Креди мобилъе».

Конечно, им облегчило жизнь то, что старым соперникам Бэрингам не повезло быть банкирами проигравшей стороны. В 1850 г. Ротшильды сочли за неудачу то, что правительство России разместило новый заем на 5,5 млн ф. ст. в банке Бэрингов. Подписка на заем прошла

со значительным превышением; облигации торговались с 2 %-ной премией, а Джошуа Бейтс и Томас Бэринг получили комиссию в размере 105 тысяч ф. ст.³⁶ Но через два года, после ухудшения дипломатических отношений с Россией, Бэринги оказались в уязвимом положении. Палмерстон громил Бэрингов в палате общин, называя их «агентами царя»; кроме того, Бэрингов повсеместно (хотя и ошибочно) считали участниками российского военного займа 1854 года³⁷.

Таблица 2 б

Рост государственных расходов, 1852–1855 (национальные валюты), млн

	Австрия, гульдены	Великобритания, ф. ст.	Франция, франки	Россия, рубли
1852	310	55	1513	280
1853	321	56	1548	313
1854	407	83	1988	384
1855	441	93	2309	526
Рост, %	42	69	53	88

Источник: Mitchell, European historical statistics. P. 734 f.

Возможно, именно этим объясняется почти монополия Ротшильдов над военными финансами Великобритании. Будучи канцлером казначейства (министром финансов), Гладстон с характерной для него суровостью обличал «систему сбора средств, необходимых для войны, с помощью займов», на том основании, что такая система «практиковала массовый систематический обман людей». Британия по-прежнему была обременена значительным долгом, оставшимся после Наполеоновских войн: по словам Лайонела, государственный долг накануне войны приближался к 782 млн ф. ст., и, хотя по отношению к валовому национальному продукту долговое бремя неуклонно сокращалось (с 250 % в 1820 г. до примерно 115 % в 1854 г.), политики того времени об этом не подозревали. Поэтому Гладстон предлагал финансировать войну путем увеличения подоходного налога – сначала с 7 до 10 пенсов за фунт и, наконец, до 14 пенсов – и некоторых налогов на потребление. Однако таких мер оказалось недостаточно. К тому времени, как Гладстон ушел в отставку с поста министра финансов (его сменил сэр Джордж Льюис), правительство в 1854 г. столкнулось с дефицитом в 6,2 млн ф. ст. (его покрыли продажей казначейских векселей). В следующем году дефицит вырос еще в 4 раза. Льюис ввел новые налоги, что позволило пополнить казну на 5,5 млн ф. ст., и все же в 1855 г. сохранялся дефицит в размере 22,7 млн ф. ст. У правительства не оставалось иного выхода, кроме обращения к Сити; поскольку Бэринги попали в немилость, это означало только одно: Нью-Корт.

В 1855 г. Лондонский дом разместил весь заем стоимостью в 16 млн ф. ст. В феврале следующего года – к тому времени война, разумеется, уже закончилась – он получил единственное предложение еще на один заем в 5 млн ф. ст.; а в мае Лондонский дом выпустил последний транш в 5 млн ф. ст. В обоих займах 1855 г. Лайонел сначала предложил немного меньше того минимума, который установил канцлер казначейства, но позже, не колеблясь, согласился

³⁶ Кобден, еще кипящий из-за Венгрии, осудил операцию как «нечестивую и позорную»; на самом деле собранные средства, как и во многих займах того периода, были ассигнованы на строительство железных дорог.

³⁷ Тем не менее, правда, что Бэринги продолжали выплачивать проценты по более ранним российским облигациям; Кларендону, министру иностранных дел Великобритании, не приходило в голову запретить это, хотя он знал, что происходит. Более того, во время войны в Лондоне продолжали торговать русскими облигациями.

на условия правительства. Трудно сказать, насколько большое значение имели такие торги; Лайонелу удалось выговорить лишь немного выше, чем текущий рыночный спрос на консоли, поэтому о том, что банк получил неоправданную прибыль, не могло быть и речи. Лайонел, возможно, стремился не столько к прибыли, сколько к возможности показать себя настоящим патриотом, имея в виду свои планы пройти в парламент. С другой стороны, займы 1856 г. разошлись с большим превышением подписки (почти в 6 раз больше в феврале и в 8 раз – в мае). Палмерстон увидел в этом признак уверенности Сити в правительстве; возможно, займы также доказывали, что канцлер казначейства после победы проявил чрезмерную щедрость.

Во Франции возрождение влияния Ротшильдов на государственные финансы на самом деле началось еще до войны. 14 марта 1852 г. Наполеон III объявил о конверсии. В его намерения входило урезать стоимость обслуживания долга, сократив выплату процентов по большей части государственного долга с 5 до 4,5 %³⁸. У инвесторов было 20 дней, чтобы выбрать, согласиться ли на новые условия (4,5 %) или обменять свои пятипроцентные облигации на наличные. Такой шаг правительства можно считать оправданным в макроэкономическом смысле как часть плана понижения процентной ставки и оживления деловой активности. Однако, столкнувшись с внезапным проседанием цены пятипроцентных облигаций (с 103 до 99 всего за десять дней) и боясь, что неожиданно большое число держателей облигаций захочет избавиться от своих ценных бумаг вместо того, чтобы обменивать их на новые, министр финансов Жан Бино вынужден был обратиться к банкирам. Самую большую долю в последующей операции поддержки взяли на себя не Перейры, а банки Хоттингера и «Братья де Ротшильд». Банки скупали пятипроцентные рентные бумаги, добившись того, что их цена снова поднялась выше номинала; Банк Франции способствовал скупке, продлив процесс дисконтирования против ренты. Маневр достиг цели, и большинство рантье обменяли свои «старые» бумаги на новые.

Через два года, когда Франция и Великобритания предъявили России ультиматум, требуя вывести войска из Дунайских княжеств, Джеймс, естественно, ожидал, что французское казначейство снова призовет его на помощь. 4 марта 1854 г. он сказал брату принца Альберта Эрнсту II, герцогу Саксен-Кобург-Готы, «что для войны с Россией в распоряжении есть любая сумма; он сразу же предоставит столько миллионов, сколько пожелают». Однако к тому времени в игру включился «Креди мобилъе», и когда через три дня правительство объявило о намерении занять 250 млн франков, состязание между Ротшильдами и «Креди мобилъе» казалось неизбежным. Позже Мирес утверждал, что кредит понадобился для того, чтобы убедить Бино и Наполеона III продавать облигации напрямую по открытой подписке; возможно, так оно и было. Однако он преувеличивал, уверяя, что этот и последовавший за ним военный заем 1855 г. на 500 млн франков «освободили французское правительство от тирании, несоместимой с достоинством династии, рожденной при всеобщем согласии». Дело в том, что к апрелю 1855 г., когда понадобилось еще 750 млн франков, новый министр финансов Пьер Мань вынужден был сообщить Наполеону, что внутренний рынок приближается к точке насыщения. В результате значительная доля займа 1855 г. была выпущена в Лондоне, и Наполеон предпочел прибегнуть к помощи традиционного тамошнего банка для французского правительства. Хотя «Креди мобилъе» эмитировал значительную часть облигаций, Ротшильды снова оказались главными: в то время как Парижский дом разместил их на сумму около 60 млн франков, Лондонский дом получил подписки на общую сумму в 208,5 млн.

Роль Ротшильдов в помощи Банку Франции во время послевоенного денежного кризиса – частично ставшего последствием краткосрочных займов во время войны – еще раз подчеркнула доминирующее влияние Джеймса. В письме от апреля 1856 г. Джеймс не скрывал злобства, описывая трудности режима: «Император крайне недоволен: он понял, что рожде-

³⁸ На то время государственный долг равнялся приблизительно 5012 млн франков. Конверсия затронула около 3740 млн и подразумевала ежегодную экономию около 19 млн франков.

ние принца и заключение мира не повысили общественного доверия; наоборот, поговаривают, что он вынужден был заключить мир из-за нехватки денег». В самом деле, денежный рынок настолько оскудел, что, если бы Джеймсу в то время нужно было поехать по делам в Брюссель, его заподозрили бы в том, что он увозит с собой все свои капиталы. Не в последний раз Джеймс тонко подтрунивал над финансовой зависимостью режима от него.

Другой противоборствующей стороной, которой Ротшильды ссужали деньги, была Турция. И здесь они столкнулись с конкуренцией, что вполне понятно: до тех пор Ротшильды еще не установили серьезных финансовых отношений с Портой (если не считать выплаты греческого долга). Первый турецкий военный заем 1854 г. получил «Гольдшмидт, Бишоффс-хайм» (судя по всему, участие в займе принял также небольшой банк «Палмер, Маккиллоп и Дент», хотя Джеймс со свойственной ему подозрительностью намекал, что здесь не обошлось без «Креди мобилъе»). Дело окончилось неудачей. Привлеченный описаниями турецких медных месторождений и, возможно, думая о Турции примерно так же, как Натан раньше думал об Испании, Джеймс решил захватить власть. В Орасе Ландау, которого послали в качестве агента Ротшильда в Константинополь незадолго до Крымской войны, он нашел способного переговорщика; в 1855 г., когда туркам понадобилось больше средств, Ротшильды немедленно предложили свои услуги.

В феврале 1855 г., в период временного затишья в военных действиях, Ландау начал искусно плести паутину, налаживая связи между султанским министром Фуадом-пашой и западными дипломатами. Он предложил новый заем, который на сей раз должны были гарантировать Франция и Великобритания. В то же время он, прибегнув к классической ротшильдовской тактике, удовлетворял насущные потребности правительства краткосрочными кредитами. В августе Ландау получил сообщение из Лондонского дома: партнеры договорились выделить Турции заем на 5 млн ф. ст. под англо-французские гарантии. Такой заем подразумевал более щедрые условия, чем были бы возможны в противном случае. Как только закончилась война, Альфонса отправили в Константинополь, чтобы он рассмотрел возможность открытия там отделения банка. Ротшильды снова столкнулись с конкуренцией со стороны мелкого английского банка (на сей раз банка Лэйардов). Однако в 1857 г. начался экономический кризис. Кроме того, Ротшильды поняли, что риски, сопряженные с турецкими финансами, выше, чем представлялось им вначале, что привело в последующие годы к отступлению из Константинополя³⁹. Хотя Ландау по-прежнему соглашался на небольшие ссуды, мысль о том, что «национальный банк Турции [, возможно,] станет филиалом Дома Ротшильдов» (как писали в «Таймс» в 1857 г.), пришлось отложить в долгий ящик.

Австрия в годы Крымской войны не произвела ни единого выстрела. И все же ей тоже пришлось активно заниматься военными приготовлениями, пусть даже только для того, чтобы подкрепить более жесткое дипломатическое сообщение с Россией по вопросу о Дунайских княжествах. Из-за слабости финансовой и денежной системы Австрии после 1848–1849 гг. приготовления расшатали экономику примерно так же, как война расшатала экономику Франции (если не серьезнее). Как показывают таблицы 2 а и 2 б, война сильнее повлияла на австрийские государственные облигации («металлики»), чем на французские; а расходы Австрии, несмотря на политику невмешательства, лишь немного уступали французским. Таким был первый акт в «трагедии» финансовой слабости; этим во многом объясняются катастрофы, постигшие Австрию в десятилетие после 1857 г. Прошлые и настоящие военные расходы тяжким бременем легли на австрийский бюджет, причем расходы на оборону и обслуживание долга занимали 60–80 % от общей суммы. Хотя предпринимались попытки экономить, новые воен-

³⁹ Любопытно, что французское правительство поощряло Парижский дом учредить в Турции предлагаемый банк, а не оставлять поле боя «английскому капиталу», в то время как Лондонский дом придерживался более скептических взглядов на экономические перспективы Турции.

ные кризисы неизбежно сводили их на нет. Правительство повышало налоги и распродало государственные активы. И все же приходилось занимать, чтобы свести концы с концами. Когда правительство брало краткосрочные ссуды в Национальном банке, обменный курс, отвязанный от серебра в 1848 г., полз вниз: в середине 1853 – середине 1854 г. гульден обрушился с 9 до 36 % ниже номинала. Когда правительство принимало решение о долгосрочных займах, приходилось выпускать государственные облигации, то есть обращаться к частным инвесторам. В 1848–1865 гг. общий фондированный государственный долг вырос с 1,1 до 2,5 млрд гульденов; среднегодовой прирост составлял около 80 млн, однако в середине 1850-х гг. наблюдались резкие скачки. Таким образом, постоянно убыточная фискальная и денежная политика ограничивала экономический рост; налоговая база переживала застой... Продолжалось движение вниз по спирали.

Можно ли было как-то исправить положение? В ноябре 1851 г. австрийский министр финансов Краусс написал Джеймсу письмо, «в котором много жаловался и требовал его совета, прося пролить хоть немного света на ситуацию». Когда Джеймс показал письмо Аппоньи, тот призвал Джеймса «не просто пролить немного света, а зажечь факел, как это умеете только вы, и попытаться избавить нас от всей нашей денежной макулатуры». Джеймс и его партнеры действительно попытались. Хотя после 1848 г. Ротшильды имели все основания закрыть Венский дом, Ансельм приступил к воссозданию того, что построил, а затем уничтожил его отец. Труд оказался неблагодарным, тем более что жена Ансельма наотрез отказывалась переезжать в Вену, город, который она очень не любила. Оставшись в одиночестве, Ансельм вначале решил пойти по следам отца: нанес визит вернувшемуся Меттерниху, публично сделал благотворительные взносы на дела, одобренные императором, – даже скрепя сердце поддержал австрийскую внешнюю политику. Но Ансельма преследовали воспоминания о падении его отца, и все его усилия, направленные на укрепление австрийских финансов, как кажется, разбивались о его же предчувствие неизбежного поражения. В декабре 1853 г., когда Ансельм навестил Меттерниха, настроение у него было безрадостным: «Финансовое положение Австрии, заявил он... неминуемо ведет к кризису, если мы не найдем верного способа его избежать... Ротшильд объявил, что он ожидал лучшего от герра Баумгартнера [сменившего Краусса на посту министра финансов], но Баумгартнер лишен чувства реальности и не способен справиться с возложенной на него задачей... На том этапе разговор был прерван визитом нунция. Ротшильд удалился; когда я провожал его до двери, он сказал мне: «Помяните мои слова, мы накануне кризиса; если не предпринять каких-нибудь мер, чтобы избежать его, кризис накроет нас еще до нового года!»

И все же некоторые успехи, пусть и неявно, поддерживали традиционное влияние Ротшильдов в Вене. В 1852 г. Лондонский и Франкфуртский дома совместно по заказу Баумгартнера выпустили австрийские пятипроцентные облигации на сумму в 3,5 млн ф. ст. В апреле 1854 г., столкнувшись со спросом на валюту, правительство снова обратилось к Ансельму, которому удалось убедить остальные дома Ротшильдов участвовать в дальнейшем кредите в 34 млн гульденов, хотя почти половину предоставил Фульд.

Короче говоря, займами, прямо или косвенно ставшими результатом Крымской войны, во многом занимались Ротшильды. Общее представление можно получить из таблицы 2 в (в которой приведены лишь цифры для Лондонского дома).

Таблица 2 в

Основные выпуски облигаций банка «Н. М. Ротшильд и сыновья», 1850–1859

Год	Страна	Номинальная сумма, ф. ст.	Купонный доход, %	Цена
1852	Австрия	3 500 000	5	90,00
1855	Великобритания	16 000 000	3	100,00
	Франция	30 000 000	4,5 или 3	89,46 или 63,23
	Турция	5 000 800	4	102,62
1856	Великобритания	8 890 000	3	90,00
	Великобритания	5 400 000	3	93,00
1859	Австрия	6 000 000	5	80,00

Источник: Ayer, Century of finance. P. 42–49.

Из всех великих держав самую незначительную роль во время Крымской войны играла Пруссия – до такой степени, что британская делегация на Парижском конгрессе потребовала исключить ее из мирных переговоров. И все же в тот период расходы Пруссии тоже стремительно росли: в целом в 1857 г. они оказались примерно на 45 % выше, чем за десять лет до того. Хотя у Пруссии имелись более надежные источники дохода, чем у Австрии, Пруссии также нужно было занимать деньги. И здесь Ротшильдам удалось восстановить свое финансовое влияние. Уже в 1851 г. Джеймс лично ездил в Берлин на переговоры с прусским министром финансов Бодельшвингом относительно новой эмиссии четырехпроцентных облигаций.

В начале 1850-х гг. отношения с Берлином испортились из-за усугубленной Бисмарком нелепой ссоры. Поводом служил давний депозит Германского союза («крепостные деньги»), который хранился во Франкфуртском доме. Бисмарк, представлявший в Германском союзе Пруссию, считал своим долгом по возможности затруднить жизнь своему австрийскому коллеге графу Туну. Предложение Туна, чтобы Германский союз занял у Амшеля 260 тысяч гульденов под залог «крепостных денег», чтобы заплатить за устаревший немецкий военно-морской флот, предоставило Бисмарку прекрасную возможность добиться своей цели. Сумма, о которой шла речь, была несущественной; по-настоящему вопрос заключался в том, может или нет восстановленный союз работать по-старому, под руководством Австрии. Как только Тун, в качестве председателя, добился одобрения первоначальной ссуды (в январе 1851 г.), Бисмарк объявил, что Пруссия считает это нецелевым использованием союзных средств (несмотря на то что средства со счета «крепостных денег» не были списаны). К своему ужасу, Амшель понял, что очутился под перекрестным огнем безапелляционных приказов со стороны представителей Австрии и Пруссии.

Тун угрожал перевести средства Германского союза в другой банк; Бисмарк заявил, что переведет счет прусской делегации в банк Бетмана. Несмотря на все попытки подольститься к Бисмарку и несмотря на недвусмысленный приказ заместителя Бисмарка Ветцеля не платить, Амшель решил, что он обязан подчиниться Туну, чьи приказы получили статус официальных. Представление о нетерпимом тоне, к которому прибегли обе стороны в последовавшем скандале, можно получить из письма Туна Шварценбергу от 12 января. Тун обличает Пруссию, которая «прибегла к такому отвратительному и достойному презрения приему, как призыв о помощи к еврею, обращенный против Союза. По-моему, их действия настолько обострили ситуацию, что всякое понимание и примирение более невозможны. Союз, естественно, не может смириться с таким положением дел, и, не согласись Ротшильд заплатить, я не сумел бы продлить обсуждение еще на сутки, даже если бы неизбежным результатом стала война».

«Признаю, – писал он самому Бисмарку, – что, пока я живу, мне стыдно будет подумать об этом. В тот вечер, когда советник Ветцель показал мне протест [направленный Ротшильду], я готов был плакать, как дитя, из-за позора для нашего общего отечества».

Бисмарк, однако, постарался ответить как можно лучше: «Не наша вина, если, как вы утверждаете, съезд забуксовал в грязи из-за споров с евреем; виноваты те, кто эксплуатировал деловые отношения съезда с евреем... способом, противоречащим конституции, чтобы отвлечь деньги, которые находились во владении еврея, от цели, на которую они были ассигнованы».

Что касается Амшеля, Бисмарк изобразил его в отчете прусскому министру-президенту графу фон Мантойфелю как «настолько желающего угодить австрийскому правительству любыми возможными способами... что он немедленно сообщает австрийскому делегату обо всех переводах, которые он получает для прусской делегации на съезде»: «В одном случае граф Тун... сообщил, что приказал Дому Ротшильдов произвести такой платеж до того, как я получил официальное подтверждение на этот счет. В связи с таким поведением представителей Дома Ротшильдов я счел необходимым игнорировать все приглашения от герра фон Ротшильда, проживающего здесь, и в целом дать ему понять, что его действия крайне неприятны для правительства Пруссии... Считаю в высшей степени желательным, чтобы деловые отношения, в которых прусская делегация до сего дня состояла с Домом Ротшильдов, были прерваны и чтобы все ее дела перевели в другой здешний банк».

На самом деле и Тун, и Бисмарк переигрывали. Тун получил выговор от Шварценберга за незаконное увольнение из федерального казначейства прусского чиновника, который также протестовал против займа, предложенного Ротшильдом. В то же время в Берлине и Бодельшвинг, и президент «Зеехандлунг» дали понять, что банк Бетмана не способен заменить Ротшильдов, которые не только держали крупные депозиты «Зеехандлунг», но и взяли на себя значительную долю прусского займа 1850 г.

Подобные доводы Бисмарк способен был понять: как ни нравилось ему подстрекать Туна, он всегда понимал важность экономического своекорыстия в политике. Через несколько месяцев после принятия резолюции по военно-морскому вопросу (было решено продать корабли) он совершенно изменил тон и встал на сторону Ротшильдов, когда поддержанные Австрией франкфуртские католики потребовали отменить законы 1848 и 1849 гг., даровавшие франкфуртским евреям все гражданские права⁴⁰. Позже, когда Франкфуртский дом подал прошение о назначении его «придворным банком» при прусском дворе, Мантойфель склонен был его удовлетворить, потому что «таким образом Ротшильд до определенной степени отвлечется от своих пылких усилий по укреплению венской валюты и благосклонно отнесется к железнодорожному займу, который мы планируем сделать»; Бисмарк также высказывался за, с характерным для него цинизмом преуменьшая значение ссоры из-за военно-морского займа: «Ротшильд никогда нельзя было по-настоящему обвинить в антипруских настроениях; все произошедшее имеет отношение к разногласиям между нами и Австрией... они больше боялись Австрии, чем нас. Теперь, поскольку от Ротшильдов нельзя ожидать такой смелости, которая заставила бы *iustum ac trenacem propositi virum* [«мужа, который прав и твердо к цели идет»] противостоять такому *ardorem civium grave iubentium* [«рвению граждан, не на добро направленному»], какое выказал по тому случаю граф Тун, и поскольку другие члены семьи принесли извинения за барона Амшеля, которого они называли стариком, мне кажется, что,

⁴⁰ Туна вскоре сменили, и «франкфуртский протест» был сдан в архив. Бисмарк приписывал такой крутой разворот Австрии «усилиям Ротшильдов»: «То, что бывают случаи, когда не чисто деловые, а другие соображения играют решающую роль в подходе Дома Ротшильдов к финансовым операциям, как мне кажется, отмечено успехом, с каким Австрия заручилась финансовыми услугами Дома Ротшильдов, поскольку я убежден, что, если не считать финансовой прибыли, какую можно извлечь из таких операций, мнение правительства Австрийской империи по поводу еврейского вопроса во Франкфурте значительно повлияло на позицию Дома Ротшильдов».

ввиду тех услуг, какие способна оказать нам эта финансовая сила, их ошибку по данному поводу можно предать забвению».

Более того, Бисмарк даже предложил, чтобы Майера Карла наградили прусским орденом Красного орла 3-го класса – на том основании, что это отвлечет Ротшильдов от Австрии. Предложение вызвало дискуссию, типичную для центральноевропейской бюрократии: не будут ли Ротшильды покладистее, если подольше потянуть с наградой? Не следует ли изменить дизайн ордена, заменив традиционное распятие каким-то другим символом, более подходящим для еврея? Но главное заключалось в том, что Ротшильды были нужны Пруссии. Мантойфель одержал верх над Бодельшвингом, и Франкфуртский дом получил звание придворного банка, к большой досаде Бетмана, который оставался просто прусским консулом.

Такие меры возымели желаемое действие. Вскоре после того Майер Карл намекнул Бисмарку, что он «будет безмерно благодарен, если ему предоставят возможность разместить деньги под 3 1/2 процента». Весной 1854 г., когда велика была вероятность того, что и Пруссию втянут в войну, Мантойфель послал к Ротшильдам своего советника Нибура для переговоров о займе в 15 млн талеров. Правда, план потерпел неудачу, несмотря на длительные переговоры – сначала в Гейдельберге, когда к Майеру Карлу и Нибуру присоединились Джеймс и Нат, а потом в Ганновере в июне. Кроме того, Бодельшвингу удалось заблокировать предложение о том, чтобы проценты по всем существовавшим на тот момент прусским долгам выплачивались через Франкфуртский дом. Однако Майер Карл вернулся на поле боя в 1856 г., разместив 7 млн талеров нового прусского займа. Более того, теперь Бисмарк высказывался за то, чтобы доверить выплату процентов по прусским долгам Ротшильдам, в типичном для него практическом стиле: «Мы, конечно, понимаем, что у банка имеются свои причины для такого предложения, поскольку вряд ли он стремится взять на себя такие труды... из одной только преданности Пруссии. Однако то, что его выгода совпадает с нашей, не кажется мне поводом для того, чтобы мы упускали свою выгоду». Наконец, в 1860 г., после того, как Бодельшвинг вышел в отставку, просьбу Ротшильдов удовлетворили. Бисмарк защищал интересы Ротшильдов и другими способами. Когда Майера Карла наградили орденом Красного орла 3-го, а затем и 2-го класса, изготовленного по особому эскизу – с овалом на месте обычного креста, – Бисмарк отрицал обвинения в том, что Майер Карл все же предпочитал носить христианскую версию ордена. В 1861 г. прусским орденом наградили и Джеймса⁴¹.

Таким образом, к концу 1850-х гг. Ротшильды восстановили свое положение главных кредиторов европейских государств. Великобритания, Франция, Турция, Австрия и Пруссия выпускали облигации посредством одного или нескольких домов Ротшильдов. И великими державами дело не ограничивалось. Из других важных клиентов того периода можно назвать Бельгию (хотя в данном случае операции чаще, чем раньше, приходилось делить с новым Национальным банком)⁴², Гессен-Нассау, чьи финансы более или менее монополизировал Франкфуртский дом⁴³, а также папу римского. В последнем случае инициатива принадлежала Ротшильдам, так как они надеялись в обмен на финансирование возвращения папы в Рим добиться уступок для проживавших в Риме евреев. Переговоры, однако, шли гораздо труднее, чем им

⁴¹ Майер Карл, сообщал он, «не ходит на крупные мероприятия, а когда все же надевает ордена, предпочитает носить греческий орден Спасителя или испанский орден Изабеллы Католической. По случаю официального приема, устроенного мною... в честь брака его высочества принца Фридриха Вильгельма, на котором ему полагалось быть в форме, он не явился, сказавшись больным, поскольку ему было неприятно носить орден Красного орла, сделанный для нехристиан, так как по такому случаю ему пришлось бы его надеть. Делаю такой же вывод из того, что всякий раз, как он ужинает у меня, он просто надевает ленту ордена Красного орла в петлицу». Джеймс просил Бляйхрёдера не писать о награждении в берлинской прессе, боясь вызвать враждебные комментарии.

⁴² К основным операциям того периода относится не слишком успешная конверсия 1853 г.; заем на 30 млн франков 1854 г., осуществленный совместно Национальным банком, Ротшильдами и «Сосьете женераль»; а также заем 1862 г. в размере 15 млн франков, проведенный теми же тремя участниками.

⁴³ Займы Гессен-Нассау в 1849–1861 гг. достигали 19,4 млн гульденов.

казалось вначале, так как Ватикан упорно отказывался признавать заем официальным условием для полной или хотя бы частичной эмансипации евреев, хотя папа и дал Джеймсу отдельную гарантию, что гетто будет упразднено⁴⁴. И финансовые условия также оказалось трудно согласовать. В то время как Карл готов был предоставить папе до его возвращения в Рим всего только 10 млн франков, папа требовал гораздо больше. Отклонили даже требование Карла, чтобы заем был обеспечен залогом на церковные земли.

Окончательные условия, которые пришлось составлять лично Джеймсу, оказались исключительно щедрыми, учитывая нестабильное положение и частую неплатежеспособность папы. До возвращения папы (в апреле 1850 г.) были приобретены пятипроцентные облигации номинальной стоимостью в 50 млн франков. За ними последовало еще две эмиссии в 28 млн франков. За ними последовали займы в 1853 г. (восьмипроцентные облигации на 26 млн франков по 95) и в августе 1857 г., когда была предпринята смелая попытка консолидировать папский долг и стабилизировать римскую валюту. На парижский рынок выпустили новые пятипроцентные облигации общей стоимостью в 142,4 млн франков – примерно 40 % всего папского долга (около 350 млн франков). Парадокс отношений Ротшильдов с папой римским заключался в том, что они могли получать значительные прибыли до тех пор, пока Ватикан не реформировал свои финансы; но если Святейший престол не мог провести реформу своих финансов, маловероятно, чтобы изменения претерпело его отношение к евреям. Таким образом, Ротшильды встали перед выбором: бойкотировать Ватикан – и тем самым лишиться монополии над внешними долгами папы – или признать свое поражение в еврейском вопросе. Они выбрали последнее.

Кроме России, с которой Ротшильды избегали иметь дело по очевидным причинам, имелось еще два исключения из этого правила финансового доминирования. Первым исключением стала Испания, которая в 1856 г. разместила заем с помощью Миреса. Правда, едва ли сами Ротшильды горели желанием вернуться на рынок испанских облигаций, с которого они давно ушли, предпочитая предоставлять ссуды в обмен на ртуть. Вторым, и куда более важным – хотя и неполным, – исключением из правила стало королевство Пьемонт-Сардиния.

В 1849 г. Джеймсу удалось добиться главенствующего положения при размещении значительного пьемонтского займа. При этом он использовал методы, которые вызвали отвращение честолобивого молодого финансиста и политика Кавура. После двух неудачных попыток вытеснить из Италии австрийцев государственный долг Пьемонта утроился, и королевство стало естественной мишенью для финансового проникновения туда Ротшильдов. Кавур с бесильным возмущением наблюдал, как Джеймс вернулся в 1850 г., чтобы обсудить еще один заем с министром финансов Пьемонта Константино Нигрой. Правда, к критике «прискорбной» зависимости Нигры от Джеймса следует относиться с осторожностью: нельзя забывать, что в тот период кредитный рейтинг Пьемонта был крайне низким, и Джеймс не нарочно понижал цену на пьемонтские облигации. С другой стороны, не приходится сомневаться в том, что Джеймс смотрел на Пьемонт во многом как фермер смотрит на недокормленную корову, которую следует сначала накормить, а потом уже доить. Заем 1850 г., как он радостно сообщал племянникам, стал «самой прекрасной проведенной мною операцией». Если не считать его комиссии в 2,5 %, заем стал по сути инвестицией в будущее: из новой эмиссии пятипроцентных рентных бумаг на общую сумму в 120 млн лир Джеймс взял 20 млн по 85 «а форфэ» (то

⁴⁴ Карл требовал, чтобы евреям Папской области позволили жить, где они хотят, и чтобы все особые налоги и отдельные виды процедур в судах были отменены. В январе Пий IX через папского нунция в Париже дал Джеймсу письменное заверение в том, что все это будет сделано. Однако четыре месяца спустя, когда Карл приехал в Рим, он не увидел почти никаких улучшений; римские евреи направляли Джеймсу петицию и на следующий год. Еще одна просьба от имени римских евреев была подана Ансельмом в 1857 г. В данном случае, подобно «дамасскому делу», а также истории с проживавшими в Иерусалиме христианами, римские евреи стали «разменной монетой» для великих держав, в данном случае – Австрии и Франции. Судя по всему, Ротшильды довольно успешно срабатывали их друг с другом, хотя им почти ничего не удалось добиться для своих единомышленников.

есть выкупил тотчас же), согласившись продать еще 60 млн в Париже от имени правительства, а остальное оставить в руках Нигры. На самом деле он быстро передал больше половины первых 20 млн облигаций местным банкам в Турине, а остальные решил придержать и подождать оздоровления пьемонтской экономики, в чем он не сомневался.

Вскоре настал час Кавура. В октябре 1850 г. он стал министром сельского хозяйства, торговли и морских перевозок. Через два месяца Кавур предпринял первую робкую попытку бросить вызов крепнущей монополии Ротшильда, когда Джеймс узнал об очередной готовящейся эмиссии рентных бумаг (они должны были пойти Туринскому центральному банку в возмещение репарационных выплат Австрии). Кавур принялся подыскивать покупателей для новой серии во Франкфурте и Вене, призывая своего друга Деларю обратиться к Гольдшмидту и Сине. «Меня очень порадует, – заявлял Кавур, – если удастся провести еврея, который держит нас за горло». В апреле 1851 г., когда Кавура назначили министром финансов, появилась возможность окончательного разрыва. Финансовое положение обескураживало: в дополнение к общему долгу Джеймсу в 25 млн лир за разные краткосрочные кредиты, которыми он «подкармливал» Нигру, Кавур столкнулся с дефицитом бюджета примерно в 20 млн лир и другими долгами, которые в сумме достигали почти 68 миллионов. Поэтому Кавуру пришлось действовать быстро, чтобы разорвать хватку Ротшильда. Собрав 18 млн лир на туринском денежном рынке, чтобы пережить трудные времена, Кавур приказал своему послу в Лондоне поискать другой банк, готовый финансировать новый, значительный пьемонтский долг. «Мы должны во что бы то ни стало выпутаться из мучительного положения, в которое мы попали в связи с Домом Ротшильдов, – настаивал он. – Заем, сделанный в Англии, – единственное средство, с помощью которого мы можем вернуть свою независимость... Если нам в самом ближайшем будущем не удастся договориться о займе с Лондоном, мы вынуждены будем вернуться в ловушку Ротшильдов». В помощь послу Кавур отправил старого соперника графа Ревеля. Ревель столкнулся с нерешительностью Бэринга, зато более новый банк Хамбро выразил желание провести операцию, выпустив на 3,6 млн ф. ст. пьемонтских облигаций по 85.

Естественно, как только Джеймс узнал, что происходит, он сделал все, что в его силах, чтобы воспрепятствовать новому займу. Кавур считал, что именно Джеймс стоял за негативным отчетом о пьемонтских финансах в «Таймс»; несомненно, он принялся активно продавать пьемонтские облигации. Более того, именно тогда получил хождение довольно грубый каламбур, оказавший, впрочем, сильное воздействие на современников и ставший «фирменным знаком» Джеймса времен Второй империи: *«L'emprunt est ouvert, mais non couvert»* (букв. «Кредит открыт, но не покрыт»). Джеймс почти победил: облигации в Париже шли со скидкой, и Кавуру пришлось пережить немало тревожных часов. И все же Джеймс не мог до бесконечности «идти против течения», тем более что он сам отвечал за обеспечение рынка для пьемонтских облигаций. «Мы вольны поступать, как нам хочется, – писал он племянникам, – но мы не можем помешать пьемонтским облигациям расти, ведь именно мы выпустили их по 85». Кроме того, он понимал, как неразумно и дальше продавать, когда «весь мир» настроился на повышение. К концу 1851 г. у него по-прежнему оставалось пьемонтских облигаций на сумму около миллиона франков; Кавур ошибался, заявляя, что Джеймс «продал свою долю».

Однако «полный и немедленный разрыв с Ротшильдом» не входил в намерения Кавура. Он просто хотел «показать ему, что мы можем обойтись без него». Джеймс со своей стороны не мог не восхищаться Кавуром; как он выразился в одном из редких для себя комплиментов в адрес политика, у Кавура есть «характер». Кавур еще раз продемонстрировал свою силу в 1852 г., когда Альфонса послали в Турин, чтобы забрать у Нигры остаток рентных бумаг 1850 г. (примерно на 40 млн лир) по 92. Как только пьемонтский парламент понял намек, что деньги Кавуру не нужны и он отказывается от предложения, Альфонса удалось вежливо спровадить. И все же Кавур понимал, что в ближайшем будущем ему придется снова обратиться к Ротшильдам; на самом деле он просто добивался лучших условий на переговорах. Таким образом, в

январе 1853 г., когда в Турин приехал Джеймс и повторил свое прошлогоднее предложение, Кавуру, ставшему к тому времени премьер-министром, удалось поднять цену с первоначальных 88 за 40 млн до 94,5. Позже, когда Кавур задумал сделать еще один заем, он одновременно обратился к Хамбро, Фульду в Париже и к Джеймсу, который снова послал Альфонса в Турин. Для Кавура такая конкуренция оказалась бесценной: из-за эскалации Крымского кризиса цены на все облигации, в том числе и пьемонтские, резко пошли вниз. Хамбро могли предложить за новые трехпроцентные облигации не больше 65, Фульд предлагал чуть больше, а Альфонс, стремившийся вернуть любимого клиента отца, предложил 70 и комиссию в 2 %. По признанию Кавура, «соперничество Фульда стоило нескольких миллионов», и Джеймс впоследствии ворчал о понесенных им «серьезных убытках». В то же время Джеймс нужен был Кавуру, чтобы выплатить проценты по займу Хамбро на раннем этапе Крымского кризиса, пока его не выручила субсидия правительства Великобритании, выплаченная после того, как Пьемонт вступил в войну против России.

«К чести Ротшильда, – заметил Кавур в январе 1855 г., по своему обыкновению о многом умалчивая, – нужно сказать, что он никогда не просит денег. Это его лучшая сторона». Кавур продемонстрировал, что государство, которое в 1850-е гг. обращалось на конкурирующие финансовые рынки, скорее способно было увидеть Ротшильда «с лучшей стороны». То, что Турин снова ценит Джеймса, открылось, когда, к неудовольствию Перейров, он оказался главным иностранным акционером в новом Пьемонтском инвестиционном банке. «Перейра просто в ярости, – писал Кавур в феврале 1856 г., – в то время как Ротшильд как будто доволен. Он говорит, что хочет сделать итальянский кредит, «потому что, видите ли, вы должны создать Италию. Поспешите, потому что вы должны действовать немедленно, как только заключат мир [между Россией и западными державами]». Новый банк, как согласились они с Кавуром, должен стать «итальянским, а не пьемонтским предприятием». С поразительной прозорливостью Джеймс заранее готовился финансировать следующую европейскую войну – войну, которую он предвидел между Австрией и Пьемонтом. Во второй раз он намекнул Кавуру, что поддержит его в таком конфликте.

Контратака

Ротшильды и прежде сталкивались с конкуренцией в периоды экономического подъема; однако они имели обыкновение вытеснять конкурентов в периоды спада. Исключением стали 1850-е гг. В определенный момент на международных рынках капитала стало невозможно удовлетворять спрос со стороны новых банков и железнодорожных компаний в сочетании с займами государств – участников Крымской войны; кроме того, такой высокий спрос отрицательно сказывался на устойчивости мировых валют. Замедление стало заметно еще до окончания войны; крах наступил в августе 1857 г., когда приостановил платежи крупный американский банк «Огайо лайф иншуранс энд траст компани». После него началась цепная реакция;

другие американские банки банкротились один за другим. Кризис быстро перекинулся на другую сторону Атлантики, в Глазго и Ливерпуль, где обанкротились по меньшей мере четыре банка, а также в Гамбург; возможно, такая же участь постигла бы и англо-американский банк «Пибоди и К^о» в Лондоне, если бы не заем на 800 тысяч ф. ст., предоставленный Английским Банком. Насколько можно судить, тот кризис не особенно сильно затронул дома Ротшильдов. И хотя прибыль Лондонского дома в 1857 г. значительно сократилась (до каких-то 8 тысяч ф. ст.), банк получил прибыль; Неаполитанский дом находился в лучшем положении, хотя и у него 1858 г. выдался плохим.

В то тяжелое время главной причиной контратаки Ротшильдов против Перейров стала французская денежная политика, что редко принимают во внимание. Важным поворотным пунктом в их соперничестве стали выборы Альфонса де Ротшильда в регентский совет (совет

директоров) Банка Франции. Если смотреть на дело с позиции влияния Ротшильдов как акционеров Банка, казалось вполне естественным, что член семьи в конце концов стал регентом. В 1852 г. Парижский дом держал свыше 1000 акций Банка Франции; по данным Плесси, это количество росло; оно достигало пиков 1499 в 1857 г. и 1616 в 1864 г. Более того, отдельные члены семьи держали до 200 акций Банка Франции в своих личных портфелях. Даже если сделать скидку на высокую концентрацию владения акциями, можно предположить, что Ротшильды были крупнейшими акционерами Банка Франции.

Тем не менее регентство Альфонса по ряду причин было противоречивым. Во-первых, несмотря на большой пай, до 1855 г. Ротшильдов не допускали на Генеральную ассамблею Банка (теоретически потому, что Джеймс официально оставался иностранцем). Во-вторых, хотя до него в совет директоров вошел выкрест д'Эйхаль, Альфонс стал первым регентом-иудеем. В-третьих, что самое главное, его назначение совпало с потенциально важными дебатами о будущем самого Банка. Видимо, этим объясняется, почему собрание 22 января 1855 г., на котором обсуждали возможность ввести Альфонса в регентский совет, стало самым посещаемым за тот период: в число 138 членов совета с правом голоса входили Мирес и братья Перейра. В виде исключения выборы прошли в два тура, прежде чем Альфонс набрал бесспорное большинство, опередив двух других кандидатов. И хотя члены регентского совета Банка Франции не принадлежали к высшей банковской касте, избрание Альфонса стало важным водоразделом. Наконец-то Ротшильды сравнялись с такими семьями, как Малле, Давийеры и Хоттингеры. Что еще важнее, после избрания Альфонса у Ротшильдов в важный период времени появился свой представитель в Банке Франции. И пусть в 1860-е гг. Альфонс принимал в работе Банка лишь формальное участие, невозможно отрицать влияния Ротшильдов на французскую денежную политику в 1850-е гг. Оно сыграло решающую роль в конфликте Ротшильдов с Перейрами.

Вопрос, по сути, заключался в том, способен ли Банк Франции стать больше похожим на Английский Банк в смысле его влияния на французский денежный рынок. Банк значительно укрепил свое положение во время кризиса 1848 г., избавившись от региональных эмиссионных банков; тем не менее он оставался сравнительно небольшим учреждением – в 1852 г. его капитал примерно в 70 млн франков был гораздо меньше, чем у банка «Братья де Ротшильд». И претензии «Креди мобилъе» тоже представляли серьезную угрозу. Банковский и железнодорожный бум 1855 г. в сочетании с расходами на Крымскую войну и неурожаем легли на Банк Франции тяжелым бременем. В августе 1855 г., чтобы пополнить истощившиеся запасы, управляющий был вынужден тайно купить на 30 млн франков золота и на 25 млн франков серебра в банке «Братья де Ротшильд». Год спустя положение настолько ухудшилось, что управляющему пришлось просить разрешения приостановить конвертируемость валюты. И хотя многие члены регентского совета одобрили такой шаг, Альфонс не принадлежал к их числу. При поддержке министра финансов Маня Альфонс и его отец убедительно высказывались за то, чтобы увеличить учетную ставку и произвести более крупные закупки золота и серебра – в том числе еще на 83 млн франков у самих Ротшильдов, – чтобы сохранить денежные выплаты. В 1855–1857 гг. Парижский дом предоставил Банку Франции золота на 751 млн франков. Золото закупалось через Нью-Корт по цене выше номинала примерно на 11 %.

Таким образом, дебаты о пересмотре устава Банка происходили в то время, когда управляющий, если желал пополнить запасы, все больше зависел от Ротшильдов. Хотя Альфонс в первую половину года не появлялся в Банке, вероятно, в этих дебатах какую-то роль сыграл его отец. Джеймс выступал против предложенных Перейрами планов радикальной реструктуризации Банка, в результате которой он должен был стать удобнее для новых инвестиционных банков с их большими портфелями. В итоге консерваторы победили: в обмен на принятие рентных бумаг на 100 млн франков от правительства Банку Франции позволялось удвоить свой капитал; кроме того, он получал возможность поднять учетную ставку выше 6 %, когда необ-

ходима была более жесткая денежная политика. Иными словами, первое место отводилось не ликвидности внутренних финансовых рынков, а поддержанию стабильного валютного курса, что оказалось настоящим сдерживающим фактором для «Креди мобилъе».

Во время этого организационного сражения (1856) Джеймс решил бросить вызов Перейрам на их поле и учредил «Реюньон финансьер» («Финансовый союз», *Réunion Financière*), по сути, свободную конфедерацию частных банков и союзных железнодорожных финансовых компаний, например компаний Бартолонни, Пилле-Виль, Блаунт и Талабо. На самом деле замысел постепенно превратить «Реюньон» в новый акционерный банк, похожий на «Креди мобилъе»⁴⁵, пресек Мань, который в начале 1856 г. наложил временный запрет на образование новых компаний. Так он надеялся замедлить темпы экономического роста и высвободить капитал для насущных государственных нужд. Миресу, на чьи планы также был наложен запрет, такой результат показался победой братьев Перейра; невозможно отрицать, что «Реюньон» контролировал меньшее количество железнодорожного капитала, чем Перейры и их союзники (49 против 94 млн франков). Но сигнал был получен: отныне Ротшильды, по крайней мере французские Ротшильды, были готовы думать об инвестиционных банковских операциях в стиле Перейров.

Более того, скоро стало очевидно, что ограничения, наложенные на внутренний рынок капитала, в сочетании с ограничительной дисконтной политикой Банка Франции гораздо больше сдерживали Перейров, чем Ротшильдов. Ничто не демонстрирует это нагляднее, чем неспособность Перейров предотвратить слияние линии Гран-Сентрал с управляемой Ротшильдами линией Париж – Орлеан в июне 1857 г. После такой неудачи Перейры принялись повсюду кричать о заговоре против них и их начинаний. «Чтобы лишить нас сил, – жаловались они Наполеону III, – они говорят, что мы всемогущи». На самом деле по мере того, как углублялся кризис 1857 г., больше страдали именно Перейры. Из всех железнодорожных линий Северная оказалась самой гибкой и быстрее приспособилась к новым условиям; ссуды, выделенные Банком Франции другим железнодорожным компаниям, а также Франквильские соглашения (по которым правительство гарантировало дивиденды и субсидировало строительство некоммерческих веток) стали ответами на недостатки «нового» банка, а не «старого».

Вот почему после 1856–1857 гг. Перейры так старались занять второе место в великой общеевропейской гонке за железнодорожные концессии. В наше время специалисты часто недооценивают то, что железнодорожный бизнес в тот период стал по-настоящему мощным фактором международных отношений. То, что железные дороги поощряли национализм благодаря созданию интегрированных национальных рынков, – миф; европейские железные дороги стремительно пересекали государственные границы, превратившись в транснациональную сеть, и большая доля капитала, вложенного в железные дороги в Испании, Северной Италии, империи Габсбургов и России, была либо английской, либо французской. Одновременно с интернационализацией железных дорог военные стратеги начали осознавать, что железные дороги могут играть жизненно важную роль в перевозке не только пассажиров и грузов, но и армий. Таким образом, управление железными дорогами приобрело не только финансовое, но и политическое значение и сыграло решающую роль в событиях, приведших к объединению в Италии и Германии.

По такому же образцу – с вариациями – события развивались в Бельгии, Испании, Пьемонте, Неаполе, Австрии, Дунайских княжествах, России и даже Турции. Сначала в этих странах наблюдалась конкуренция по созданию банков типа «Креди мобилъе»; затем, или одновременно, начиналась схватка за концессии примерно с одними и теми же участниками. В

⁴⁵ Джеймс предлагал учредить новую «Имперскую кассу общественных работ», но он очень старался подчеркнуть, что, в отличие от «Креди мобилъе», новое учреждение не будет «напрямую вмешиваться в любую операцию или предприятие само по себе». Иными словами, он имел в виду больше депозитный банк, который ссужает деньги компаниям под самые разные виды обеспечения – чего не делал Банк Франции.

Бельгии старинный друг Ротшильдов король Леопольд откровенно призывал Джеймса основать банк типа «Креди мобилъе», но Джеймс отказался от замысла, как только убедился, что Перейры не собираются делать этого сами; он действовал, только когда было необходимо расстроить планы конкурентов. Откровенно говоря, в Бельгии уже существовали такие финансовые учреждения, как, например, «Сосьете женераль», делавшие детище Перейров более или менее избыточным. Поэтому Джеймс мог без помех распространять влияние Северной железной дороги на важные участки бельгийской железнодорожной сети. Он приобрел контроль над линией Намюр – Льеж и образовал консорциум с «Сосьете женераль» для линии Монс – Отмон. Кроме того, в качестве директора Восточной линии он косвенно участвовал в приобретении железных дорог Люксембурга, которые представляли собой жизненно важное связующее звено между бельгийскими портами Остенде и Антверпен и Рейнской областью. В Швейцарии развернулась ожесточенная конкуренция: Перейрам удалось приобрести большой пакет Западной железной дороги, которая шла вдоль Женевского озера, но более важные Центральная и Северо-Западная линии оставались в руках швейцарцев до тех пор, пока пакет последней не купил «Реюньон финансьер» и не слил ее с другими линиями на юге, создав «Объединенную швейцарскую железнодорожную компанию». В Неаполе ненадолго появился повод для волнения, когда показалось, что король вот-вот предоставит Перейрам банковский чартер (документ на ведение банковских операций), но вскоре тревога миновала; режим Бурбонов с большим подозрением относился к экономическим новшествам и всячески сопротивлялся даже прокладке железнодорожных путей на Сицилии.

В других местах угроза, представляемая Перейрами, была серьезнее и вызвала ряд решительных ответных мер со стороны Ротшильдов. В Испании, после легализации акционерных банков в декабре 1855 г., Перейрам удалось учредить «Кредито мобилиаро эспаньол». Они были не единственным французским банком, который так поступил: Адольф Прост основал «Генеральную кредитную компанию», а Ротшильды, в свою очередь, учредили «Сосьедад эспаньола меркантиль э индустриаль». Банки были очень похожи по размерам и целям. Перейры мечтали финансировать железнодорожное сообщение своей Южной линии (вокзал в Байонне) через Пиренеи и Мадрид до Кадиса на юго-западе. Ротшильды отреагировали молниеносно: в 1855 г. в компании с вездесущим Морни Джеймс добился от маркиза Саламанки концессии на прокладку линии Мадрид – Альманса, а через два года создал железнодорожную компанию «Мадрид, Сарагоса и Аликанте», первая очередь которой (Мадрид – Аликанте) была открыта в мае 1858 г. Одновременно Морни захватил концессии на строительство линий из Мадрида в Португалию через Сьюдад-Реаль и Бадахос, а также маршруты в Малагу и Гранаду через Кордову. Таким образом, у Перейров остались лишь «голова и хвост» от их первоначального замысла: линия Байонна – Мадрид, которая в декабре 1858 г. составила компанию «Север Испании», а также линия Кордова – Севилья, которую они построили в партнерстве с Шарлем Лаффитом. Хотя это означало, что группе Ротшильдов не удалось закрепить за собой дорогу, связывавшую Испанию и Францию, необходимо учитывать медлительность, с какой действовали Перейры; возникшие в 1857 г. трудности сильно тормозили их планы за пределами Франции. Поразительно также, что Джеймс теперь сотрудничал с Морни и даже с Миресом (который добился концессии на строительство ветки Памплона – Сарагоса). Но самое удивительное, что и они сотрудничали с ним⁴⁶.

Еще более яркой стала победа, одержанная Ротшильдами в Пьемонте, хотя в некотором смысле она оказалась пирровой. В декабре 1855 г. был момент, когда казалось, что Кавур и

⁴⁶ Авторизованный капитал банка Перейров составлял 60, а банка Ротшильда – 80 млн франков; но в последнем случае лишь 24 млн франков было внесено на текущий счет, и эту сумму позже сократили. Перейры же к 1862 г. внесли на текущий счет максимальный капитал и стремились инвестировать средства не только в железные дороги, но и в мадридский газовый завод, и в различные шахты. Что важно, банк, основанный Ротшильдами, был ликвидирован в 1868 г. – после того, как исчезла угроза, представляемая Перейрами.

Перейры (которых Джеймс считал «потрясающе способными») собираются заключить союз, что нанесло бы Джеймсу серьезный удар. Но, очевидно, Перейры слишком многого хотели – «монополии», как жаловался Кавур. Джеймс действовал тоньше, и именно он из всех иностранцев получил самую большую долю (33 %) в новой «Кассе дель коммерцио э делле индустрии» в Турине, основанной в феврале 1856 г. в качестве единственного привилегированного акционерного банка в Пьемонте. Выяснилось, что замысел Джеймса по созданию «итальянского банка» в Турине оказался преждевременным; трудности усугублялись тем, что финансовый кризис 1857 г. совпал со смертью директора банка Луиджи Больмиды, и к 1858 г. банк почти прекратил свое существование. Тем не менее можно понять, чего пытались достичь Больмида и Джеймс, судя по отчету одного итальянца о визите Джеймса в Турин в апреле 1857 г., вскоре после смерти Больмиды. «Он собирался продолжить замысел Больмиды, который по сути состоял в приобретении у... Кавура разрешения открыть в Пьемонте «Креди мобиле» [то есть «Касса дель коммерцио»] всех государственных железных дорог, чтобы, в свою очередь, создать Гран-Сентрал [линию] и закрепить за собой концессию на строительство железной дороги, которая связывала бы две Ривьеры». Иными словами, как и в Испании, новый банк должен был служить средством распространения железнодорожной империи Ротшильдов: очевидно, Джеймс надеялся не только приобрести контроль над железнодорожной компанией имени Виктора-Эммануила, образованной Шарлем Лаффитом и Александром Биксио в 1853 г. для связи Турина с Францией и Швейцарией, но и получить концессию на прокладку линии между Марселем, Ниццей и Генуей. Хотя ему удалось лишь последнее (в компании с французским финансистом Гюставом Делахантом), победу Джеймса в Пьемонте не следует преуменьшать. Более того, становится ясно: как и на севере Франции, и в Бельгии, Джеймс создавал сеть железных дорог, пересекавших границы в районах, которым суждено было играть стратегическую роль: Савойе и Ницце, которых помогался Наполеон III, и на границе Пьемонта и Ломбардии. Важно и то, что удобные железнодорожные маршруты с севера Италии через Альпы шли не из Турина, а из контролируемых Австрией Милана и Венеции.

Во многом этим объясняется стратегия Ротшильдов на территории Австрийской империи. В январе 1855 г. Перейрам удалось обойти Ротшильдов: они убедили австрийское правительство, находившееся в стесненном финансовом положении, продать им участок государственной сети железных дорог (линию Прага – Брюнн в Богемии и линию, которая вела на восток, от Мархфельда (Моравского поля) в Венгрию). Их действия служат примером ранней приватизации⁴⁷. Хотя Ротшильды (в лице Соломона) по-прежнему контролировали Нордбан, начиная с 1848 г. они почти не проявляли интереса к австрийским железным дорогам, которые все больше строились и управлялись государством; но удачный ход Перейров подхлестнул Ансельма. Перейрам удалось создать очень мощный консорциум: в правлении их новой Императорско-королевской привилегированной австрийской государственной железнодорожной компании (которая короче называлась Штадтбан) входили Морни, Фульд, Людвиг Перейра и венские банки Сины и Эскелеса (которые уже контролировали линию Вена – Раб)⁴⁸. Более того, судя по всему, Перейрам удалось заключить выгодную сделку: строительство линий, которые они приобрели всего за 77 млн гульденов, обошлось в 94 млн гульденов. Кроме того, они оказали услугу внешней политике Наполеона III. Операция как бы скрепляла франко-австрийский союз от декабря 1854 г.; Хюбнер в Париже активно поощрял ее. Ансельм называл действия конкурентов «позором» – и поспешил их повторить. Когда Перейры предложили правительству создать «Креди мобиле» в Вене, с очевидным намерением выкупить оставшиеся

⁴⁷ В 1855–1859 гг. австрийское правительство собрало 118 млн гульденов, распродавая участки находившейся в государственной собственности железнодорожной сети, хотя эта цифра не учитывает последующие выплаты компаниям, которые строили пути. Цифра вполне сопоставима с общим валовым дефицитом бюджета страны в тот же период (576 млн гульденов).

⁴⁸ Кроме того, компания приобрела линию на левом берегу Дуная, которая вела в Сегед через Будапешт, а также пакеты акций различных добывающих и металлургических компаний.

государственные железнодорожные линии, Ансельм и Джеймс договорились перебить цену. Учитывая, что линии, о которых шла речь, должны были связать Вену и Триест (Зюдбан) и Милан с Венецией (Ломбардская линия), их озабоченность понять легко.

Ротшильды обладали четырьмя явными преимуществами. Во-первых, союз между Австрией и Францией оказался краткосрочным. Во-вторых, с ухудшением финансового положения во Франции правительство запретило размещать на бирже иностранные ценные бумаги, что стало для Перейров смертельным ударом, – Джеймс же, напротив, мог рассчитывать на Нью-Корт и лондонский рынок. В-третьих, Ротшильдам удалось привлечь в качестве партнеров многих обладателей громких фамилий и титулов – среди них стоит упомянуть графа Хотека и князей Шварценберга, Фюрстенберга и Ауэршперга. Кроме того, они привлекли к сотрудничеству банк Леопольда Лемеля, который играл влиятельную роль в Праге. Наконец, они, вполне вероятно, следили за предложением Перейров благодаря министру торговли барону Бруку, что позволило им сделать сходное, но более привлекательное предложение, которое почти вдвое превышало предложение Перейров (100 млн гульденов против 56,6 млн Перейров) и более «проавстрийскую» ориентацию. К концу октября 1856 г. вопрос был решен. 6 ноября получило официальную лицензию Императорско-королевское австрийское кредитное торгово-промышленное общество («Кредитанштальт»); через месяц выпустили первые акции, из которых Ротшильды и их партнеры оставили у себя не менее 40 %.

С филиалами в Праге, Будапеште, Брюнне, Кронштадте и позже Триесте и Лемберге (Львов) «Кредитанштальт» быстро утвердился в качестве преобладающего финансового учреждения империи Габсбургов. Свое положение бесспорного господства «Кредитанштальт» сохранял до начала Первой мировой войны. Ничто так не способствовало восстановлению экономического влияния Ротшильдов в Центральной Европе. Однако не следует преувеличивать степень моральной победы «Кредитанштальта» по сравнению со средствами Перейров. Чтобы победить их, Джеймс, несмотря на все свои прежние выпады против самого понятия инвестиционного банка, вынужден был следовать их примеру. Как он признавался графу Орлову, новому председателю Государственного совета Российской империи: «Всякий раз, как к нам обращалось правительство, мы всячески старались указать на опасности, которые представляют такие кредитные учреждения, но после того, как наши взгляды не возобладали... у нас оставался единственный выход: самим принять участие в таких предприятиях... В конце концов, для тех, кто ими занимается, они превосходны... Мы не могли оставаться в стороне...»

Почти во всех отношениях «Кредитанштальт» был сделан по образцу «Креди мобиле»; более того, по уставу «Кредитанштальт» приобретал даже больше самостоятельности в возможности вкладывать или ссужать деньги против всех мыслимых видов активов – акций промышленных предприятий, государственных облигаций, земли и даже товаров. Кроме того, по уставу разрешалось собирать деньги всеми мыслимыми способами: эмитировать акции и облигации, принимать депозиты. Ключом к возрождению Ротшильдов в Вене стало, таким образом, неприкрытое подражание методам их главных конкурентов.

В краткосрочной перспективе «Кредитанштальт» позволил Ротшильдам занять главенствующее положение, которого они добивались, в развивающейся центральноевропейской сети железных дорог. В 1856 г. Перейры снова потерпели поражение в состязании за жизненно важные линии в Ломбардии и Центральной Италии. Роковую для них роль сыграл переход на сторону Ротшильдов их бывшего союзника Гальеры. Начал сказываться доступ Ротшильдов на лондонский рынок капитала: когда учредили новую «Императорскую Ломбардо-Венецианскую и центральноитальянскую железнодорожную компанию», акции на 1,2 млн ф. ст. из общего капитала на 6 млн ф. ст. взяла английская группа, возглавляемая Лондонским домом, которая также выпустила облигации для этой компании на сумму в 3,1 млн ф. ст. Парижский дом предоставил меньше половины требуемых средств, а остальное предоставил «Кредитанштальт». Таким образом, Ротшильды и их партнеры получили контроль над сетью итальянских

железных дорог протяженностью в 600 с лишним миль, причем 260 миль уже были введены в эксплуатацию.

Такой же интерес представляли линии, которые вели из Австрии на запад, в Баварию. Франкфуртский дом принял активное участие в финансировании одной из первых железных дорог на юге Германии, так называемого Таунусбана, линии, которая соединяла Франкфурт с Висбаденом; в 1853 г. Таунусбан продлили до Нассау. В 1855 г. Франкфуртский дом продолжил финансировать железные дороги, вступив в консорциум с Хиршем, д'Эйхталем, Бишоффсхаймом и другими для финансирования Остбана в Баварии, линии, которая связывала Нюрнберг с Регенсбургом, Мюнхеном и Пассау на границе с Австрией. Кроме того, делались предложения продлить Остбан на север, через Швайнфурт в Бебру. Поэтому логичным шагом для группы Ротшильдов стала концессия на строительство линии, соединявшей Вену, Линц и Зальцбург («Вестбан имени императрицы Елизаветы»): на сей раз Парижский и Венский дома предоставили 30 из требуемых 60 млн гульденов. Куда больше трудностей возникало с линиями, ведущими на восток. И здесь первыми успели Перейры; они закрепили за собой восточное продолжение линии Вена – Будапешт до Сегеда и Тимишоары (Ориентбан имени Франца Иосифа), которая соединялась с государственной Южной линией (Зюдбан). Планам Перейров в очередной раз помешала нехватка средств. Вдобавок к приобретению Венгерской Дунайской пароходной компании группа Ротшильдов нанесла удар на юге, на территории нынешних Словении и Хорватии, купив (с помощью Талабо) линию, ведущую в Аграм (Загреб) и Сисак. Судя по всему, Ротшильды сотрудничали и с Оппенгеймами, которые приобрели концессию на прокладку линии, связывавшей Виллах и Клагенфурт в Австрии с Марибором в Словении.

В августе 1858 г., представив себе «гигантское предприятие», в результате которого эти разные линии стали бы связаны с Веной и Триестом, поглотив и Ориентбан имени Франца Иосифа, и Зюдбан, Джеймс, по его признанию, «дрожал». И все же он довел дело до конца: через месяц они с Талабо выкупили Зюдбан у австрийского правительства за 100 млн гульденов и объединили с Ломбардской дорогой и дорогой имени Франца Иосифа. В результате образовался железнодорожный гигант: «Южноавстрийская железнодорожная компания юга Австрии, Ломбардии, Венеции и Центральной Италии». Кроме того, поговаривали о прокладке железнодорожного сообщения от Трансильвании в Бухарест в получивших автономию княжествах Валахии и Молдавии⁴⁹. Казалось, лишь вопрос времени, когда сеть линий, акционерами которых были Ротшильды, протянется в Константинополь и на черноморское побережье.

Здесь необходимо сделать одну оговорку. С того времени, когда был создан «Кредитанштальт» и начался процесс слияния железных дорог, контроль Ротшильдов неизбежно размывался. Не следует считать, что все вышеописанные шаги были инициированы или даже всецело одобрены Джеймсом или Ансельмом. Джеймс не скрывал опасений, узнав о планах прокладки линии в Бухарест, цель которой (судя по предложенному маршруту вдоль австрийской границы) была скорее военной, чем коммерческой. Летом 1858 г. Ансельм даже угрожал выйти из правления «Кредитанштальта», «потому что [он] не одобрял того, как там ведутся дела». Свою угрозу он осуществил на следующий год. Впрочем, его уход вовсе не означал полного разрыва отношений между банком и его основателем, так как в 1861 г. место Ансельма в правлении занял его сын Натаниэль. Поступок Ансельма свидетельствует только о том, что не следует отождествлять Ротшильдов и «Кредитанштальт». Точно так же следует проявлять осторожность при употреблении таких фраз, как «группа Ротшильдов», при ссылках на довольно свободную коалицию инвесторов, которая встала во главе австрийской железнодорожной системы, а также, если уж на то пошло, Ротшильдов и их деловых партнеров во Франции.

⁴⁹ Слияние оказалось относительно прибыльным для Перейров, которые сумели обменять недостроенную линию имени Франца Иосифа на акции в новой компании Ротшильдов на сумму в 96 млн франков.

И лишь один крупный европейский регион Ротшильды уступили соперникам: Россию. После Крымской войны многие делали робкие намеки правительству нового царя о возможности развития российской железнодорожной сети, которая тогда находилась в зачаточном состоянии. Однако Джеймс, получивший пессимистические доклады о возможной рентабельности новых линий, охотно предоставил в России инициативу Перейрам. Его пессимизм подтвердился, когда Бэринги задумали собрать в Лондоне около 2,8 млн ф. ст. на создание Российской железнодорожной компании и прокладку линии, которая должна была связать Варшаву и Санкт-Петербург. Замысел потерпел фиаско и навлек на Бэрингов много нападков со стороны русофобской прессы. Любопытно, что в 1858 г. Джеймс ненадолго вспомнил о своем прежнем замысле основать отделение Дома Ротшильдов в Санкт-Петербурге; но когда он как бы между делом предложил Альфонсу или Гюставу провести «несколько лет», занимаясь «учреждением в Петербурге», то вовсе не потому, что его привлекали тамошние деловые возможности, а лишь потому, что ему казалось, будто новое учреждение «способно внести свой вклад в эмансипацию евреев».

Итак, в конце 1858 г. Ротшильды отразили вызов, брошенный им не только во Франции, но и на всем Европейском континенте. Во многом это стало возможным потому, что, в то время как средства Перейров оставались в основном парижскими, средства Ротшильдов были поистине многонациональными, а их империя в течение 1850-х гг. дотянулась даже до новых золотых приисков в Калифорнии и Австралии. Благодаря подавляющему превосходству в годы Крымской войны Ротшильды восстановили свое главенство в области европейских государственных финансов. В то же время благодаря их союзу с Банком Франции в период спада 1856–1857 гг.

удалось сохранить конвертируемость валюты, а реформы, которые могли бы облегчить положение Перейров, были отклонены. Последовавшее затем состязание за контроль над железными дорогами Центральной и Южной Европы было неравным. Тем не менее для того, чтобы закрепить за собой важнейшие железнодорожные линии, связавшие Австрию с Германией, Италией, Венгрией и Балканами, Ротшильдам пришлось подражать Перейрам: они учредили собственные варианты «Креди мобилъе» в Турине и, что еще важнее, в Вене. После того периода, в силу усложнения структуры, все труднее становится рассматривать растущую деловую империю Ротшильдов как один цельный организм, каким, несомненно, считал империю Джеймс. До 1859 г. Ротшильдам везло в одном знаменательном аспекте: во время Крымской войны они стали кредиторами победителей, а не побежденных. Настоящее испытание ждало их в 1859–1870 гг., когда они неоднократно оказывались по обе стороны решающих конфликтов, которым суждено было перекроить карту Европы.

Глава 3

Национализм и многонациональность (1859–1863)

*Потеря Ломбардии... это потеря его железных дорог и дивидендов
по его займу!*

Граф Шефтсбери, 1859

Вечером в четверг, 14 января 1858 г., в доме Альфонса де Ротшильда на улице Сент-Флорентен ужинал австрийский посол в Париже. Вдруг из Дома Ротшильдов прибыл клерк со срочным посланием. Джеймс, который также присутствовал на ужине, вышел из комнаты, но почти сразу же вернулся – «очень бледный», по словам Хюбнера, – и сообщил собравшимся, что итальянские террористы покушались на жизнь Наполеона III и императрицы Евгении. Понял ли Джеймс, что покушение послужит катализатором еще одного вмешательства Франции в итальянские дела, на сей раз решительно на стороне «революции» и против Австрии? Такое кажется маловероятным; было бы логичнее ожидать, что оставшийся невредимым император выступит против итальянского националистического движения. Вначале он именно так и поступал.

И все же, хотя Наполеон согласился на казнь своего вероятного убийцы, Феличе Орсини, император предпочел воспользоваться им как способом для странного выражения сочувствия делу национализма: перед казнью были преданы огласке два письма, предположительно написанные Орсини. В первом из них утверждалось, что, «пока Италия не вернет независимость, ни ваше величество, ни Европа не могут быть уверены в мире». Если даже этот призыв к оружию составил не он сам, Наполеон, несомненно, собирался на него ответить. Почти сразу же он обратился к правительству Пьемонта; 20 июля он встретился с Кавуром в Пломбьере, где обсуждалось не что иное, как перекройка карты Италии: в обмен на Савойю, по предложению Кавура, Наполеон должен был помочь Пьемонту создать Королевство верхней Италии «от Альп до Адриатики», которое затем образует Итальянскую федерацию с Папской областью, Королевством обеих Сицилий и оставшимися государствами Центральной Италии. Однако лишь в январе 1859 г. Франция и Пьемонт подписали официальное соглашение, символически скрепленное браком дочери Виктора-Эммануила Клотильды и имевшего сомнительную репутацию кузена Наполеона, принца Жерома (кроме того, Франции ради общего блага пожертвовали Ниццу). Но дипломатические маневры промежуточных месяцев, которые сопровождались неоднократными нападками на Австрию во французской прессе, давали Джеймсу все больше поводов для беспокойства – во всяком случае, так казалось.

5 декабря Джеймс отправился к Наполеону с жалобой на статью, которая появилась накануне в «Монитер». Вдохновителем статьи, без ведома императора, выступил Жером. Наполеон, после неловкой паузы, заверил Джеймса, что он «не собирается производить перемены в Италии»; несмотря на его недовольство политикой Австрии, он «уверял его... в своих миролюбивых намерениях». Однако через месяц Наполеон объявил Хюбнеру, что «если отношения [между Францией и Австрией] не так хороши, как ему бы хотелось, это ни в малейшей степени не повлияет на его чувства к его монарху»; слова императора несколько не успокоили Джеймса, который на следующий день навестил Хюбнера вместе с английским послом Коули в состоянии «большой тревоги». Как передавал Хюбнер, на Парижской бирже началась паника. Позже Джеймс снова отправился к императору, который уверял его, что он не собирался оскорблять Хюбнера. Джеймс «вернулся вполне довольный и добился того, что акции на бирже пошли вверх». Однако всего через три дня рынок снова просел после объявления о браке Жерома и Клотильды; сам Наполеон признал, что, хотя Франция за него, биржа не на его стороне. 23 января, когда Джеймс ездил охотиться с императором, последний многозначи-

тельно жаловался на то, что Австрия укрепляет военное присутствие в Италии, и предупреждал, что Австрия «может напасть на Пьемонт». Игра в загадки продолжалась: в конце следующей недели Джеймс спросил, размещать ли ему заем для Австрии. Наполеон не возражал; но в феврале Джеймс заверил Хюбнера, что банк «Братья де Ротшильд» «решительно отказался давать деньги пьемонтцам, пока не устранится всякая угроза войны», несмотря на прямую просьбу со стороны Жерома. 10 марта на бирже вновь началась паника после слухов о том, что попытка Англии взять на себя роль посредника на переговорах провалилась. Хюбнер снова написал о встревоженности Джеймса. Но через две недели, после предложений России о конгрессе и требования Австрии о разоружении Пьемонта, когда в Париж приехал сам Кавур, всем показалось, что кризис снова слабеет. «Итак, господин барон, – обратился Кавур к Джеймсу, по словам очевидцев, – правда ли, что биржа поднимется на два франка в тот день, когда я подам в отставку с поста премьер-министра?» – «Ах, господин граф, – ответил Джеймс, – вы себя переоцениваете!» Примерно в то же время Джеймс стал автором еще одной остроты, ядовито намекавшей на знаменитую речь Наполеона в Бордо, которую тот произнес за семь лет до того: «Император не знает Франции. Двадцать лет назад можно было объявить войну, не нарушив всеобщего спокойствия. Тогда едва ли у кого-то, кроме банков, имелись государственные или коммерческие ценные бумаги. А в наши дни железнодорожные купоны или трехпроцентные облигации есть у каждого. Император был прав, говоря: «Империя – это мир», но он не знает другого: если начнется война, империя конец».

«Нет мира, нет империи», – мрачно говорил он, а-ля Нусинген. То же самое было в Лондоне, где Лайонел подробно информировал о развитии событий Дизраэли, который получил министерский пост благодаря отставке Палмерстона после дела Орсини. 14 января Дизраэли писал Дерби, передавая сведения, которые, несомненно, поступили из Нью-Корта: «Тревога в Сити велика: в Средиземноморье прекратилась всякая торговля». Ценные бумаги упали не менее чем на 60 млн ф. ст., по большей части во Франции. Еще одна такая неделя сломит Парижскую биржу. «И все потому, что один человек решил все растрезожить». В Сити надеются только на одно – что правительство не станет вмешиваться. «Хотя все было решено за несколько дней, пройдут месяцы, прежде чем восстановится спокойствие и мы окажемся накануне огромного процветания».

Сам Лайонел в своей предвыборной речи от 16 апреля призывал к «сильному правительству», все равно, либеральному или консервативному, способному ответить на «критические» события на континенте. Такие слова можно истолковать как одобрение проводимого Палмерстоном курса поддержки Пьемонта против Австрии; но нашлись либералы, которые заподозрили Лайонела в намеренном двуличии, призванном скрыть его проавстрийские настроения. Речь стала первым из многих намеков на то, что в мире международных отношений Ротшильды по-прежнему имели гораздо больше общего с тори, чем с либералами. Шафтсбери (противник эмансипации и потому едва ли беспристрастный) писал, что Лайонел накануне сражения при Мадженте был «почти безумен, потеря Ломбардии [Австрией] означала потерю его железных дорог и дивидендов по его займу! <...> Странно, страшно, унижительно, но... судьба этой страны – развлечение неверного еврея!»

Финансы «Объединения»

В период 1859–1871 гг. после ряда военных конфликтов в Европе и Америках Ротшильды столкнулись с новыми, судя по всему неразрешимыми, вопросами. Поскольку каждый из них, с одной стороны, был войной за объединение – объединение Италии, Соединенных Штатов, Германии, – историки склонны трактовать их итоги как в каком-то смысле предпрешенные, пусть только в масштабах политической экономии. На самом деле в тот период велись войны между многими странами, и предвидеть их исход было совсем непросто. Национализм

не играл решающей роли: в 1863 г. провалилось «объединение» Польши; на следующий год потерпело неудачу «объединение» Дании; еще через год – «объединение» рабовладельческих штатов, а в 1867 г. – «объединение» Мексики. Кроме того, политики намеревались создать не мононациональные государства, а федерации: Кавур изначально задумал федерацию Северной Италии; в Америке война также развернулась из-за федерализма; и в Германии Бисмарк в 1866 г. решил «больше придерживаться конфедерации государств... в то время как на практике придал ему [Северогерманскому союзу, а позже Германскому рейху] характер федерального государства с эластичными, неявными, но далекоидущими формулировками». Более того, все тогдашние конфликты могли бы разрешиться по-иному, если бы в их ход вмешались одна или обе мировые супердержавы, Великобритания и Россия. Однако вышло так, что обе они предпочли оставаться в стороне, при условии, что события в Европе не скажутся на событиях на Ближнем Востоке, которому они придавали больше значения; правда, их невмешательство ни в одном случае не было всецело определенным.

Таким образом, Ротшильды много раз стояли перед нелегким выбором. Когда Пьемонт, при поддержке Франции, начал войну с Австрией, на какую сторону следовало встать Ротшильдам, учитывая, что их финансовые интересы затрагивали все три этих государства? Когда в Америке штаты Союза воевали со штатами Конфедерации, кого следовало поддержать Ротшильдам? Они импортировали хлопок и табак из южных штатов, и эти статьи импорта составляли такую же важную часть их трансатлантических операций, как и инвестиции в северные штаты и железные дороги. Когда Пруссия и Австрия начали войну с Данией, возможно, это было не так проблематично, хотя связи между британской и датской королевскими семьями иногда приводили в замешательство лондонских Ротшильдов. Но когда Пруссия начала войну с Австрией и другими членами Германского союза, вопрос конфликта интересов стал не менее острым, чем позже, в 1870 г., когда началась Франко-прусская война.

По традиции из всего этого делают вывод, что войны 1860-х гг. должны были дорого обойтись Ротшильдам. Конечно, в дневниках дипломатов того периода много ссылок на встревоженных Ротшильдов, которые бледнеют, услышав ту или иную плохую новость: вполне типичны описания, приведенные выше, об их откликах на итальянскую войну 1859 г. Сам Джеймс во всеуслышание повторил, что его семья по традиции питает отвращение к войне. Так, в 1862 г. он сказал Бляйхрёдеру, «что принцип нашего дома – не давать деньги на войну; хотя предотвратить войну не в нашей власти, мы по крайней мере хотим сознавать, что не способствовали ей». Судя по тому, как лихорадило международные финансовые рынки, когда войны все же начинались, кажется вполне логичным предположить, что войны пагубно сказывались на балансе домов Ротшильдов. Кроме того, кажется, что объединение вначале Италии, а затем Германии означало смертный приговор для двух из пяти домов Ротшильдов. Неаполитанский дом прекратил свое существование в 1863 г., всего через три года после того, как «краснорубашечники» Гарибальди отвоевали Сицилию у Бурбонов, проложив дорогу к аннексии их древнего королевства Савойской династией. Компания «М. А. фон Ротшильд и сыновья» кое-как существовала еще тридцать лет после аннексии Франкфурта Пруссией; но его упадок (по крайней мере, в относительном выражении) начинается в 1866 г., когда Берлин насильственным путем утвердился в праве считаться новым финансовым центром Германии.

Однако у таких доводов есть один недостаток: им серьезно противоречат доказательства в виде экономической деятельности банков Ротшильдов в тот период. Как показано в таблице 3 а, 1860-е и 1870-е гг. стали двумя из трех самых прибыльных десятилетий для Лондонского дома за весь период до 1914 г. (еще одним таким десятилетием стали 1880-е гг.).

Если рассматривать все пять домов вместе, их средняя ежегодная прибыль выросла до беспрецедентного уровня в 1852–1874 гг. (см. табл. 3 б). Последние периоды 1874–1882 и 1898–1904 гг. были более прибыльными, но по сравнению с тем, что происходило до того, «годы объединения» можно считать поистине золотым веком.

Конечно, средние цифры способны ввести в заблуждение, так как они суммируют периоды войны и мира. Но даже если проанализировать ежегодные цифры более подробно, результаты оказываются неожиданными. Иллюстрация 3.1 показывает, что 1859–1861 гг. – годы войны за объединение Италии – на самом деле стали самыми прибыльными в истории Неаполитанского дома.

Таблица 3а

Прибыль банка «Н. М. Ротшильд и сыновья», 1830–1909 (средние показатели за десятилетия)

Период	Годовая прибыль, ф. ст.	Прибыль, % к капиталу
1830–1839	65 915	4,9
1840–1849	17 808	1,8
1850–1859	102 837	4,9
1860–1869	221 278	7,0
1870–1879	468 308	9,8
1880–1889	366 819	7,5
1890–1899	244 463	4,6
1900–1909	265 407	3,3

Источник: RAL, RfamFD/13F.

Таблица 3б

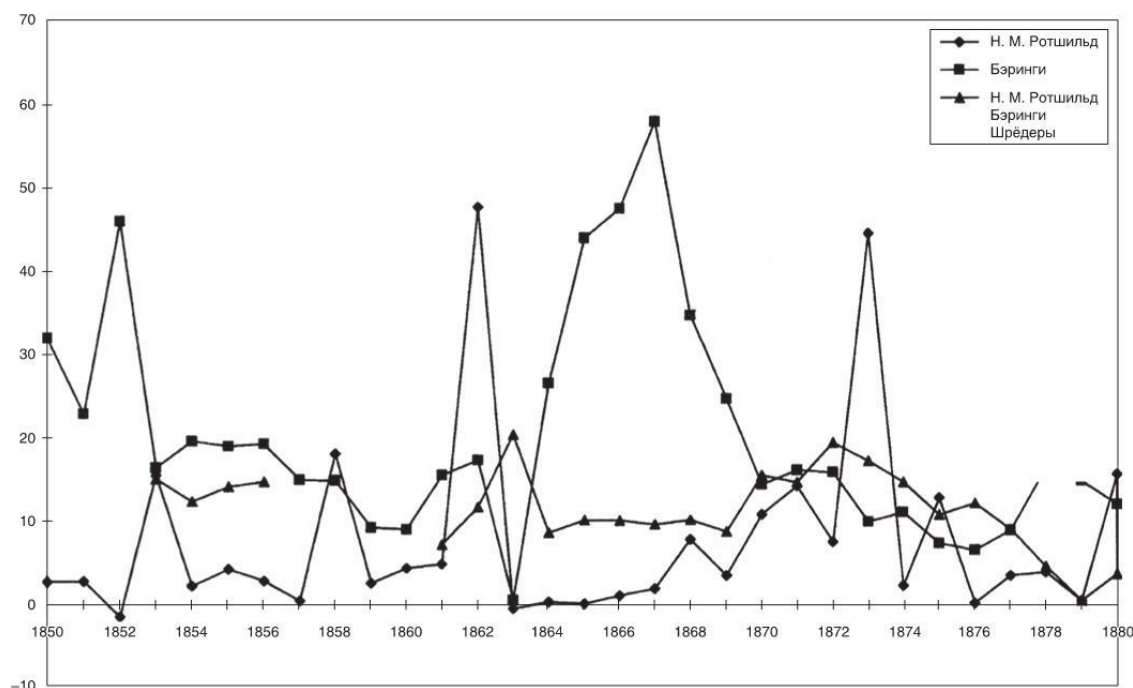
Среднегодовая прибыль домов Ротшильдов в целом, 1815–1905, тыс. ф. ст.

Период	Прибыль	Период	Прибыль
1815–1818	479	1852–1862	1304
1818–1825	330	1862–1874	1096
1825–1828	85	1874–1882	1912
1828–1836	209	1882–1887	785
1836–1844	221	1888–1896	952
1844–1852	219	1896–1904	1558

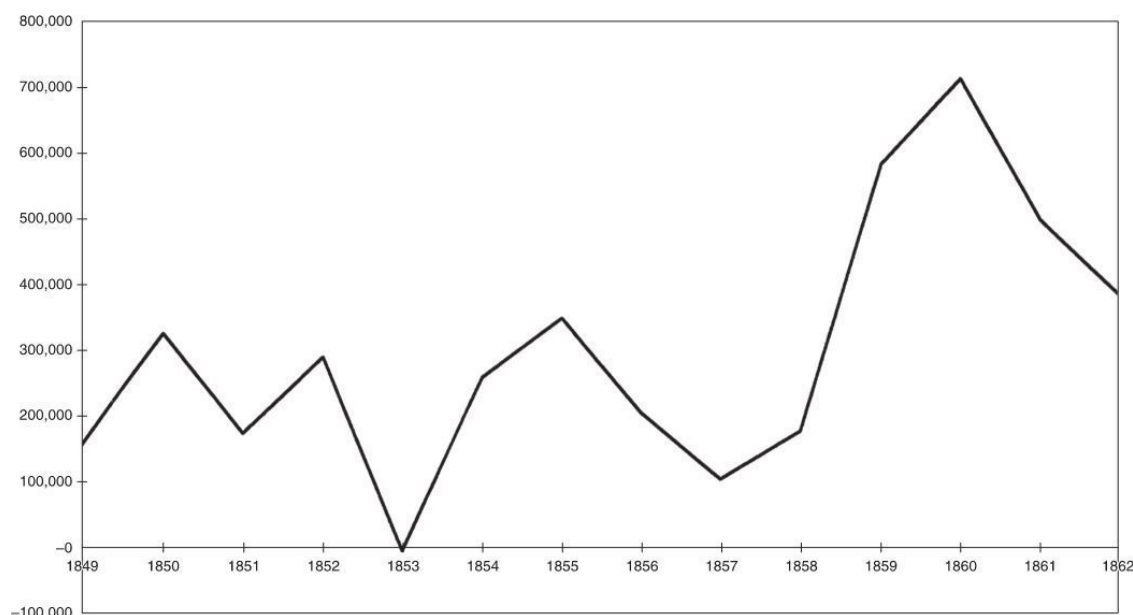
Источник: Приложение 2, таблица г.

Судя по всему, цифры для Лондонского дома больше поддерживают версию о том, что войны того периода пагубно сказывались на Ротшильдах. На иллюстрации 3.2 сравнивается годовая прибыль Нью-Корта с годовой прибылью двух главных конкурентов Ротшильдов в Сити, Бэрингов и Шрёдеров. В каждом случае прибыль исчисляется в процентном отношении к капиталу к концу предыдущего отчетного года. Такое сравнение наглядно показывает, что 1863–1867 гг., годы войны за объединение Германии, действительно были неудачными для Лондонского дома; его самыми прибыльными годами были годы мира: 1858, 1862 и 1873 гг. Похоже, что в середине 1860-х гг., охваченных войной, процветали Бэринги (и в меньшей степени Шрёдеры), хотя для Бэрингов высокие прибыли, возможно, имели больше отношения к возвращению мира в Америку, чем к войне в Европе. Тем не менее было бы нелепо предполагать, что не существовало связи между общей рентабельностью того периода в целом для Ротшильдов и возобновлением военных конфликтов. Как будет показано в дальнейшем, глав-

ным образом финансируя военные приготовления европейских государств и международные операции, которые вытекали из войн того периода, Ротшильды сумели резко повысить свои прибыли в годы мира. Войны середины XIX в. не повредили их положению ведущего многонационального банка в мире, а, наоборот, создали для Ротшильдов беспрецедентную сферу деятельности, совсем как за полвека до того война подтолкнула их к богатству и дурной славе.

3.1. Прибыль Неаполитанского дома, 1849–1862 (в дукатах)

3.2. Прибыль в процентном отношении к капиталу банков «Н. М. Ротшильд и сыновья», «Братья Бэринг» и банка Шрёдеров, 1850—1880

Войны 1850—1860-х гг. велись государствами, не имевшими огромных средств; это больше чем что-либо другое объясняет важность роли, которую в тот период играли банки, – и значительные прибыли, которые они могли извлечь. Базы налогообложения оставались ограни-

ченными. Более того, в тот период они были особенно ограниченными, поскольку все больше государств следовало примеру Великобритании в области либерализации торговли. В 1853 г. Австрия урезала тарифы и подписала торговое соглашение с возглавляемым Пруссией Германским таможенным союзом, в 1860 г. Франция подписала договор о свободной торговле с Великобританией – и в краткосрочной перспективе следствием сокращения тарифов стало сокращение прибыли до тех пор, пока брешь не заполнилась благодаря росту товарооборота. Труднее всего совершенствовать тарифы было Австрийской империи с ее неравноправными территориями. Несмотря на героические усилия, предпринятые Бруком в 1850-е гг., в тот период бюджет ни разу не был сбалансирован. В Пруссии же, наоборот, существовала относительно действенная система роста доходов, когда казну пополняли рентабельные государственные предприятия; но политический конфликт между парламентом, где главенствующее положение занимали либералы, и все более консервативным монархом делал финансы почти такими же проблематичными. Вопрос о том, кто должен определять военный бюджет – ландтаг или король, – был одним из двух основных вопросов, которые был призван решить Бисмарк. Когда он обратился ко второму вопросу – кто должен управлять Германией, – ему пришлось значительно увеличить военный бюджет. Финансовые уловки, на которые он пошел, чтобы обойти прусский парламент, играли такую же важную роль для объединения Германии, как и битвы при Садове и Седане.

Еще больше, чем в предыдущее десятилетие, к услугам политиков, стремившихся добыть деньги другими средствами, кроме налогообложения, были преимущества стремительно растущей и меняющейся международной банковской системы. Если 1850-е гг. можно назвать десятилетием «Креди мобилъе» и сходных с ним инвестиционных банков, то в 1860-е гг. наблюдалось разрастание более солидных учреждений, акционерных депозитных банков. В Великобритании это имело сравнительно ограниченное значение для Ротшильдов, потому что большинство депозитных банков почти исключительно концентрировались на таких внутренних финансовых операциях, которых лондонские Ротшильды всегда избегали. Тем не менее в результате либерализации английского корпоративного права в 1856 и 1862 гг. предпринимался ряд попыток учредить акционерные банки с иностранным участием, из которых Англо-австрийский банк, основанный в январе 1864 г. Джорджем Гренфеллом Глином, представлял, пожалуй, самую серьезную опасность для интересов Ротшильдов. Эти новички, выражаясь словами старшего сына Лайонела Натти, «совершали огромное количество рискованных операций, настолько, что дядя Маффи [Майер] готов был вести с ними очень мало дел, если вообще иметь с ними дело».

Во Франции Джеймсу пришлось довольствоваться четырьмя крупными новыми конкурентами, появившимися в тот период: «Индустриальный и коммерческий кредит» (*Crédit industriel et commercial*), основанный в 1859 г., «Общество депозитов и счетов» (*Société de dépôts et comptes courants*) (1863), «Сосьете женераль» (1864) и «Лионский кредит» (*Crédit Lyonnais*), который открыл парижский филиал в 1865 г. Более того, не всех их можно считать конкурентами в строгом смысле слова. Так, «Сосьете женераль» был основан группой, в которую входили Талабо, Бартоломи и Делахант, уже связанные с Ротшильдами в различных железнодорожных компаниях, и новый банк часто действовал совместно с Ротшильдами. Отношения с «Лионским кредитом» также носили теплый характер. Более того, новые банки представляли более серьезную угрозу для «Креди мобилъе», который и сам все больше действовал как депозитный банк после ограниченного успеха своих честолюбивых инвестиционных проектов 1850-х гг.⁵⁰ Тем не менее само их существование способствовало расширению оснований французских финансов, что могло лишь относительно уменьшить влияние Рот-

⁵⁰ В 1860–1866 гг. «Креди мобилъе» отвечал примерно за 28 % общего количества депозитов всех шести крупнейших депозитных учреждений.

шильда в Париже. Джеймс предпочел не участвовать напрямую в «Сосьете женераль», хотя его недвусмысленно приглашали «встать во главе» этого учреждения; очевидно, после «Реюньон финансьер» он передумал учреждать собственный акционерный банк в Париже. И в Австрии возникали новые акционерные предприятия, составившие конкуренцию «Кредитанштальту» Ротшильдов. В 1863 г., когда Джеймсу и Ансельму предложили учредить в Вене австрийский вариант «Креди фонсье», они отказались. Их отказ открыл путь бельгийскому финансисту Ланграну-Дюмонсо, желавшему создать международную сеть ипотечных банков и других учреждений. Будучи католиком, он открыто противопоставлял себя иудеям Ротшильдам.

Все это предоставляло воюющим сторонам более широкий выбор, чем в прошлом: если Ротшильды отказывались предоставить им требуемые средства, они обращались к другим. Поэтому Ротшильды больше не могли рассчитывать на возможность применить вето к воинственным политикам (если такая возможность вообще когда-либо существовала). И хотя отдельные страны проигрывали войны из-за недостатка средств, но это не мешало их правительствам развязывать войны. Если и есть экономическое объяснение поражения Австрии, Конфедерации и Франции, одно из них заключается в том, что они были меньше способны эксплуатировать новые источники финансирования, чем Пьемонт, Северные штаты и Пруссия; точнее, финансовые рынки испытывали меньше желания предоставлять им займы. В ту эпоху растущая интеграция международной денежной системы наделила банкиров в целом беспрецедентной властью, хотя ни один отдельно взятый банк и не мог похвастать таким же влиянием, каким пользовались Ротшильды до 1848 г. Сочетание свободной торговли и развития биметаллизма как международной денежной системы сокращало свободу маневра для политиков; небольшие просчеты – как дипломатические, так и финансовые – могли привести к быстрому наказанию со стороны инвесторов. Очевиднее всего такое наказание выражалось, конечно, в падении цен на государственные облигации или падении спроса на ту или иную валюту. Конвертируемость валют подвергалась своеобразному экзамену. Таблица 3 иллюстрирует серьезность кризиса 1858–1859 гг. для австрийских облигаций по сравнению с облигациями Великобритании и Франции. То, что облигации одной из великих держав способны были в результате военных поражений потерять более половины своей цены, говорит само за себя.

Таблица 3в

Финансовые последствия объединения Италии

	Самая высокая цена	Дата	Самая низкая цена	Дата	Изменения, %
Британские 3%-ные консоли	98,00	Декабрь 1858	89,62	Июнь 1861	–8,6
Французские 3%-ные рентные бумаги	72,00	Декабрь 1858	60,00	Май 1859	–16,7
Австрийские 5%-ные «металлики»	81,88	Апрель 1858	38,00	Май 1859	–53,6

Примечание. Цифры для Великобритании и Франции приводятся по еженедельным ценам закрытия на Лондонской бирже; цифры для Австрии и Пруссии приводятся по заключительным ценам конца года на Франкфуртской бирже.

Источники: Spectator; Heyn, «Private banking and industrialisation». P. 358–372.

От Турина до Сарагосы

Дипломаты и политики в 1859 г. докладывали об «озабоченности» Ротшильдов. На самом деле в то время Ротшильды тщательно взвешивали все за и против, желая убедиться, что обе стороны конфликта заплатят им за их финансовые услуги. Этот фактор, естественно, упускают из виду историки, привыкшие полагаться в первую очередь на письма и дневники дипломатов. Таким образом, призывая Наполеона III сохранить мир, Джеймс без всяких колебаний отдал 500 млн франков на французский заем 1858 г., получивший название «военного». В то же время Лондонский дом в январе 1859 г. возглавил размещение займа Австрии на 6 млн ф. ст., направленный на укрепление фискальной и денежной стабилизации, достигнутой Бруком после его назначения министром финансов в 1855 г.⁵¹ Вопрос с Пьемонтом казался более сомнительным. Летом 1858 г., после долгих переговоров, Джеймс помог организовать пьемонтский заем в 45,4 млн лир (номинал) для Кавура (разделив облигации между Парижским домом и Туринским национальным банком) после того, как правительство осознало, что у открытой подписки на внутреннем рынке мало шансов на успех.

Однако в декабре следующего года, когда Кавуру понадобилось еще 30–35 млн на французском рынке капитала, положение изменилось. Кавур попытался помириться с Перейрами, обещая, что откажет Джеймсу в «монополии над нашими рентными бумагами, которых он столько лет домогается». «Если, разведясь с Ротшильдом, мы сочетаемся браком с Перейрами, – размышлял Кавур, – из нас, наверное, получится счастливая пара». Но на сей раз стратегия натравливания двух конкурентов друг на друга не возымела успеха; ни одна из сторон не горела желанием соглашаться на условия, предлагаемые Кавуром, и он вынужден был прибегнуть к ограниченной открытой подписке, выпустив рентных бумаг на 1,5 млн франков по цене значительно ниже той, по которой он предлагал продавать их банкам (79 против 86). Такой исход отражал не столько отказ Ротшильдов финансировать войну, сколько общее нежелание, которое разделял и «Креди мобиле», выпускать большое количество облигаций после неудачи австрийского займа. Однако следует отметить: несмотря на то, что Джеймс говорил Хюбнеру, Ротшильды все же приняли участие в последнем предвоенном займе Кавура, взяв облигаций на 1 млн лир, когда он продал их еще на 4 млн.

Таким образом, в конце апреля 1859 г., когда, наконец, началась война – после опрометчивого ультиматума, предъявленного Австрией, ошибочно полагавшей, что Россия и Пруссия встанут на ее сторону, – Ротшильды сыграли хотя бы какую-то роль в финансовых приготовлениях всех трех противоборствующих сторон. Простодушно предполагать, что они пытались предотвратить войну и потому ее начало стало для них серьезным ударом, – значит делать ту же ошибку, какую делали в то время Хюбнер и другие: судили Джеймса по его словам, а не по делам. Джеймс прекрасно понимал, что никак не сможет остановить войну; он стремился минимизировать потери от уже проведенных операций и максимизировать прибыли по любым новым операциям, которые могли возникнуть в связи с войной. Классической иллюстрацией этого положения служит телеграмма, посланная из Лондона в Парижский дом 30 апреля 1859 г. – в тот день, когда австрийские войска перешли границу Сардинии, – которая гласит: «Начались враждебные действия Австрии нужен заем в 200 млрд флоринов».

Впрочем, война прекратилась сама по себе. Как только Австрия была разгромлена в битве у Сольферино (24 июня), Наполеон поспешил выдвинуть условия, вполне объяснимо боясь последствий того, что Пруссия объявила мобилизацию в Рейнской области. В Виллафранка (12 июля) он добился компромисса с Францем Иосифом; в результате могло пока-

⁵¹ Франкфуртский дом взял 1 млн ф. ст. из этого займа, а Австрийский национальный банк – 1,5 млн ф. ст. В Лондоне выпущенные пятипроцентные облигации котировались по 80 – катастрофическое капиталовложение для тех, кто их покупал.

заться, что Кавур брошен на произвол судьбы: Австрия вернула себе Венецию и ломбардские крепости и добилась смутного обещания, что другие итальянские правители, которым угрожали восстания националистов, будут восстановлены на престолах. Только когда стало очевидно, что с помощью таких мер удастся предотвратить кризис на Рейне, возобновились планы объединения Италии. В конце декабря 1859 г. многим казалось, что Наполеон III готов бросить папу римского (которого французские войска до тех пор теоретически защищали). В январе 1860 г. Кавура восстановили в должности; а 23 марта они с Наполеоном обновили Пломбьерское соглашение. В обмен на Савойю и Ниццу Франция готова была поддержать ряд плебисцитов в итальянских государствах, исход которых был предreshен. Но возникало два вопроса. Может ли Кавур контролировать революцию, которую он начал? Только когда «Тысяча» Гарибальди выбежала из тумана в Неаполе, а армия Кавура пронеслась по Папской области, стало ясно, что он добился успеха и новая Италия станет монархией по образу и подобию Пьемонта. Вторым вопросом стал вопрос о том, станут ли великие державы снова вмешиваться, как они делали до того много раз, чтобы сохранить в Италии порядок, установленный еще Меттернихом. Но Пруссия соглашалась спасти Австрию только в обмен на гегемонию в Германии, в чем Австрия ей отказывала; Россия же готова была порвать с Францией только в обмен на пересмотр договора 1856 г. о Черном море, против чего выступала Великобритания.

Трудно сказать, что думали все Ротшильды о новом королевстве Италия, официально провозглашенном в 1861 г. Джеймс дважды давал понять Кавуру, что объединение ему по душе; в то же время более молодые члены семьи, жившие в Англии, поддались италофильскому воодушевлению. В 1860 г. дочери-подростки Энтони, Констанс и Энни, «за какие-нибудь полчаса переложили гарибальдийский гимн свободе английскими стихами». С другой стороны, Джеймса беспокоила роль, которую играл Гарибальди. Удивляться нечему: вторгнувшись в Неаполь в сентябре 1860 г., Гарибальди поставил тамошний дом Ротшильдов в очень трудное положение. Адольф предпочел бежать с Франциском II, королем из династии Бурбонов, в Гаэту, к северу от Неаполя. Вскоре стало очевидно, что ни Джеймс, ни Ансельм не собираются предоставлять займы монарху в изгнании (в 1,5 и 2 млн франков соответственно), которые он просил. Смущение Адольфа, возможно, отчасти объясняется враждебностью его сестры Шарлотты по отношению к Гарибальди, «итальянскому мятежнику». Она горько сожалела, что руководство партии вигов в 1864 г., когда он посетил Англию, оказало ему «радушный прием». Если вспомнить, как Шарлотта два года спустя осуждала Бисмарка, и сравнить ее замечания, можно понять, как изменились взгляды женщины, которая ранее с воодушевлением приветствовала революции 1848 г., и до какой степени она в последующие годы усвоила взгляды своего дяди Джеймса на текущие события.

Взгляды Джеймса можно назвать поистине наднациональными; националистическая риторика его почти не задевала – он приписывал ее прискорбной склонности демократизировать международные отношения. Вот почему Джеймс с таким подозрением отнесся к Гарибальди, каждый шаг которого как будто ослаблял биржу. По его мнению, Наполеон III проявил слабость, потому что учитывал чувства французского народа при формировании своей внешней политики. Позже он считал признаком ненадежности Бисмарка то, что он готов был эксплуатировать националистические настроения в Германии в интересах Пруссии. По мнению Джеймса, события 1860 и 1866 гг. слишком напоминали о 1848 г. С другой стороны, нельзя считать Джеймса негибким реакционером, призывавшим соблюдать условия договоров 1815 г. Он предпочитал думать о государствах как об операциях, что можно назвать вполне разумным подходом, если учесть, сколько итальянских политиков (например, Кавур и Бастоджи) в прошлом были банкирами. Таким образом, то, в чем историки, следующие примеру тогдашних интеллектуалов, видели создание нации, Джеймс приравнивал к процессам слияния и разъединения. Это лучше позволяет понять его отношение к затруднениям Австрии после 1859 г. Взятие власти в Италии Пьемонтом имело смысл и было успешным; Австрия

после поражения была так же слаба в финансовом отношении, как и прежде. Поэтому ей следовало продать права на Венецию или Гольштейн тем государствам, которым по карману было их содержать, – Италии и Пруссии. Джеймса немного озадачивало то, что австрийский император предпочел воевать, а не извлечь выгоду из поражения Габсбургов, продав права на отдельные части империи. В конце концов, для Джеймса не было большой разницы, управлялась Венеция из Вены, Турина или Флоренции; для него карта Европы по-прежнему была скорее сетью железных дорог, чем множеством государственных границ. Более того, как совершенно справедливо выразился Шафтсбери, самым важным последствием итальянской войны для Ротшильдов стало то, что после нее значительная часть территории, по которой проходили Имперская Ломбардо-Венецианская и Центрально-итальянская железные дороги, перешла из Австрии в новое королевство – Италию. Самыми важными статьями Цюрихского договора (ноябрь 1859 г.) стали те, в которых подтверждалось действие существующих концессий, дарованных Австрией в Ломбардии, заменивших новое итальянское государство в договорах там, где это возможно, и тот же принцип применялся к концессиям, предоставленным различными итальянскими государствами в июле 1860 г. Формально отдельные компании прокладывали железнодорожные пути по обе стороны итало-австрийской границы; на практике те же акционеры по-прежнему встречались в Париже под председательством Джеймса и обсуждали дела всей железнодорожной сети на севере Италии.

Именно в таком свете следует рассматривать реакцию Ротшильдов на объединение Италии. Вначале он собирался предложить свои услуги и побежденным, и победителям в равной степени. Уже в августе 1859 г. австрийское правительство с удивлением узнало, что Парижский дом выпускает облигации для Тосканы, хотя на самом деле тогдашняя эмиссия дополняла предыдущую операцию. В марте следующего года Джеймс через Ансельма передал, что будет рад помочь и австрийскому казначейству, которое с трудом пыталось покрыть дефицит. Что характерно, он воспользовался слабостью Габсбургов, чтобы выдвинуть первое из многих условий. Он готов был выделить до 25 млн из запланированного займа в 200 млн гульденов, при условии, если в операции не будет принимать участия ни один другой иностранный банк. «Министр не хочет доверять эту операцию нашим домам, – угрожающе писал он, – и он понятия не имеет, какой вред он наносит собственному кредиту и какому риску подвергает успех всего предприятия. Публика уже привыкла к тому, что наши дома так или иначе покровительствуют всем австрийским [займам?]». Если операцию не поручат исключительно Ротшильдам, общественность решит, «что мы умываем руки и утратили веру в австрийские финансы, что произведет очень плохое впечатление».

В августе Джеймс послал такое же письмо в Турин, где в августе 1860 г. выпустили новый заем на 150 млн лир. Хотя он взял примерно на 17,5 млн лир новых 4,5 %-ных рентных бумаг (по цене в 80,5), Джеймсу казалось, что ему должны были дать больше. Он объявил, что это «место, где можно сделать деньги, и у них есть для нас работа»: «Я далек от мысли, что нам следует предлагать новую операцию или говорить, что мы охотно позволим вырасти их рентным бумагам. Нет, ибо, если Гарибальди будет продолжать в том же духе, никакого роста я не предвижу, и даже если он останется спокоен, мне все равно будет казаться, что лучше немного продать... Если сейчас... нам придется продать ренты на 1 млн, чтобы показать нашу силу, я ничего не имею против».

Как мы увидим в дальнейшем, Ротшильды способны были воспользоваться последствиями итальянской войны для того, чтобы вернуть свое влияние и во Франции, хотя там их завуалированные угрозы оказались излишними.

Джеймс даже пытался оживить давние отношения с Ватиканом, хотя сам поспешил избавиться от его облигаций в декабре 1860 г. Если он опасался, что Кавур и Гарибальди вскоре учредят новую столицу Италии в Риме, вскоре Джеймс осознал свою ошибку: несмотря на желание Наполеона уступить Папскую область Кавуру, для него оказалось невозможно с

политической точки зрения вывести французские войска из самого Рима. По этому вопросу император оставался заложником своих союзников-ультрамонтанов, сторонников абсолютного авторитета римского папы. Поэтому в 1863 г., когда хронически неплатежеспособный Ватикан вынужден был снова обратиться на улицу Лаффита, Ротшильды охотно согласились помочь, хотя и не в такой степени, как надеялся папа. С самого начала, с 1830-х гг., их отношения всегда казались неправдоподобными. Учитывая aggressively реакционное отношение Пия IX в тот период, с высоты сегодняшнего дня подобные отношения выглядят довольно странными, и нет ничего удивительного, что папский нунций в Париже шутил: «Тезис заключается в том, чтобы сжечь местье де Ротшильда; гипотеза – в том, чтобы ужинать с ним». В действительности те конкуренты (вроде Ланграна-Дюмонсо), которые мечтали заменить «Иуду» «католической финансовой силой», не обладали финансовой силой Ротшильдов; а в их силе очень нуждались, так как кредит Ватикана в 1860-е гг. серьезно просел. Более того, отдельные члены семьи особенно почтительно относились к чувствам католиков. Так, на Шарлотту произвели большое впечатление особенности католического богослужения и благотворительные учреждения англокатоликов. Да и сам Джеймс в 1867 г. выказал определенное почтение к католицизму, когда отказался ратифицировать крупный итальянский заем, который предлагалось обеспечить временными владениями духовенства.

Решение устранившись от займа 1867 г. необходимо также рассматривать в контексте растущего разочарования Ротшильдов в финансовой политике молодого итальянского государства. Уже в декабре 1861 г. Джеймс начал сомневаться в стабильности финансов нового государства. Похоже, жаловался он, министр финансов вознамерился «погубить» собственный кредит, придавая больше значения новым военным расходам (в предвкушении дальнейших битв для завершения процесса объединения страны), чем уже существующим государственным задолженностям. В течение 1860-х гг. Джеймс не терял оптимизма относительно долгосрочных экономических перспектив нового государства: он называл Италию «нашим любимым коньком». Трудность заключалась в том, что, хотя новое правительство мечтало наложить руки на Рим и Венецию, его военные расходы все увеличивались. К тому же на юге Италии существовало серьезное сопротивление тому, что казалось тамошним жителям господством Пьемонта. Это углубляло пропасть между расходами молодого государства и его доходами. В 1859–1865 гг. новое правительство заняло не менее 1850 млн лир: текущие поступления от налогов и из других источников покрывали лишь половину его расходов. Такая политика, естественно, влияла и на итальянские облигации, и на новую валюту. Итальянские рентные бумаги, которые, как Джеймс предсказывал в 1862 г., «вырастут до 75... если не до 80», опустились до низшей точки в 1866 г. Они котируются по 54,08 – ниже, чем римские облигации. 1 мая 1866 г., через год после того, как Италия вступила в Латинский монетный союз с Францией, Бельгией и Швейцарией, и накануне возобновления войны с Австрией, правительству пришлось временно отменить конвертируемость лиры.

Таким образом, молодое итальянское государство с финансовой точки зрения оказалось разочарованием. Письма Ротшильда 1860-х гг. полны оскорблений в адрес нового королевства: итальянцев он называл «сбродом», а постоянно меняющихся министров – «ослами» и «идиотами». Саму же Италию он называл не более чем «притворной великой державой». В сентябре 1864 г. Альфонс произвел на свою кузину (и тещу) Шарлотту впечатление «озабоченного, потому что дом перегружен итальянскими ценными бумагами. Он говорит, что королевство Италия протянет недолго»; кроме того, Альфонс предчувствовал рост «ненависти между Неаполем, Сицилией, Тосканой и Пьемонтом». До начала объединения Джеймс надеялся, что новое государство станет чем-то вроде более крупного Пьемонта; вместо того, как с досадой заметил Альфонс в 1866 г., кредит Италии стремительно падал и сравнивался с кредитом Испании или Мексики. «Эти итальянцы настоящие мошенники, – сердито писал он, услышав о новом налоге на иностранный капитал, – и я по крайней мере могу поздравить себя с тем, что

всегда считал их такими, несмотря на лирику и тирады в их защиту, которые произносились в Англии и Франции».

С другой стороны, и слабое правительство могло стать источником хороших операций. Несмотря на ворчанье Джеймса, Ротшильды несколько раз помогали Национальному банку пополнить тающие резервы драгоценных металлов начиная с сентября 1862 г. Через полгода Лондонский и Парижский дома провели крупную эмиссию рентных бумаг примерно на 500 млн франков (номинал)⁵². Однако вскоре деньги понадобились снова, и в 1864 г. правительство и его банкиры долго спорили из-за цены, по которой правительство соглашалось продавать свои казначейские векселя. Более или менее приготовившись к выпуску рентных бумаг еще на 150 млн, Ротшильды с ужасом узнали, что итальянское правительство продает краткосрочные облигации по такой цене, которая расшатывала рынок. Только для того, чтобы предотвратить дальнейшее падение, Джеймс и Лайонел договорились о займе в размере 17–18 млн лир золотом.

Хотя неспособность итальянского правительства сбалансировать бюджет и последовавшее вскоре падение цен на государственные облигации смущали главных иностранных банкиров Италии, все вышеописанные операции отнюдь не были неприбыльными. И все же Джеймс и Лайонел были недовольны полученной комиссией. Вдобавок они хотели воспользоваться постоянными трудностями итальянского правительства с движением денежной наличности для того, чтобы вынудить его предоставить уступки их железнодорожной компании. Правда, их надежды на «слияние» Ломбардской линии и всех незавершенных линий к югу от Ливорно, Рима и Неаполя не оправдались из-за политической оппозиции в новом итальянском парламенте, где не хотели, чтобы иностранцы контролировали национальную железнодорожную сеть; депутатам, естественно, хотелось, чтобы у Италии было не только свое государство, но и свои железные дороги. Но к 1865 г. финансовые потребности правительства пересилили такой экономический национализм: за 200 млн лир договорились продать существующие государственные линии Ломбардской компании. Из-за этого финансы самой компании оказались в опасности и потребовались краткосрочные займы и от Ротшильдов, и от «Сосьете женераль» Талабо. Одновременно компания хотела собрать необходимые средства, выпустив новые облигации. Можно считать такие инвестиции стратегическими в силу таких же приобретений в Австрии и Швейцарии.

Кроме того, в 1865 г. возобновились дебаты о строительстве железной дороги через Альпы. Пока остальные обсуждали относительные достоинства перевалов Фрежюс (Франция), Лукманьер/Сен-Готард (Швейцария) и Бреннер (Австрия), Джеймс сохранял невозмутимость, так как он подумал почти обо всем. В то время как другие объединяли отдельные страны, Ротшильды втихомолку объединяли Европу. Как Джеймс сказал Ландау в декабре: «Все эти вопросы взаимосвязаны». «Совершенно не приходится сомневаться, – с радостью писал он банкиру д'Эйхталю, – что линия Бреннер... станет первым маршрутом через Альпы, в самом центре Европы, и весьма выгодно для себя отвлечет большую часть общего трафика с Восточной, Средиземноморской и Адриатической линий на запад Европы...» Вот что представляла собой для Джеймса карта Европы – карту железных дорог.

Параллель, которую Альфонс провел с Испанией, весьма полезна, так как в тот период в самом деле прослеживается поверхностное сходство между операциями Ротшильдов в Испании и в Италии. И в Испании главными были железные дороги, а Сарагосская линия играла ту же роль в испанских расчетах Джеймса, что и Ломбардская линия в Италии. Как и итальянское правительство, правительство в Мадриде продолжало существовать в условиях бюджетного

⁵² Весь заем, объявленный правительством, составлял 700 млн франков, из которых бумаг на 500 млн требовалось выпустить немедленно. Парижский и Лондонский дома договорились выкупить на 285 млн 720 тысяч франков пятипроцентных бумаг по 71 при комиссии в 1 % и гарантировать еще 214 млн 300 тысяч франков. Лондонский дом выпустил облигаций всего на 75 млн франков, так как рынок для итальянских облигаций был менее устойчивым, чем в Париже.

дефицита – так было почти без перерыва начиная с 1820-х гг. В обоих случаях условием финансовой помощи Ротшильдов становились железнодорожные концессии. Однако существовало три различия между Испанией и Италией. Во-первых, в Испании сильнее ощущалась политическая нестабильность: за военным переворотом 1854 г., вызванным протестом против абсолютистских претензий королевской семьи, последовала полномасштабная революция. Старые разногласия между «умеренными» и «прогрессистами» – во главе обеих партий стояли свои полководцы – привели к конституционному кризису 1856 г. «Умеренный» режим генерала Леопольдо О’Доннела был свергнут в 1863 г. в результате еще одного переворота. Через три года еще один генерал совершил неудачную попытку *pronunciamento* (военного переворота). Иногда такой политический хаос бывает весьма поучителен. В декабре 1864 г. Джеймс писал: «Здесь ничего нового. В Испании смена правительства». Но в феврале 1867 г. он пророчески предупреждал сыновей, что в Испании надо ожидать «1792 года». «В целом, – размышлял Альфонс ближе к концу того года, – Испания движется в направлении, противоположном остальным странам. Испания спокойна, когда весь остальной мир в неприятностях, и устраивает революции, когда остальной мир отдыхает». Он называл Испанию «страной сюрпризов, где... невозможно рассчитывать на завтрашний день».

Второе различие между Испанией и Италией, как не уставал напоминать братьям Нат, заключалось в том, что в Испании была более долгая история несостоятельности: всякий раз, как испанское правительство выходило на рынок облигаций, оно встречалось с недовольными держателями старых «пассивных долгов», по которым прежнее правительство объявило дефолт. Острый дефляционный кризис, охвативший Испанию в середине 1860-х гг., едва ли способствовал росту ее кредитоспособности. Наконец, испанские железные дороги были гораздо менее рентабельными, чем итальянские. В середине 1860-х гг., когда правительственные субсидии закончились, Сарагосская линия задолжала Парижскому дому целых 40 млн франков и имела годовой дефицит в 1,5 млн франков. Письма Парижского дома полны горьких сетований по поводу финансового «кошмара».

Этим во многом объясняется сравнительно осторожное отношение Джеймса и его племянников к очередной просьбе очередного испанского правительства о займе в 1860-е гг. В 1861–1862 гг. удалось договориться о небольшой ссуде; но более крупная операция в 1864 г. потерпела неудачу, предположительно из-за попыток таких конкурентов, как Бэринги и Перейры, заполнить этот пробел. Через два года Джеймс соглашался одобрить новый заем в 8 млн франков только в обмен на налоговые льготы или субсидии для его железнодорожной компании (судя по некоторым признакам, такая цель на время сплотила Ротшильда с Перейрами). Однако конкурирующая группа французских банков под руководством Фульда и Хоттингера обошла их, предложив мадридскому правительству новую эмиссию на сумму около 79 млн франков. В 1867 г. Испания взяла еще один заем, организованный «Сосьете генераль» (при поддержке Бэрингов), с помощью которого рассчитывали конвертировать так называемый «пассивный долг», выплаты процентов по которому были приостановлены. Хотя конкуренция раздражала Джеймса, история просто повторялась: английские Ротшильды очень не хотели связываться с новыми испанскими облигациями, предпочитая, как раньше, предоставлять Испании небольшие займы в обмен на продукцию Альмаденского месторождения. Другие виды предложенного обеспечения – монополия на соль, монополия на табак или доход от колониальных товаров на Кубе – не обладали притягательностью ртути: английские Ротшильды всегда предпочитали металлы, и чем они драгоценнее, тем лучше.

Французские Ротшильды, наоборот, главным образом хотели закрепить за собой концессии на увядающую Сарагосскую линию. С этой целью они готовы были и дальше предоставлять Испании небольшие ссуды и даже новый крупный заем: как справедливо выразился Энтони, «в первую очередь барон думает о железных дорогах». Мучительные переговоры 1867 г. вращались вокруг запрета хождения испанских облигаций на французской бирже, который был

наложен в 1861 г. в попытке бороться с экспортом капитала. Французский премьер Эжен Руэр признавался, что хотел бы покончить с запретом – и таким образом допустить новый испанский заем – при условии, что испанское правительство приведет в порядок финансовые дела. Вопрос заключался в том, получит ли Сарагосская линия после реорганизации какие-либо преференции, к которым стремился Джеймс. Впрочем, до конца неясно, зачем испанскому правительству понадобилось занимать от 10 до 100 млн франков просто для того, чтобы передать их контролируемым Францией железнодорожным компаниям. Переговоры, которые начались от имени правительства Нарваэса и велись банком Саламанки, еще тянулись, не приводя ни к каким результатам, когда грянула революция – к тому времени Нарваэс уже умер, а банк Саламанки обанкротился. «Немного надежности и стабильности в политической системе, – ворчал Альфонс, – были бы куда действеннее, чем любая субсидия». Однако его надеждам не суждено было осуществиться: в сентябре коалиция генералов, возглавляемая Хуаном Примом, начала успешную революцию, свергнув королеву Изабеллу. Более того, одной из причин, по которой переговоры о займе оказались безрезультатными, скорее всего, стали опасения банкиров, которые предчувствовали мятеж. Как признавался Альфонс, Вайсвайлер «давно предчувствовал катастрофу».

Наполеон в Ферьере

Само по себе примечательно, что Альфонс мог рассчитывать на поддержку со стороны французского правительства в переговорах с Испанией. На первый взгляд роль Франции в объединении Италии можно считать одним из наивысших достижений Наполеона III, и Вторая империя никогда не выглядела более внушительной извне, чем в начале 1860-х гг. В апреле 1861 г., когда Лайонел посетил Париж, он был потрясен масштабной перестройкой города, проведенной под руководством барона Жоржа Османа. «Не скрою, – полушутя заметил он, увидев широкие новые бульвары, проложенные на месте тесных переулков старого города, – мне жаль, что нельзя позаимствовать такого человека, как император, чтобы он кое-что изменил и в старом Лондоне». Однако под внешним лоском скрывались серьезные недостатки Второй империи. Отчасти они были дипломатическими. Ничто так не настроило против Наполеона английских либералов, как захват Савойи и Ниццы в марте 1860 г.; такое подтверждение «огромных планов», сродни планам его дяди, сводило на нет все дипломатические плюсы англо-французского торгового договора, подписанного в том же месяце. По мнению Джеймса, англо-французские противоречия сулили Франции одни неприятности; он считал, что все произошедшее стало результатом отречения Луи-Филиппа. «Самые революционные достижения во французской внутренней политике, – говорил он в октябре 1859 г. новому австрийскому послу Рихарду Меттерниху, – не так глубоко повлияют на здешний финансовый мир, как разрыв с Англией». «Очень жаль, – заметил Майер Карл в марте следующего года, – что благоприятное впечатление от договора страдает из-за всех неудачных речей [об Италии], которые ни к чему хорошему не ведут... и могут испортить взаимопонимание, которое должно существовать между Англией и Францией во имя общей безопасности в Европе». По словам одного дипломата, «крупные парижские финансисты, и особенно Ротшильды... сеют панику и кричат во всеуслышание, что война между двумя великими морскими державами неизбежна».

Такое охлаждение отношений отразилось и на экономике. Гражданская война в США привела начиная с 1860 г. к утечке золота из Европы через Атлантику. Процесс затронул и Лондон, и Париж; но в то время, как Английский Банк для защиты своих резервов полагался главным образом на рост учетной ставки, Банк Франции еще не совсем перешел к строгой имитации методов «Старушки с Треднидл-стрит». Отчасти для того, чтобы избежать дальнейшего роста учетной ставки – против чего высказывались некоторые директора, – управляющий Банком Франции в ноябре 1860 г. разрешил закупать золото в Лондоне. К сожалению, его

агент совершил ошибку и пошел на конфронтацию, изъяв 300 тысяч ф. ст. напрямую из самого Английского Банка. Альфонс осудил его действия. Договор об обмене 50 млн франков золотом из Английского Банка на эквивалентную сумму серебром из Банка Франции предоставил Банку Франции лишь временную передышку, причем Банк Франции подвергся дополнительному давлению из-за ненормально большого французского торгового дефицита и финансовых потребностей правительства.

Эти трудности вынудили правительство обратиться к Ротшильдам. В октябре 1861 г. договорились о сложной операции, посредством которой банк «Братья де Ротшильд» и еще пять парижских банков (Хоттингера, Фульда, Пилле-Виля, Малле и Дюрана) выписали векселя сроком на три месяца на Лондонский дом и банк Бэрингов на общую сумму в 2 млн ф. ст., с целью сократить наценку на векселя в фунтах стерлингов и остановить утечку золота через Ла-Манш. В то же время Банк Франции продавал рентные бумаги (отчасти шло вразрез с указанными операциями на открытом рынке, поскольку Банк выпустил на 50 млн франков векселей меньшего достоинства). Однако предпринятые меры так и не разрешили трудностей Банка Франции, которые продолжались и в 1862–1864 гг., когда золото и серебро направлялось в Египет и Индию, где во время блокады американского Юга находились основные поставщики хлопка для европейской текстильной промышленности.

Для Ротшильдов дефицит денег означал восстановление влияния; точнее, он означал падение влияния многих их конкурентов. В 1861 г. Жюль Миреса арестовали за мошенничество. Джеймс радовался его падению. «Ротшильд ликует, — заметил Мериме, — и говорит, что он единственный барон в этой сфере». Кроме того, в начале 1860-х гг. проявились первые признаки уязвимости «Креди мобилъе». Вложив много средств в недвижимость через свою дочернюю компанию, «Компани иммобильер», Перейры в 1864 г. поняли, что с трудом сводят концы с концами. По мере того как гасли эти звезды 1850-х гг., Альфонс, напротив, прибавлял в весе. В совете директоров Банка Франции к нему прислушивались как к стороннику экономической ортодоксальности. В октябре 1864 г. Альфонс назвал «Креди мобилъе» «главным виновником» денежного кризиса, и «единственное лекарство заключается в энергичном сопротивлении Банка». Он опасался, что отмена конвертируемости франка станет последней надеждой Перейров на выживание. «Положение в самом деле критическое, ибо это борьба не на жизнь, а на смерть между старой... и новой системой... между «Креди мобилъе» и банками страны». Поэтому показания, которые он и его отец давали на заседании комиссии по расследованию финансового положения в 1865 г., стали «некрологом заранее» по амбициям Перейров заменить Банк Франции более экспансионистской системой кредита. «Вы хотите учредить дюжину банков? — спросил Джеймс у комиссии, ссылаясь на просьбы Перейров о либерализации кредитно-денежной политики. — Вы желаете дать им право денежной эмиссии? Где тогда окажется доверие? Допустим, я возглавляю небольшой банк, у которого мало денег, а ему нужно много. Я бы не стал принимать меры предосторожности, а сказал бы: «Будь что будет! Какой-нибудь другой банк придет мне на выручку. Вот как поступят все маленькие банки... они будут смотреть на Банк Франции, как на материнский банк, который обязан платить за глупость других».

Джеймс и Альфонс утверждали: денежная политика может быть делом только Банка Франции; уверенность испарится, если конвертируемость его банкнот окажется под угрозой; его поведение должно по возможности напоминать поведение Английского Банка за одним важным исключением: серебро по-прежнему должно иметь равный статус с золотом в банковских резервах. Перейры стремились нанести ответный удар, обвинив в своих трудностях высокую учетную ставку Банка Франции и утечку французского капитала за границу, организованную Ротшильдами. Как выразился Эмиль Перейра в ноябре 1865 г., «в Банке Франции... есть люди, которые желают мне зла... Но не я финансировал железные дороги в Сарагосе и Аликанте; не я финансировал железные дороги в Ломбардии; не я отвечаю за 1500 млн итальянских займов, бельгийских займов, австрийских, римских, испанских... люди, которые одоб-

рили все эти операции, среди тех, кто обвиняет нас в истощении национального богатства в интересах иностранцев!».

Но Ротшильды следили за агонией «Креди мобилъе» с затаенным злорадством. Джеймс даже позволял себе время от времени спекулировать акциями «Креди мобилъе», хотя, возможно, не он (как считали некоторые современники) стоял за их последним взлетом и падением в 1864 г. «Старый» банк стал новым; «новый» банк стал старым.

Более того, денежные затруднения начала 1860-х гг. возникли не только из-за не поддающихся контролю всемирных экономических сил; отчасти они стали следствием финансовой политики правительства. Итальянская война неизбежно влекла за собой рост государственных займов; так, в 1859 г. Банку Франции пришлось ссудить казначейству 100 млн франков под обеспечение рентных бумаг, а также дисконттировать казначейских векселей на 25 млн франков. Однако эти суммы составляли лишь малую долю общих займов режима в 1850-е гг., которые – даже без учета расходов на Крымскую войну и итальянскую кампанию – составили приблизительно 2 млрд франков. Критика, какой подверг подобные действия бывший государственный министр Ашиль Фульд, привела к нежелательной перегруппировке политических сил, которая была бы немыслимой еще десять лет назад.

Восстановление отношений с прежними врагами вначале наблюдалось лишь за городом. В ноябре 1860 г. сообщалось, что император «охотился в Сен-Жермене с Фульдом и Ротшильдом»; в октябре следующего года поползли слухи, что «Фульд, де Жермини [директор Банка Франции] и Альфонс Ротшильд в Компьене подолгу совещаются с императором об экономическом положении». Однако месяцем позже в Париже объявили о том, что Фульд возвращается на пост министра финансов – Ротшильды и биржа в целом не скрывали радости по этому поводу. «Рад заметить, что... твой добрый друг... Фульд последовал твоему мудрому совету не снижать учетную ставку», – писал Джеймс Альфонсу всего через несколько недель. Он призывал Альфонса «пойти к Фульду, откровенно и свободно немного поболтать с ним» и признаться, что «мы бы очень хотели работать с ним рука об руку».

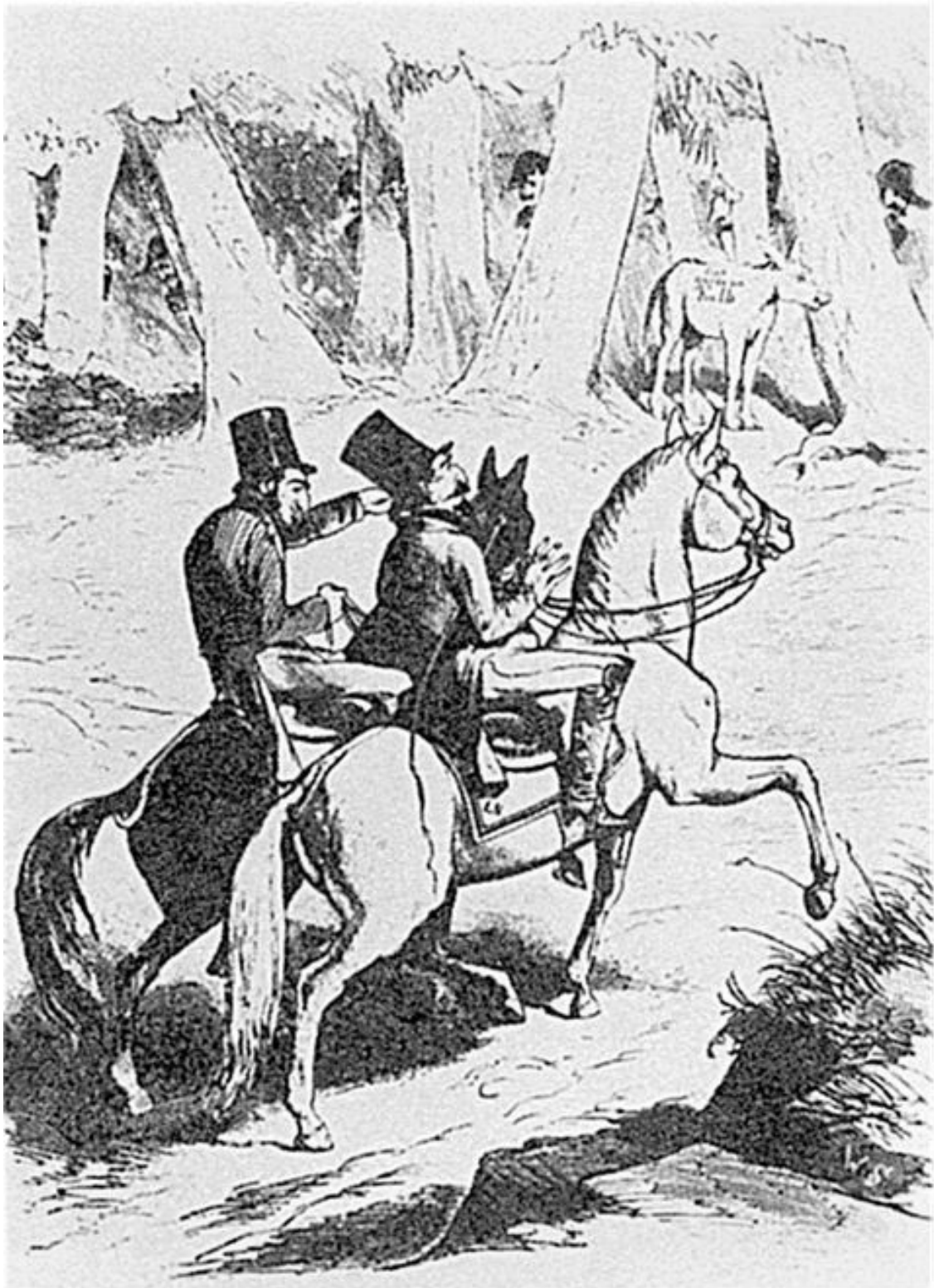
Существенное доказательство нового согласия между Ротшильдом, Фульдом и Бонапартом появилось в январе 1862 г. после конверсии (сравнительно немногочисленных) 4,5 %ных рентных бумаг в трехпроцентные. Хотя Джеймс, который проводил зиму в Ницце, испытывал небольшие опасения в связи с операцией, в конце концов Фульду удалось заручиться его полной поддержкой – не только в Банке Франции, но и на самой улице Лаффита. На первом этапе Парижский дом ссудил государству 30 млн франков (на 4 месяца под 5 %), чтобы повысить цену на трехпроцентные рентные бумаги. Вдобавок Альфонс согласился купить на 85,9 млн франков государственных тридцатилетних долговых обязательств, которые должны были также постепенно конвертироваться в трехпроцентные рентные бумаги. Конверсия стала успешной для правительства; Джеймс со своей стороны был доволен тем, что восстановил традиционное главенство Ротшильдов в государственных финансах Франции.

Знаменитый приезд императора в Ферьер на охоту 16 декабря 1862 г. необходимо рассматривать именно в таком контексте. Историки часто представляют «охоту в Ферьере» символом примирения Бонапарта со старыми «высокими финансами» Орлеанской династии, а иногда в нем видят символ не просто примирения, но и смирения. Именно так все и выглядело со стороны. В сопровождении Фульда, своего государственного министра (и кузена) графа Валуевски, английского посла графа Коули и генералов Флери и Нея, Наполеон поехал по железной дороге в Озуар-ла-Ферьер, где в 10.15 его встретили четыре сына Джеймса. После того как император и его спутники прошли по расстеленному на станционной платформе зеленому бархатному ковру, расшитому золотыми пчелами, их доставили в сам замок в пяти каретах, украшенных сине-желтыми цветами Ротшильдов. По прибытии император увидел, что на всех четырех башнях замка развеваются имперские флаги. Далее в главном зале его познакомили с остальными членами семьи (в том числе с Энтони, Натти и его сестрой Эвелиной), и император

задержался, чтобы полюбоваться висевшими там картинами Ван Дейка, Веласкеса и Рубенса. Затем он вышел в парк, где посадил памятный кедр, после чего был подан пышный завтрак. «Вместе с серебряным сервизом, отлитым в формах, которые сразу же уничтожили, чтобы он оставался уникальным, – почтительно сообщалось в «Таймс», – на столе стоял сервиз северского фарфора с подлинными рисунками Буше на каждой тарелке». Сама охота также прошла успешно: как сообщалось, было убито около 1231 голов дичи. Во второй половине дня в зале накрыли стол с блюдами на выбор; с галереи звучал «Хор демократических охотников», сочиненный стареющим Россини – пьеска для теноров, баритонов и басов в сопровождении двух барабанов и тамтама. В 6 вечера император со спутниками вернулся на станцию; их путь освещали «егеря, загонщики и другие служащие с факелами в руках».

Впрочем, степень примирения Ротшильдов с Наполеоном, судя по показному гостеприимству, вызывает сомнения. Хотя сам император произвел на Натти весьма благоприятное впечатление, в письме родителям он подметил определенную неловкость того дня: «Должен сказать, что прогулка была одной из самых неприятных, поскольку дорога [от станции] была как стекло... Случись такое в Англии, местные жители выказали бы гораздо больше воодушевления; здесь же крики «Да здравствует император!» слышались по большей части от платных агентов... После завтрака, который затянулся и был бы превосходен, если бы только был теплым, спортсмены отправились в парк. Туда согнали великое множество дичи, но, поскольку большинство стрелков успели попробовать 10 или 12 различных сортов вина, они стреляли очень плохо. Всего убили около 800 фазанов, а должны были убить 1500».

Более того, если верить одному отчету, прощаясь с императором, Джеймс не сумел удержаться от язвительного последнего выстрела. «Sire, – якобы сказал он, – *mes enfants et moi, nous n'oublierons jamais cette journée. Le mémoire nous en sera cher*» («Сир, мои дети и я никогда не забудем этот день. Память о нем будет нам всегда дорога»). С артиклем мужского рода слово *mémoire* означает «вексель», что предполагает каламбур насчет императора (в обоих смыслах). Подобно братьям Гонкур, считавшим Наполеона лишь самым последним французским монархом, «который нанес государственный визит деньгам», немецкие карикатуристы того времени, которые изображали Наполеона на охоте за золотым тельцом или толстыми «мешками» денег, были далеки от истины (см. ил. 3.3 и 3.4); но все они чувствовали фальшь того визита. Прием в Ферьере можно считать всего лишь предложением примирения Англии и Франции – отсюда присутствие Коули и не меньше четырех английских Ротшильдов. И все же примирения не случилось. Наоборот, с каждым дипломатическим кризисом Франция и Англия расходились все дальше.

3.3. «Золотой телец» (1862)

На публике Наполеон III и Ротшильды демонстрировали дружеские отношения. Джеймса и его родственников регулярно приглашали на приемы при дворе. Так, в январе 1863 г. Гонкуры заметили его на званом вечере, который устраивала кузина императора, принцесса Матильда. Через несколько месяцев Альфонс снова поехал в Компьен, чтобы обсудить с императором денежную политику, и с удовлетворением заметил, что «Его величество, похоже, понимает необходимость принятия строгих мер». Они с женой еще раз побывали там через

четыре месяца на званом вечере, где играли в шарады – любимое развлечение императора. Леонора предстала в образе «Юдифи с головой Олоферна», в сопровождении «бриллиантов на три или четыре миллиона на голове и на шее». Через год Фульд особо просил Джеймса обсудить с императором денежную политику, боясь, что Перейры еще могут убедить Наполеона приостановить конвертируемость. Вместо себя Джеймс послал Альфонса, которому не понравилось лишь то, что императрица была довольно болтлива и «слишком много хотела узнать о евреях». В ноябре 1865 г. Леонору снова попросили присоединиться к актерам-любителям в Компьене. Они с мужем, а также Гюстав и его жена Сесиль также присутствовали на знаменитом бале-маскараде в феврале 1866 г., на котором императрица изображала Марию-Антуанетту – кое-кто считал это зловещим предзнаменованием.

3.4. Ферьер: Большая охота у Ротшильда (1862)

Однако современники не могли не заметить двусмысленности таких отношений. По сравнению с Джеймсом Наполеон был еще молод: во время охоты в Ферьере ему было 54, а Джеймсу – 70. Однако здоровье у императора было неважным, что лишало его сил в критические моменты, в то время как Джеймс – хотя у него слабело зрение и он страдал от артрита – почти не утратил своей поразительной энергии. Когда Шарлотта в 1864 г. приехала к дяде на улицу Лаффита, она «застала его за обедом; он съел сначала бифштекс с картошкой, а затем огромную порцию лобстера. Надобно быть очень здоровым... чтобы отважиться принимать такую тяжелую пищу». Такое же неизгладимое впечатление на нее произвел его «чрезмерно утомительный» образ жизни, «он постоянно мечется между Парижем и Ферьером», не говоря уже о Булони, Ницце, Вильбаде и Хомбурге. До последнего года жизни Джеймс оставался главной движущей силой Парижского дома. Он неизменно поддерживал переписку и торопился с одной деловой встречи на другую, движимый такой работоспособностью и выучкой, о которых его более молодые родственники могли только мечтать. В августе 1867 г. Энтони обиженно отзывался о визите Джеймса в Лондон: «Сегодня утром мне нужно было ехать на Б[иржу] – в 9.00 приезжает барон, я должен ехать с ним к п[ринцу] У[эльскому], к герцогу Кембриджу, а затем к вице-королю Египта и султану... так что я в полном замешательстве... и если потом я не поеду в контору, меня ждет выговор... так что невозможно писать как должно».

Несмотря на большую занятость, Джеймс находил время и для того, чтобы собирать в Ферьере непревзойденную коллекцию пернатой дичи, а также флиртовать с графиней Валевской, женой министра. Не следует думать, что долгие периоды, какие он проводил каждый год на курортах, служили признаком ухудшения здоровья: именно на водах он казался «более юным, более резвым, чем когда бы то ни было», «обедал за общим столом и беседовал со всеми дамами, особенно с молодыми и хорошенькими». В 1866 г., когда некоторые французские журналисты принялись раздувать слух о том, что он ослеп, Джеймс «разгневался и хотел как можно скорее решительно возразить всем этим писакам, которые сокрушались о его якобы слепоте. Поэтому он нарочно ездил с сыновьями по театрам, без конца смотрел на актрис, а также на хорошеньких зрительниц в партере и в ложах, а под конец дня играл в вист, выигрывал в клубах и отдавал должное куропаткам, фазанам и оленине, добытой благодаря его не знавшему промаха ружью».

В высшей степени самоуверенный, к старости Джеймс стал немного безрассудным. Он часто позволял себе отпускать колкости, которые в прошлом старался подавлять. Некоторые его шутки вошли в биржевой фольклор: «На бирже наступает время, когда, если хочешь добиться успеха, ты должен говорить на иврите»; «Вы спрашиваете, знаю ли я, что заставляет биржу подниматься и падать? Если бы я это знал, я был бы богачом!» Когда один молодой брокер спросил его, повлияет ли на цену рентных бумаг, если установить при входе на биржу турникет и брать плату за вход, Джеймс тут же ответил: «Я считаю, что это будет стоить мне двадцать су в день». Но его самые знаменитые шутки – вроде шутки с «*mémoire*» в Ферьере – тонко высмеивали императора. Например, «*L'Empire, c'est la baisse*», буквально: «Империя – это падение (падающий рынок)», это каламбур на знаменитые слова Наполеона: «Империя – это мир», ставший убийственной эпиграфией режиму Наполеона.

Поэтому не приходится удивляться, что современники часто вспоминали старую шутку: Джеймс и его семья – вот истинные правители Франции. Братья Гонкур, которые славились своей язвительностью, в дневниках довольно злобно изобразили сборище 74 Ротшильдов на свадьбе Гюстава: «Я представляю их в один из тех дней, которые Рембрандт придумал для синагог и таинственных храмов, освещенных солнцем... Я вижу... мужские головы, зеленые от блеска миллионов, белые и скучные, как бумага, на которой печатают банкноты. Пир в банковской пещере... Короли парий мира, сегодня они всего жаждут и всем управляют: газетами, искусствами, писателями и тронами, распоряжаются музыкальными залами и миром во всем

мире, управляют государствами и империями, выдают ссуду железным дорогам, как ростовщик управляет молодым человеком, губя его мечты... Так они правят всеми сферами человеческой жизни, включая саму Оперу... Это не Вавилонское пленение, но пленение Иерусалимское».

Гонкурам Джеймс казался «чудовищной фигурой... приземистой, с уродливым жабым лицом, с налитыми кровью глазами, с веками, похожими на раковины, слюнявым ртом, похожим на кошель... Перед нами своего рода золотой сатир». Но на тех, кто, как Фейдо, видел Джеймса «в его природной стихии» – в его конторе, – не могла не производить впечатления излучаемая им сила: «Он обладал несравненной и драгоценной способностью концентрировать мысли, отрешаться от всего даже посреди самой адской шумихи. Часто, когда близилось завершение важной операции, он закрывал дверь и никого не принимал; часто он также без труда одновременно занимался самой важной и самой пустяковой операциями, поручив кому-нибудь из сыновей, обычно самому старшему, принимать в главном кабинете клерков с биржи, пока он, притулившись в углу той же комнаты с каким-нибудь министром или послом, радостно обсуждал условия операции на сотни миллионов... Иногда он прерывался посреди обсуждения условий займа, который должен был принести ему несколько дюжин миллионов, чтобы добиться у какого-нибудь незадачливого придворного, который не мог не согласиться, уступки франков на пятьдесят в какой-нибудь жалкой маленькой сделке... Этот финансовый гений обладал устрашающей способностью видеть все и делать все лично... Этот титан... сам читал все письма, распечатывал все депеши, а по вечерам находил время исполнять светские обязанности, несмотря на то что занимался делами с пяти утра. А видели бы вы, как его огромный банк работал – как часы! Какой чудесный порядок повсюду! Какие послушные служащие!...»

Таким образом, даже когда Наполеон начал терять политическую хватку, Джеймс все больше становился абсолютным монархом парижских финансов. Перед этим «священнейшим из священников денег», как выражались Гонкуры, «все люди были равны, как равны... перед самой смертью!».

Остается вопрос: в самом ли деле власть Ротшильда настолько подрывала бонапартистский режим, как считали некоторые современники? Если на публике Джеймс относился к тогдашнему режиму по крайней мере двойственно, то в кругу семьи он не скрывал своей враждебности. Натти считал своих французских родственников «еще более нелепыми орлеанистами, чем раньше; они находили изъяны во всем и во всех, связанных с императором». Об этом же пишет Бенджамин Давидсон после встречи с Бетти⁵³. Джеймс вначале сдержанно приветствовал сдвиг в сторону парламентаризма, но все время ожидал, что Наполеон прибегнет еще к одному государственному перевороту. Когда Альфонс решил последовать примеру своего дяди Лайонела и баллотироваться в парламент, он выступал кандидатом от оппозиции – хотя у Джеймса имелись сомнения по поводу того, чтобы Ротшильды проявляли свою оппозиционность так «открыто».

Но почему Ротшильды были так настроены против режима, который, к 1860-м гг., едва ли неблагоприятно сказывался на их делах? Конечно, они не скрывали своих симпатий к Орлеанской династии, но важно и другое. Джеймс и его сыновья видели фундаментальное противоречие между предположительно новой эпохой прочных финансов при Фульде и внешней политикой императора, которая оставалась такой же авантюрной – и в их глазах опасной, – как всегда. В начале 1860-х произошел целый ряд международных кризисов, в которых Наполеон, по их мнению, склонен был «наделать бед»; и всякий раз он демонстрировал признаки такого желания. В предчувствии роста военных расходов и государственного дефицита цена рентных бумаг понижалась. Например, уже в июле 1863 г. пошли разговоры о новом французском

⁵³ Шарлотта – Лео, Кембридж, 28 апреля 1864 г.: «Б. Д. говорит, что барон – великий человек, а великая баронесса в высшей степени предубежденная дама – крайне консервативная, то есть нетерпимая в своих предубеждениях... Перейры, император и англичане – любимые предметы ее отвращения. Она называет нас маньяками и вываливает все перлы своего красноречия на нашу прессу, потому что в ней утверждается, что французы не созданы для свободы».

займе; регулярные денежные затруднения Банка Франции тоже можно было приписать влиянию внешней политики на финансовую стабильность. Еще до войны за объединение Италии Джеймс сформулировал свою версию бонапартистской политики: «Нет мира, нет империи». События последующих лет лишь укрепили его уверенность, и его письма изобилуют ссылками на связь между финансовой слабостью и простором для дипломатического маневра. «Войны не будет, – писал он племянникам в октябре 1863 г. – Как я сказал, императору следует выступать ужасно миролюбиво. У него нет другого выхода, если он хочет получить деньги... и если в самом деле нужно сделать заем». «Считаю, – писал он в апреле 1865 г., – что слабая биржа поможет удержать императора в более миролюбивом настроении». И снова в марте 1866 г.: «Мы какое-то время будем сохранять мир, так как великому человеку [Наполеону] не по карману воевать...» Он часто беспокоился из-за того, что внутренняя политическая слабость все же способна толкнуть Наполеона на международные авантюры. Чем больше Наполеон подтверждал его опасения, тем больше Джеймс предвидел финансовые затруднения: вот что он имел в виду, когда сказал, что империя обозначает «падение» а не «мир».

Корни британского нейтралитета

Недоверие к Наполеону – вот одна из причин к пониманию реакции Ротшильдов на события 1860-х гг. Однако не меньшей значимостью обладала политическая и дипломатическая роль британских Ротшильдов в тот же период, а именно одобрение ими того, что вылилось в политику невмешательства в конфликты не только в континентальной Европе, но и в Америке.

Совсем не легко проследить за ходом политических обязательств британских Ротшильдов в 1860-е гг. Добившись доступа в палату общин, Лайонел ни разу не обращался с речью к другим членам парламента, но было бы ошибкой полагать, что с политической точки зрения он был неактивен. Он часто посещал палату общин – в одном случае его даже вовлекли в дискуссию, когда он не мог ходить из-за артрита. Кроме того, он так часто видел крупных политиков и журналистов в Нью-Корте и на Пикадилли, что его жена в 1866 г. с полным правом писала: «Политика интересует вашего отца до такой степени, что ни о чем другом он просто не говорит». Естественно, Лайонел оставался либералом; он, как и его младший брат Майер, выдвигавшийся от сельского округа, долго пользовался поддержкой большинства партии. И в экономической политике Лайонел придерживался либеральных взглядов; он был таким же убежденным сторонником свободной торговли, как и его друзья Чарлз Вильерс, брат Кларендона, министра иностранных дел в правительстве либералов, и будущий канцлер казначейства в правительстве либералов Роберт Лоу. Но узы дружбы связывали его и с Дизраэли, если не с партией Дизраэли; они с Шарлоттой часто виделись и с другими тори, в том числе генералом Джонатаном Пилем (братом сэра Роберта, хотя и не пилитом) и лордом Генри Ленноксом, членом парламента от Чичестера. Очень типично для Лайонела, что в 1865 г. он попросил Делана смягчить нападки на правительство Рассела в «Таймс», в то же время приглашая в Нью-Корт самого успешного критика правительства – Дизраэли. В апреле 1866 г., в разгар дебатов о предложенной Расселом реформе избирательной системы, Ротшильды пригласили «к ужину двух главных соперников – вига [Гладстона] в субботу, тори [Дизраэли] в воскресенье. Натти говорит, что два развлечения представляют собой Сциллу и Харибду и что нас наверняка ждут раздражительность и сварливость в один из двух дней, если не в оба».

Натти – старший сын Лайонела, наиболее политизированный из всех британских Ротшильдов – также придерживался зигзагообразного курса. Его самые ранние записанные политические замечания отражают воодушевленный либерализм, в котором сочетаются восхищение Гладстоном, циничное отношение к Дизраэли и апология фритредерства в духе Кобдена. Но он также тепло восхвалял Палмерстона и никогда не относился к торговым договорам как к замене военной готовности (его взгляды, несомненно, подкреплялись полученной им воен-

ной подготовкой и службой в добровольческой части Бакингершира). Когда он впервые посетил палату общин (чтобы послушать дебаты о Второй парламентской реформе), «он нашел риторику великого Гладстона тяжелой и помпезной, в то же время сочтя, что Дизраэли замечательно блистал». Доводы Лоу против реформы как будто пошатнули его уверенность; однако его кумиром по-прежнему оставался Брайт – самый страстный поборник реформы.

О двойственности политики Ротшильдов наглядно свидетельствует тот факт, что, когда в июле 1866 г. в Лондоне проходили демонстрации сторонников реформы, Эвелина заперла свои севрские вазы и отказывалась выходить на улицу; однако, когда «какой-то джентльмен-консерватор сказал Натти, который защищал глупых реформаторов, что он жалеет, что нам не разбили все окна... твой брат ответил, что мы в полной безопасности, так как народ знает, что мы его друзья; они подошли к дому с радостными криками, а Натти и Альфи были в толпе». Когда леди Элис Пиль сказала Лайонелу, «что солдатам нужно было застрелить двадцать или тридцать человек из этого сброда, и тогда мятеж закончился бы очень быстро», он ответил с характерной для себя уклончивостью: «Леди Элис, мне вы можете говорить что угодно, но я не советую вам ездить по Лондону с такими предложениями». Шарлотта обвиняла Спенсера Уолпола, министра внутренних дел в правительстве тори, в том, что он спровоцировал насилие, приказав прогнать демонстрантов из Гайд-парка; тем не менее она признавала, что, «если бы правительству тори приказали ввести либеральные меры, нет ни одной мирской причины, почему оно не оказалось бы таким же полезным, как правительство вигов». Лайонел «желал Диз. всяческих успехов» в правительстве – но отчасти потому, что не хотел участвовать еще в одних всеобщих выборах, что ему пришлось бы сделать, если бы правительство тори подало в отставку. Его с трудом удалось успокоить в феврале 1867 г., когда Дизраэли сказал ему перед очередной сессией парламента: «Когда мы встретимся снова, я буду либо человеком, либо мышью, но положитесь на мое слово: мы не подадим в отставку, не обратившись с призывом к стране». За время долгого процесса поправок и прохождения реформы Дизраэли дверь Ротшильдов оставалась открытой для политиков всех оттенков: Шарлотта охотно читала Джона Стюарта Милля, который дошел до того, что защищал избирательное право для женщин, подавала чай Гладстонам и ужинала с четой Дизраэли. Лайонел, как положено, посещал дебаты и участвовал в голосовании, часто совещаясь с «нашим другом» Дизраэли, но иронически удивляясь, «когда те же члены парламента, которые в прошлом году голосовали против той или иной поправки, в этом году голосовали за и чувствовали себя превосходно».

Основой для двоякого отношения Ротшильдов к политическим деятелям оставалась, как и прежде, внешняя политика. Подкрепляясь безупречными политическими сведениями со стороны Парижского дома, они имели возможность привлечь внимание любого правительства, как либерального, так и консервативного. Соглашаясь с целью Джеймса – не допустить агрессии со стороны Наполеона III, которая могла привести к всеобщей войне, – они в целом стремились соответственно формировать политику Великобритании (зато примечательно, сколь мало члены британской ветви семьи беспокоились о Пруссии). Однако в тот период английские Ротшильды стали меньше интересоваться делами континентальной Европы. Ансельм, несомненно, преувеличивал, но его анализ от марта 1866 г. многое говорит о письмах, которые он получал из Нью-Корта: «Не заблуждайся; политическое влияние Англии на континентальные дела можно считать нулевым; того, кто постоянно держит меч в ножнах или не выводит военные суда из мирных портов... не боятся. Во всяком случае, ясно, что избирательная реформа и бычья эпидемия ближе сердцу Джона Буля, чем герцогства [Шлезвиг и Гольштейн]».

Меткое замечание попало в цель: несомненно, в 1866 г. Майер куда больше беспокоился о чуме рогатого скота, косившей его стада в Ментморе, чем об объединении Германии. Драматические события – банкротство «Оверенд, Герни и К^о» (10 мая), падение правительства Рассела (26 июня), беспорядки в Лондоне из-за избирательной реформы (23 июля) – отвлекали внимание британцев от событий на континенте. Какие бы сомнения Лайонел ни испытывал

относительно Бисмарка, он вовсе не хотел, чтобы Великобритания вмешивалась в континентальные дела; и даже если бы у него появилось такое желание, едва ли ему удалось бы преодолеть изоляционизм нескольких министров иностранных дел подряд. Пока превалировали взгляды Гладстона на фискальную нравственность, британские бюджеты были сбалансированы так, что, даже когда расходы на оборону возрастали, их финансировали из поступлений от налогов, а не займов: правительство сталкивалось с дефицитом всего четыре года между 1858 и 1874 гг., причем в каждом случае дефицит был крошечный. В дальней перспективе стремились к тому, чтобы полностью выплатить государственный долг, а не наращивать его: с 1858 по 1900 г. он снизился с 809 до 569 млн ф. ст. (возможно, это самое осязаемое достижение Гладстона). Правительству, которое не занимало деньги, Ротшильды могли давать советы, а не оказывать нажим на него.

Американские войны

Можно сказать, что традиция невмешательства Великобритании началась с эмоционального приветствия Рассела объединения Италии, что более или менее отрицало его и Палмерстона подозрения относительно политики Франции. Начало Гражданской войны в Америке, заставившее Великобританию беспокоиться о безопасности Канады, породило шаблон, который сохранялся в течение десяти с лишним лет. Отношение Ротшильдов к американскому конфликту часто трактовалось неверно; более того, оно иллюстрирует по сути пассивную роль, какую Лайонел играл в международных делах в тот период. Из-за того что Белмонт (будучи национальным председателем Демократической партии) был сторонником Стивена А. Дугласа, противника Линкольна на президентских выборах 1860 г., он и, в свою очередь, Ротшильды навлекли на себя критику обеих противоборствующих сторон в войне, которая началась на следующий год. Республиканцы Севера осыпали бранью «национального председателя Дугласа» как приспособленца по вопросу о рабстве; то же самое делали южане-демократы, но с противоположной точки зрения.

Согласно одному из его биографов, в ходе войны Белмонт старался заручиться поддержкой Ротшильдов для северян: хуже всего для него было, если его «хозяева» в Европе окажут финансовую помощь Югу. Но Белмонта и Ротшильдов постоянно обвиняли в сочувствии конфедератам. Нападки усилились после назначения генерала Джорджа Макклеллана кандидатом от демократов в 1864 г., потому что мирные переговоры с Югом он предпочитал тому, что Белмонт называл «роковой политикой» Линкольна, состоявшей в «конфискации и принудительной эмансипации». «Будет ли у нас позорный мир, чтобы обогатить Белмонта, Ротшильдов и все племя евреев, которые скупают облигации конфедератов, — гремела «Чикаго трибюн» в 1864 г., — или почетный мир, выигранный Грантом и Шерманом у жерла пушки?» «Давайте рассмотрим несколько неоспоримых фактов, — призывал автор статьи в «Нью-Йорк таймс» в октябре того же года. — Печально известный... лидер Демократической партии на съезде [в Чикаго] был агентом Ротшильдов. Да, великая Демократическая партия так низко пала, что вынуждена была искать лидера в агенте иностранных евреев-банкиров». Через месяц этот довод на предвыборном собрании развил и расцвел один сторонник Линкольна из Пенсильвании: «Агент Ротшильдов — главный управляющий Демократической партии! (*Крики «Вот именно» и приветственные возгласы...*) Каким первоклассным министром финансов он станет, если президентом выберут мистера Макклеллана! (*Смех.*) Нет ни одной страны, ни одного правительства во всем христианском мире, где лапы, клыки или когти Ротшильдов не вонзались бы в самое сердце казначейства... и они хотели бы проделать то же самое здесь... Мы не хотели занимать, и евреи взбесились и бесятся с тех пор. (*Приветственные выкрики.*) Но они, Джефф Дэвис и дьявол никогда нас не завоюют! (*Продолжительные аплодисменты*)».

Была ли правда в огульных обвинениях в том, что Ротшильды поддерживали Юг? Вполне возможно, на улице Лаффита, если не в Нью-Корте, и высказывалось сочувствие к делу Юга. По крайней мере отчасти такое отношение вытекало из сообщений третьего сына Джеймса, Соломона, которого послали на другой берег Атлантического океана в 1859 г. (примерно как Альфонса в 1848 г.), чтобы он завершил там свое профессиональное образование. Соломон пробыл в Америке до начала войны (апрель 1861 г.). Хотя Соломон по-диккенсовски приходил в ужас от многих особенностей американской политической жизни, он склонен был сочувствовать Югу и в своей последней депеше в Париж уверял: для того чтобы остановить войну, Европе следует признать Конфедерацию. Если не считать довода, что Югу следует позволить самому вырабатывать законы, — который имел влияние даже на таких маловероятных сторонников рабовладельческих штатов, как Гладстон, — самым убедительным доводом в пользу если не поддержки южан, то сохранения мира была блокада, лишавшая Европу южного хлопка. По крайней мере один из американских корреспондентов Лондонского дома — банкирский дом «Чивз и Осборн» в Петербурге (штат Виргиния) — неоднократно призывал Англию «немедленно признать Конфедерацию южных штатов на основании интереса и человечности [так!]». И сам Белмонт (вопреки отчету Каца) недвусмысленно говорил Лайонелу в 1863 г., когда он приезжал в Лондон, что «скоро Север будет завоеван». Однако, как Ротшильды ни сетовали на начало войны, они сразу заявили о своем нейтралитете, высказываясь против вмешательства как Великобритании, так и Франции. В 1863 г. американский генеральный консул во Франкфурте после беседы с Майером Карлом сообщал «Харперс уикли», что «здесь компания «М. А. Ротшильд и сын» настроена против рабства и в пользу Союза. Еврей-выкрест Эрлангер, который также живет в этом городе... предоставил мятежникам заем в 3 млн ф. ст.; по словам барона Ротшильда, что вся Германия осудила этот... заем в поддержку рабовладельческого правительства и что общественное мнение так настроено против, что «Эрлангер и К^о» не смеют предложить облигации на Франкфуртской бирже. Более того, как мне стало известно, евреи рады, что никто из их секты не будет виновен в предоставлении денег с вышеупомянутой целью; такое, по их словам, предоставлено евреям-отступникам».

В самом деле, Эрлангер, вместе с американцем Джеймсом Слайделлом, выпустил первый «гарантированный хлопком» заем Конфедерации в марте 1864 г.; и единственный лондонский банк, который согласился участвовать в операции, был не «Н. М. Ротшильд и сыновья», а «Дж. Генри Шрёдер и К^о», который никогда раньше не занимался государственными займами. Лондонский дом сообщил Белмонту, что «заем Конфедерации спекулятивного характера, который, вполне вероятно, привлечет всех безнравственных спекулянтов... Его разместили иностранцы, и мы не слышали ни о каких почтенных людях, которые имеют к нему отношение... Мы сами сохраняем нейтралитет и не желаем иметь с ним ничего общего»⁵⁴. Самое позднее в 1864 г. Джеймс участвовал в финансировании поставок импорта европейских товаров в Северные штаты. Он критиковал Белмонта за то, что тот не хотел помогать правительству Линкольна, и убеждал скептически настроенного племянника Ната, что северные облигации представляют неплохую инвестицию⁵⁵. В 1874 г., когда их снова начали обвинять в финансировании Юга, Белмонт лишь немного преувеличил, заявив, что «около девяти лет назад покойный барон Джеймс де Ротшильд в Париже показал... в моем присутствии, что в годы войны он был одним из первых и самых крупных инвесторов в наши ценные бумаги». Разговоры о том, что Ротшильды поддерживали Юг, были просто выдумкой, как и позднейшие обвинения Белмонта в том, что он стремился задержать выплату американской помощи фениям.

⁵⁴ Суждение оказалось вполне здравым; банки-эмитенты сумели удерживать облигации выше номинала лишь благодаря массивной интервенции на рынок.

⁵⁵ Возможно, разногласиями из-за американской политики можно объяснить трения между Белмонтом и представителями Лондонского дома, когда он посетил их в 1865 г.

Однако невозможно отрицать, что, по сравнению с такими конкурентами, как Бэринги и американские банкирские дома Джорджа Пибоди и Джуниуса Спенсера Моргана со штаб-квартирами в Лондоне, интересы Ротшильда в американских финансах – как Севера, так и Юга – были ограниченными. Такая ситуация продолжалась до конца столетия. В то время как новички вроде Зелигманов могли послать в Нью-Йорк кого-то из членов семьи, Ротшильды по-прежнему держались вдали от американского рынка, тем более что Белмонт посвящал все больше времени и сил политике (наживая в процессе влиятельных врагов)⁵⁶. Более того, Гражданская война даже у Джеймса вызвала разочарование в Соединенных Штатах. Хотя он испытывал оптимизм по поводу роста трансатлантических операций после заключения мира в 1865 г., он все время боялся возобновления политических «беспорядков». В 1867 г. он сказал последнее слово по данной теме, приказав продать американские ценные бумаги, потому что «я глубоко убежден, что, хотя Америка – страна превыше всяких расчетов, не следует питать иллюзий... война, которая все время возобновляется, направлена не только против президента, но и против Юга».

Хотя сыновья Джеймса по-прежнему интересовались хлопком, Альфонс в январе 1868 г. ясно дал понять кузенам, что «нам не нужно спекулировать на каком-нибудь негритянском восстании на Юге или чем-то в таком же роде». Не менее прохладно он отнесся и к американским железным дорогам. Такой же, хотя и более мягкой, была реакция в Лондоне. Когда американский финансист Джей Кук в 1870 г. посетил Лондон в надежде найти покупателей на облигации «Нозерн пасифик» на 5 млн долларов, Лайонел сразу же отказал ему. Участие Ротшильдов в экономике США все больше сводилось к выпуску облигаций для отдельных штатов или федерального правительства. Даже это оказалось проблематичным: возобновление послевоенных операций началось с неудачи. Лондонский дом вложил 500 тысяч долларов в облигации штата Пенсильвания. Через год стало очевидно, что власти штата собираются расплатиться с кредиторами обесцененными долларами. За возражениями Белмонта последовал грубый антисемитский ответ казначея штата Уильяма Х. Кембла: «Вы получите от нас фунт плоти, но ни капли христианской крови». Более успешным стал заем, выделенный штату Нью-Йорк в 1870 г. Его разместили Парижский, Лондонский и Франкфуртский дома в сотрудничестве с Адольфом Ганземаном. Еще одна эмиссия последовала в 1871 г. И все же Ротшильды всегда предпочитали иметь дело с центральным правительством. Начиная с 1869 г. они лоббировали президента Улисса С. Гранта в надежде помочь ему стабилизировать федеральные финансы. Лондонский дом оказался в числе пяти банков-эмитентов, которые выпустили заем рефинансирования. Процесс повторился два года спустя, а потом еще раз в 1878 г. Конечно, Ротшильдов по-прежнему поносили противники Белмонта; их называли «европейскими Шейлоками», чьей единственной целью служит переоценка облигаций различных американских штатов; таким образом они якобы подталкивают Соединенные Штаты к золотому стандарту. В действительности же Гражданская война привела не только к временному спаду во влиянии Великобритании на дела континентальной Европы, но и к постоянному спаду трансатлантического влияния Ротшильдов.

Самым лучшим доводом против вмешательства в гражданские войны в других странах послужили события к югу от Рио-Гранде. Хотя Наполеону III не удалось повлиять на исход Гражданской войны в США, он все же вмешался в события на американском континенте, хотя и по-другому. Французское вторжение в Мексику стало одним из самых неуспешных предприятий империализма за весь XIX в. Отчасти причиной поражения стала уверенность Наполеона в том, что Мексику необходимо уберечь от полной аннексии со стороны США. Отчасти нужно было «пристроить» бывшего австрийского губернатора Ломбардии, хотя эрцгерцог Максими-

⁵⁶ В 1866 г. предпринималась еще одна неудачная попытка обуздать Белмонта, но, как фаталистически заметили Джеймс и Альфонс, он стал незаменимым.

лиан согласился взойти на мексиканский престол, лишь уступив давлению своей тщеславной жены Карлотты Саксен-Кобургской и вопреки советам своего брата, императора Франца Иосифа. Интервенция лишь на первый взгляд имела отношение к деньгам. Первоначальные французские, британские и испанские экспедиции в Мексику в 1861 г. были вызваны отказом нового правительства прогрессистов продолжать платить проценты по внешнему долгу; и в ходе последующих лет в оправдание своих поступков они часто приводили интересы инвесторов. На деле же большинство держателей облигаций были британцами, а французам нужно было раздуть собственные притязания или (как сделал Морни) приобрести облигации у других. После того как Великобритания и Испания отказались от участия в этом предприятии в апреле 1862 г., в Мексику отправился французский экспедиционный корпус в количестве 30 тысяч человек. Мексиканская операция вылилась в дорогостоящее фиаско. Да, французам удалось оккупировать страну и посадить на престол Максимилиана, но французское казначейство не могло платить бесконечно. По Мирамарскому соглашению новый мексиканский режим должен был выплатить Франции 270 млн франков: 40 млн держателям облигаций и другим частным инвесторам, остальное – за вторжение. Долг можно было выплатить, лишь сделав новый заем в Европе; заемщикам требовалось, чтобы новый режим был надежен. Но, как только закончилась Гражданская война в США и Соединенные Штаты дали понять, что не считают Максимилиана легитимным правителем, оккупация стала несостоятельной. В 1866 г. Наполеон вынужден был с позором вывести войска, бросив несчастного Максимилиана на произвол судьбы. Через год его расстреляли.

Предполагалось, что Ротшильды были против мексиканской авантюры. Однако дело обстояло наоборот. У Ротшильдов, как мы помним, имелись интересы в Мексике. Более того, Натаниэль Давидсон тревожился, что потеряет не менее 10 тысяч долларов, если правительство Хуареса откажется признавать договоры, подписанные его консервативным предшественником, особенно в том, что касалось церковных земель, под обеспечение которыми Давидсон предоставил заем в сумме около 700 тысяч долларов. Под угрозой находился и приобретенный им металлургический завод в Сан-Рафаэле. Поэтому Давидсон приветствовал высадку европейских войск в Веракрусе и жалел только о том, что они не двигались быстрее, чтобы сбросить Хуареса. Он поспешил помочь французскому казначею экспедиции, учтя векселя и предоставив ему несколько миллионов долларов золотом из Калифорнии. И в Максимилиане Ротшильды также были косвенно заинтересованы: его жена была дочерью Леопольда, короля Бельгии, давнего приятеля Ротшильдов, который еще в 1848 г. доверил ее наследство Парижскому дому. Как только французское правительство подняло вопрос о мексиканском займе, Ротшильды перестали скрывать свою заинтересованность.

Конечно, Джеймс всегда скептически относился к успеху такого займа. «Не понимаю, – размышлял он в августе 1863 г., – как австрийский принц сможет получить титул императора благодаря французским штыкам, а если французы не останутся, кто гарантирует, что налоги будут собираться по-прежнему и проценты будут выплачиваться [по займу]». Кроме того, он правильно предвидел, что окончание Гражданской войны в США ослабит положение французов. Даже если заем будет взят на комиссию, Джеймс не хотел, чтобы его банкирский дом выпускал облигации, которые вполне могут обесцениться, если вся авантюра окончится фиаско. Но его сомнения вовсе не означали, что он был настроен против займа; они просто объясняют его нетипичное желание действовать в тандеме с Бэрингами. Он стремился разделить риск и усилия, какие они с Альфонсом затратили, чтобы заручиться согласием лондонских держателей облигаций на их условия. В конечном счете ему не хотелось уступать мексиканский заем таким конкурентам, как «Креди мобилъе» и банк Глина, и он прилагал энергичные усилия к тому, чтобы сохранить его за собой. Мысль о новом мексиканском банке казалась ему в перспективе «золотой операцией»; он был разочарован, когда и с этим замыслом пришлось распрощаться. Неожиданно Ротшильды оказались в уязвимом положении из-за того, что

Давидсон слишком рьяно дисконтировал векселя не только для французской армии, но и для самого Максимилиана. Когда объявили об эвакуации французов, у них, к ужасу Давидсона, остались векселя обреченного режима Максимилиана стоимостью около 6 млн франков.

Следовательно, у Ротшильдов имелись законные, пусть и не оправдавшие себя, коммерческие причины для поддержки мексиканской авантюры. В пользу такого шага говорил и более тонкий и, может быть, более важный побочный довод: безрассудная трата материальных и людских ресурсов в далекой Мексике отвлекала Францию от Центральной Европы. Последнее становится ясным из личной переписки: как недвусмысленно выразился Джеймс в июне 1863 г., посылка денег и войск в Мексику «невыгодна для казначейства, зато отменяет войну за Польшу» (см. следующую главу). Однако последствия такого ослабления Франции окажутся далекоидущими, причем гораздо больше, чем он предвидел. Альфонс не преувеличивал, когда писал, узнав о казни Максимилиана: «Не следует заблуждаться: трагическая гибель бедного Максимилиана – событие, которое могло бы иметь очень серьезные последствия. В стране [во Франции] царит общее недовольство, проистекающее из легкомыслия, с каким... относятся к вопросам как внутренней, так и внешней политики. Отсюда общая неуверенность в будущем, которая влияет на все операции».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.